

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 23. № 2
Volume 23. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2024

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2024
Том 23. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2024
Volume 23. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

2024. Vol. 23. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof., Chief Res. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*
Making up by *E.S. Reshetnikova*
Technical editing by *S.A. Astakhova, E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Sept. 3, 2024.
Date of publication: Nov. 14, 2024.
Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 17.6. Published pages 18.9.
Number of copies 500 (1st printing 1– 30 copies).
Order 95. «C» 28.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Journal website: <https://psst.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2024. Т. 23. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. *Д.Р. Яворский* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. *И.В. Василенко* (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р экон. наук., проф. *Н.В. Горшкова* (г. Волгоград);
д-р экон. наук., доц. *Е.Г. Гущина* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, проф. *Н.В. Дулина* (г. Волгоград);
д-р филос. наук, проф. *О.Э. Душин* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. *С.С. Неретина* (г. Москва); д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редакторы английских текстов: *Е.А. Елтанская,*
Д.А. Новак
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *С.А. Астаховой,*
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 03.09.2024 г.
Дата выхода в свет: 14.11.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 18,9.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).
Заказ 95. «С» 28.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Завгородний Т.О.</i> Сознание и его метаморфозы: темпоральность и принадлежность опыта	6
<i>Балаклеец Н.А.</i> Победитель и побежденный: кто пишет историю	16
<i>Токарева С.Б.</i> Русский менталитет как модальная целостность	26
<i>Углинская Н.А.</i> «Русская душа» как модус русского менталитета: семантический подход	33
<i>Гилл Е.В., Крпачунов Д.Е.</i> Традиционализм и онтологическая недостаточность человека	41
<i>Гришечкина Н.В., Устьянцев В.Б.</i> Кино как средство формирования отношения к здоровью	50
<i>Дащинский В.В.</i> Невопрошающее молчание студентов как коммуникативная неудача: причины явления и способы преодоления	59
<i>Колычев П.М.</i> Актуальность философии как знания о мире в целом	69

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ

<i>Самарина Т.С.</i> Буддийский эпистемологический поворот и современная нейропсихология: размышления о книге В.Г. Лысенко «Индийские философы о природе восприятия»	75
--	----

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

<i>Козловский В.В., Васильева Е.Н.</i> Становление современной российской социологии: интервью с профессором Владимиром Вячеславовичем Козловским	81
<i>Артюхин М.И., Щурок Э.М., Пушкевич С.А.</i> Система аттестации научных и научно-педагогических работников в Республике Беларусь: становление ее институциональной основы и перспективы развития	94
<i>Ильдарханова Ч.И., Рустамова Г.М., Ершова Ю.Н.</i> Институционализация демографической науки в Российской Федерации (акторно-сетевая модель)	108

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Юдина Т.Н., Сёмочкина Н.Н.</i> Мобильность в современном мире: подходы к осмыслению и новые форматы	120
<i>Намруева Л.В.</i> Миграция современного сельского населения (на примере четырех СМО Республики Калмыкия)	133
<i>Логинова Л.В.</i> Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений	142

Андрющенко О.Е., Данилова Е.О. Грантовая деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в Волгоградской области

Пискунова А.Е. Экстрактивизм в лицах: воспроизводство социальных сил и отношений в ходе освоения природных ресурсов

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Сгибнева О.И., Бобошко А.А. Социальные проблемы здравоохранения в зеркале социологии (экспертная оценка)

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Zavgorodny T.O.</i> Consciousness and Its Metamorphoses: Temporality and Ownership of Experience	6
<i>Balagleets N.A.</i> The Victor and the Defeated: Who Writes History	16
<i>Tokareva S.B.</i> The Russian Mentality as a Modal Integrity	26
<i>Uglinskaya N.A.</i> "Russian Soul" as a Modus of Russian Mentality: A Semantic Approach	33
<i>Gill E.V., Krapchunov D.E.</i> Traditionalism and Ontological Incompleteness of the Human Being ...	41
<i>Grishechkin N.V., Ustiantsev V.B.</i> Cinema as a Means of Forming Attitudes Towards Health	50
<i>Dashchinsky V.V.</i> The Unquestioning Silence of Students as a Communicative Failure: The Causes of the Phenomenon and Ways to Overcome It	59
<i>Kolychev P.M.</i> Relevance of Philosophy as Knowledge About the World as a Whole	69

REFLEXIONS ON THE BOOK

<i>Samarina T.S.</i> Buddhist Epistemological Turn and Modern Neuropsychology: Reflections on the Book by V.G. Lysenko "Indian Philosophers on the Nature of Perception"	75
--	----

TO THE 300 YEARS

OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

<i>Kozlovskiy V.V., Vasilieva E.N.</i> Formation of Modern Russian Sociology: Interview with Professor Vladimir Kozlovskiy	81
<i>Artyukhin M.I., Shchurok E.M., Pushkevich S.A.</i> The System of Certification of Scientific and Scientific-Pedagogical Workers in the Republic of Belarus: The Formation of Its Institutional Basis and Development Prospects	94
<i>Ildarhanova Ch.I., Rustamova G.M., Ershova Yu.N.</i> Institutionalization of Demographic Science in the Russian Federation (Actor-Network Model)	108

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Yudina T.N., Semochkina N.N. Mobility in the Modern World: Approaches to Understanding and New Formats 120

Namrueva L.V. Migration of the Modern Rural Population (On the Example of Four CFR of the Republic of Kalmykia) 133

Loginova L.V. Deinstitutionalization of Traditionally Organized Labor: The New Normality of Labor Relations 142

Andryushchenko O.E., Danilova E.O. Grant Activity of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Volgograd Region 153

Piskunova A.E. Extractivism in Persons: Reproduction of Social Forces and Relationships in the Course of the Natural Resource Development 165

ACADEMIC DISCUSSIONS

Sgibneva O.I., Boboshko A.A. Social Problems of Healthcare in the Mirror of Sociology (Expert Assessment) 178

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.1>

UDC 1(091)
LBC 87.1

Submitted: 24.03.2024
Accepted: 15.06.2024

CONSCIOUSNESS AND ITS METAMORPHOSES: TEMPORALITY AND OWNERSHIP OF EXPERIENCE

Timur O. Zavgorodny

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is an attempt to conceptualize such structures of the experience of consciousness as temporality and subjectivity in their interconnectedness. The article questions the assumption that the location of experience in time and the belonging of experience to a particular subject should be interpreted as invariant characteristics of the experience of consciousness. The author investigates the counter-assumption according to which these characteristics are not assumed to be necessary for any state of consciousness. This assumption is tested using phenomenological analysis of such extraordinary states of consciousness as the psychotic experience of schizophrenic patients and the meditative experience of advanced practitioners. The similarity of these states of consciousness is that both can be characterized in terms of the deformation of the subject's experience of living time and self. Clarifying the parameters that make up the habitual experience of the subjectivity of everyday experience, the author hypothesizes that the key factor in temporal-personal changes are shifts in the subject's affectation, the ultimate values of which lead to the elimination of subject-object dualism and temporality of the experience of consciousness. The arbitrariness of these shifts is understood as the main condition for the traumatization of these changes in the experience of consciousness. At the same time, the article raises the question of the phenomenological status of the state of non-dual and atemporal consciousness, which, due to its deprivation of any intensional content, is likened to the state of dreamless sleep and conceptualized in modern cognitive sciences as "pure consciousness". The resulting state of consciousness is proposed to be thought of as a "zero point" of consciousness, over which, due to affectation, the usual structures of temporality and subject-object dichotomy are superimposed.

Key words: subjectivity, temporality, affectivity, psychopathology, meditation, pure consciousness.

Citation. Zavgorodny T.O. Consciousness and Its Metamorphoses: Temporality and Ownership of Experience. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.1>

УДК 1(091)
ББК 87.1

Дата поступления статьи: 24.03.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

СОЗНАНИЕ И ЕГО МЕТАМОРФОЗЫ: ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ОПЫТА

Тимур Олегович Завгородний

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку осмысления таких структур опыта сознания, как темпоральность и субъективность в их взаимосвязанности. В статье подвергается сомнению предположение о том, что расположенность опыта во времени и принадлежность опыта конкретному субъекту должны быть истолкованы в качестве инвариантных характеристик опыта сознания. Автор исследует контрпред-

положение, в соответствии с которым указанные характеристики не полагаются необходимыми для всякого состояния сознания. Проверка данного предположения осуществляется с помощью феноменологического анализа таких экстраординарных состояний сознания, как психотический опыт больных шизофренией и медитативный опыт продвинутых практикующих. Сходство указанных состояний сознания заключается в том, что оба могут быть охарактеризованы с точки зрения деформации опыта проживания субъектом времени и самого себя. Уточняя параметры, из которых составляется привычное переживание субъективности повседневного опыта, автор выдвигает гипотезу о том, что ключевым фактором темпорально-личностных изменений являются сдвиги в аффектации субъекта, предельные значения которых ведут к устранению субъект-объектного дуализма и темпоральности опыта сознания. Произвольность этих сдвигов понимается как основное условие травматичности указанных изменений в опыте сознания. При этом в статье поднимается вопрос о феноменологическом статусе состояния недואльного и атемпорального сознания, которое, ввиду своей лишенности какого бы то ни было интенционального содержания, уподобляется состоянию сна без сновидений и концептуализируется в современных когнитивных науках в качестве «чистого сознания». Полученное состояние сознания предлагается мыслить как «нулевую точку» сознания, над которой, вследствие аффектации, надстраиваются привычные структуры темпоральности и субъект-объектной дихотомии.

Ключевые слова: субъективность, темпоральность, аффективность, психопатология, медитация, чистое сознание.

Цитирование. Завгородний Т. О. Сознание и его метаморфозы: темпоральность и принадлежность опыта // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.1>

Всякий сознательный опыт обладает рядом общих черт: во-первых, предполагает некое содержание («о чем» опыта), во-вторых, качественность («как» опыта), в-третьих, приватность («чей» опыта). Более того, всякий опыт сознания отличает непрерывность: опыт не предстает в виде отдельных фрагментов, но образует единый поток восприятий, мыслей, эмоций и т. д. Однако опыт изменчив, что позволяет вести речь об измененных состояниях сознания. Но насколько далеко могут простираться такие изменения и какие структуры сознания они способны затрагивать?

Раз в год множество людей, выходя на улицу, отмечает внутри себя переживание наступления весны. Вместе с тем ни один из элементов этого множества переживаний не может быть сведен к другому: в *моем* переживании (наступления весны, утренней чашки кофе, волнения перед публичным выступлением) присутствует некое неповторимое «как», воспроизведение которого на ином «носителе» без утраты его феноменального существа не представляется возможным. Д. Захави [Zahavi 2019, 732] указывает на то, что сопровождаемость всякого опыта сознания неким «как» подразумевает субъект, в отношении которого это «как» только и может быть пережито. Иными словами, всякое переживание может быть исключительно «чьим-то» переживанием и обречено быть воспринятым в

контексте определенной и в известном смысле уникальной позиции своего владельца, фундирующей его феноменологический окрас¹. Однако во всех ли случаях сознание налагает на опыт присваивающую характеристику?

Для ответа на этот вопрос я предлагаю исследовать опыт его экстраординарных состояний (таких как психотический опыт больных шизофренией и медитативный опыт), поскольку в основании данного исследования лежит глубокое убеждение о том, что изучение патологических и девиантных феноменов способно не только служить демонстрацией уместности феноменологического анализа субъективности, но и расширить текущее понимание природы сознания. Данное исследование ставит перед собой следующие задачи:

I. Продемонстрировать, что присваивание содержания опыта НЕ является обязательной чертой самого опыта сознания – с целью чего на примере экстраординарных состояний сознания и на концептуальном фундаменте трудов современных психиатров-феноменологов будет произведен анализ механизмов возникновения (I.I) и разрушения (I.II) чувства субъективной принадлежности содержания опыта, а также коррелятивной этому чувству его длительности.

II. Выявить структуры сознания, обеспечивающие наличие сообщаемого феноменального опыта у лиц, по тем или иным причинам утративших чувство *мойности* содержа-

ния опыта и отмечающих в этой связи нарушения в привычном ощущении его длительности.

III. Поставить вопрос о феноменологическом статусе не-дуальных, а-темпоральных и некоммуницируемых состояний сознания.

IV. Сформулировать вывод об условиях структурно-функциональных сдвигов в опыте повседневного сознания, позволяющих выделить план, модус сознания, лишенный признаков субъект-объектного дуализма, темпоральности и какого бы то ни было интенционального содержания, характерных для модуса его повседневного феноменального существования.

I

Начнем с психотического опыта² больного шизофренией. Согласно отчетам таких больных [Fuchs, van Dupen 2017, 70] обычной составляющей их психотических приступов является элемент деперсонализации: собственные мысли больные склонны принимать за чужие, равно как и полагать свои действия направляемыми извне. Вторым случаем будет опыт высших стадий буддийской медитации³, доступных продвинутому практикующим, из самоотчетов которых исследователям известно [Costines, Borghardt, Wittmann web], что состояния сознания, достигаемые на некоторых стадиях, также отмечены «анонимностью». Отметим, что, в отличие от анонимизации опыта находящегося в состоянии психотического приступа больного шизофренией, исчезновение присваивающего механизма самости в медитации позиционируется способом прекращения страданий.

Помимо обозначенного сходства переживаний больного шизофренией и опытного медитатора в части деформации чувства собственности (*sense of ownership*) содержания опыта параллели можно также проследить в специфике опыта темпоральности указанных лиц. Отчеты о психотических приступах больных шизофренией наполнены информацией о субъективно переживающейся «остановке времени», его «застывании», а также «застревании» больного в модусе настоящего или, напротив, его «засасывании» в прошлое [Fuchs, van Dupen 2017, 70]. С другой стороны, о «выпадении» из временного континуума

говорят и опытные медитаторы [Gutierrez et al. web].

Выявленное сходство переживаний приводит к вопросу об их структурной взаимосвязанности; однако прежде попытки прояснить механизм распада личностного и темпорального переживания необходимо попытаться представить себе механизм его образования.

I.I

Следуя размышлениям Гуссерля [Гуссерль 1994, 32], существование Я оказывается самым тесным образом связанным с темпоральной структурой опыта, являющегося синтезом трех моментов: импрессии (актуального «сейчас» моего восприятия), ретенции (прошедшего «уже» моего восприятия), протенции (ожидаемого «еще не» моего восприятия). Дорефлексивной включенностью ретенции и протенции в импрессию и обусловлено единство потока восприятия как в смысле тождества воспринимаемого, так и в смысле самождества воспринимающего: именно идущий в обход рефлексивного сознания синтез ретенций и протенций в импрессию и обеспечивает связывание разрозненных моментов опыта в единое целое. Прояснением может служить восприятие речевого акта: мы слышим слова, «сейчас» произносимые нашим собеседником, однако сознание также удерживает «уже» сказанное и предвосхищает то, чего он «еще не» сказал, формируя из набора звуков осмысленную последовательность. Но что же заставляет меня мыслить эту последовательность как принадлежащую МНЕ?

Направленность сознания на речевой акт моего собеседника есть функция поперечной интенциональности⁴. Ею, однако, пререклексивная работа сознания не ограничивается: помимо конституирования временного объекта восприятия в синтезе импрессии, ретенции и протенции тем же самым образом сознание конституирует само себя. Акт, в рамках которого я конституирую собственное «уже» и «еще не» (позволяющие мне полагать себя как того, КОМУ уже было нечто сказано и КОМУ нечто еще не было сказано), называется продольной интенциональностью⁵. Таким образом, сознание вовсе не нуждается в отдельном (в смысле, несовпадающем во времени с

первичной импрессией) рефлексивном акте для того, чтобы быть самосознанием, обеспечивающим тождество потока восприятия⁶.

Еще одной важной характеристикой временного потока, помимо «когнитивной» двунаправленной (продольной и поперечной) и трехаспектной (импрессивной, ретенциальной и протенциальной) интенциональности, является его аффективность [Fuchs, van Dupen 2017, 72]. Направляясь к своим объектам (тем более к себе самому), сознание редко остается безучастным. Стремление к приятному и бегство от неприятного, привязанность к внутримирному существу и забота о нем составляют суть феноменального сознания. Таким образом, составляющими интенциональной дуги – идеи Мерло-Понти, призванной снять субъект-объектную дихотомию акта восприятия, широко используемую современными психиатрами и закрепляющую целокупность Dasein – представляются структурный компонент (интенциональность) и аффективное напряжение, служащее драйвом деятельности сознания.

I.II

Каким же образом происходит распад личностного восприятия с точки зрения его темпоральности и *мойности* при психотическом приступе больного шизофренией? В современных исследованиях намечены две линии объяснения указанных «сдвигов» в структуре и функционировании повседневного сознания, соответствующие выделенным характеристикам интенциональности и аффективности темпорального потока. Согласно первой из них [Fuchs, van Dupen 2017, 73], интенциональная дуга больного шизофренией оказывается деформированной вследствие разрушения единства внутреннего сознания времени в силу ослабления протендирующей функции. Протенция понимается в терминах «воронки вероятности», берущей начало в настоящем и расширяющейся в направлении будущего: внутри центральной части воронки располагаются события, отмеченные большей ожидаемой вероятностью, тогда как по мере приближения к ее краям субъективно осознаваемая возможность их наступления тает. Протенциальное предвосхищение зависит от ре-

тенций, импрессий и интенций субъекта. Гипотеза ослабевающей протенции опирается на предположение о том, что с целью осуществления интенционального акта (например, говорения) субъект вынужден фокусировать свое внимание на последующих, наиболее подходящих (и, следовательно, вероятных) компонентах своего высказывания. Соответственно, протенциальные нарушения лишают его такой возможности, что ведет к вторжению в его сознательную деятельность irrelevantных идей и побуждений. Таким образом, например, феноменологически-ориентированными психиатрами объясняется речевая бессвязность – один из симптомов шизофрении.

С другой стороны, воспринимаемая «изнутри» фрагментация внутреннего сознания времени и последующая деформация интенциональной дуги переживаются больным как возникновение в его сознательном опыте неожиданных – и, следовательно, не принадлежащих, не подконтрольных ему элементов. Феноменологически данные ему исключительно в порядке ретенции и импрессии, они воспринимаются больным как приходящие из ниоткуда, тогда как сама ретенциальная ориентированность актуально воспринимающего сознания переживается как замедление последнего, контрастируя со скоростью событий, мыслей и ощущений, вторгающихся в его сознание извне. Таким образом, разрушение темпорального синтеза, с одной стороны, ведет к разрушению единства потока переживаний (и в этом состоит деформация поперечной интенциональности), с другой стороны – к разрушению единства субъекта как самотождественного обладателя этих переживаний (что отражает симметричное разрушение продольной интенциональности).

Выражая согласие с тем, что изменения в переживании времени при шизофрении фундируют ее психотические симптомы, критики этой теории выдвигают предположение о том, что изменения касаются не структурной части (с их точки зрения, это делало бы невозможным сам опыт от первого лица, совпадающим с объединенным временным потоком – тогда как пациенты как-то же могут давать отчеты о таком опыте), но аффективной [Sul 2022, 928].

Пояснение этой позиции требует одного замечания о природе ретенции, в отношении которой возникает следующий вопрос: каким образом в ретенции уже-прошедший момент сознания интендирован именно как уже прошедший? Основанием такой дифференциации является степень аффектации сознания временными модусами [Husserl 2001, 277]: в наибольшей степени наше внимание *захвачено* настоящим моментом, тогда как прошлый момент (в условиях нормального, не патологизированного сознания) уступает ему по этому параметру. Именно различие в аффецирующей интенсивности позволяет различать импрессию от ретенции и, соответственно, настоящее от прошлого; другими словами, ретенция есть не просто схватывание уже-прошедшего, но схватывание, отмеченное преуменьшенной аффективной интенсивностью схватываемого момента сознания, что и позволяет говорить о нем как о прошедшем – что, в свою очередь, является основанием для конституирования единства временного потока как единства его отдельных частей.

Выходит, с этой точки зрения, сознание больного шизофренией по-прежнему интендирует собственное уже-прошедшее и еще-ненаступившее (что позволяет пациентам давать отчеты о своих расстройствах, то есть обращаться к своему фрагментированному опыту) – и тогда изменения в восприятии времени при психотическом приступе могут быть атрибутированы расстройству аффективной модификации в смысле невыполнения ретенцией функции преуменьшения аффективной интенсивности ретендированного момента уже-прошедшего момента сознания.

Между тем едва ли можно вести речь о том, что достижение медитаторами состояний сознания, в которых привычный темпоральный проток претерпевает существенные видоизменения – вплоть до его полного уничтожения, сопоставимого с переживаниями остановки времени у больных шизофренией – связано с направленным воздействием на собственное сознание в аспекте структуры ретенций / протенций. Точкой входа в медитативную практику является повседневное сознание, и прямое воздействие на его ретенциально-протенциальную структуру, действующую на пререфлексивном уровне, не представляется возможным.

Второй способ объяснения деформации темпорального потока / переживания собственного Я медитатора предполагает воздействие на его функциональную, аффективную составляющую. С одной стороны, в ее отношении сохраняет свою актуальность уже высказанное сомнение в возможности рефлексивного, сознательно-направленного воздействия на пререфлексивно и пассивно протекающие процессы. С другой стороны, сама суть *безоценочного активного наблюдения* за изменяющимся содержанием своего сознания заключается в попытке перевести сознание из пассивного (то есть аффективного) модуса его течения в модус активности путем приложения известного усилия [Arbel 2017, 4]. Следуя этой гипотезе, распад субъекта как самотождественного «владельца» потока своих переживаний, сопровождающийся распадом его временной структуры, оказывается связанным с провоцируемой поддерживаемым в течение некоторого времени усилием приостановкой аффективного, то есть пассивного функционирования сознания, присваивающего свои объекты и привязывающегося к ним (эмпирическим подтверждением данной гипотезы служат многочисленные нейрофизиологические свидетельства, фиксирующие преобладание активности неокортекса, ассоциируемого с когнитивными функциями, над активностью лимбической, потребностно-эмоциональной системы ЦНС у опытных медитаторов [Holzel et al. 2011, 11]). Субъект, обнаруживаемый как субъект нехватки, желания и страсти – *pathos*'а – совершает апатическое самоубийство.

II

Что же остается на месте исчезающего субъекта? Ведь как в случаях психотических эпизодов больных шизофренией, так и в состоянии медитации участниками исследований сохраняется способность к самоотчетам: говоря о существенных изменениях в осознании принадлежности переживаний, они, тем не менее, не отрицают наличия этих переживаний. А значит, можно говорить об опыте сознания, пусть даже и лишенном привычной *мойности* и отмеченным искаженной темпоральностью. Следовательно, вслед за современными исследователями феноменального

опыта Я [Guillot 2017, 25], необходимо провести дифференциацию его аспектов. Как правило, действующая на пререфлективном уровне минимальная самость⁷, делающая возможным проживание какого-либо опыта в субъективности его «как» без обращения к рефлексии, описывается в нескольких близких по смыслу терминах *для-меняйности* (*for-me-ness*), *меняйности* (*me-ness*) и *мойности* (*mineness*). Первый соответствует смыслу явленности опыта, его манифестированности определенным образом; второй выделяет в этом опыте его субъекта, тем самым, объективируя его; третий является своего рода комбинацией первых двух, призванной зафиксировать этот опыт в качестве принадлежащего определенному субъекту.

Экстраординарные состояния способны пролить свет на эти различия: больной шизофренией, находящийся в состоянии деперсонализации во время психотического приступа слышит голос (то есть отдает отчет о его манифестации), тогда как чуждость этого опыта не позволяет выделить в нем субъекта и, следовательно, высказаться о каком-либо субъекте как о владельце голоса. Точнее, при сохранении *для-меняйности* (*for-me-ness*) опыта (подтверждением чему служит возможность больного сообщить о своем переживании), наблюдается расщепление его *меняйности* (*me-ness*), вследствие чего его переживание претерпевает болезненную деформацию в аспекте *мойности* (*mineness*) отдельных его событий.

Схожим образом, по достижении глубоких стадий медитации, сознание практикующего сохраняет способность к восприятию некоего «как» своего переживания, не выделяя себя в качестве его субъекта и, следовательно, не приписывая себе обладания этим переживанием. Сказанное подтверждается описанием опыта медитирующего: достижение первой дхьяны элиминирует его самого как субъекта желания [Arbel 2017, 44], однако до второй дхьяны, отмеченной исчезновением объекта мысли и дискурсивного мышления об объекте, субъект сохраняет себя в качестве субъекта мышления, тогда как различать самого себя как субъекта восприятия он способен вплоть до четвертой дхьяны – до достижения им феноменального качества невозмутимости [Arbel 2017, 124]. По мере

продвижения медитатора по указанным ступеням в сворачивающем свою активность сознании пропадают феноменальные качества телесного удовольствия и радости, тогда как он сам претерпевает изменения в переживании времени и самого себя как противопоставленного мыслимым / воспринимаемым им формам [Lindahl, Britton 2019, 180]. Другими словами, достижение практикующим первой дхьяны вследствие безоценочного наблюдения за объектами одной из четырех областей феноменального поля (тела, чувств, ума и ментальных объектов) характеризуется устранением аффекта, что и элиминирует его как субъекта желания: направленность его сознания к своим объектам лишается аффективного переживания заботы об этих объектах, так как они более не переживаются в аспекте принадлежности его сознанию (*mineness*). Достижение же им второй дхьяны, в соответствии с сутрами характеризующейся угасанием дискурсивного мышления и вытекающим отсюда единством ума, отражающим неразличимость субъекта и объекта, снимает с его субъективности один слой – *me-ness*. Третья и четвертая дхьяны представляют пространство дальнейшего развития невозмутимости ума в отношении его новых феноменальных качеств (вплоть до четвертой дхьяны сутры предписывают практикующему переживание радости, в конечном итоге и устраняемой невозмутимостью), что постепенно приводит к разрушению какой бы то ни было *для-меняйности* (*for-me-ness*) переживаний⁸.

Таким образом, в терминах предложенной дифференциации *for-me-ness*, *me-ness* и *mineness*, можно сказать о сохранении восходящим по ступеням Пробуждения (вплоть до перехода с четвертой ступени на девятую, соответствующую нирваническому, неразличающему сознанию) сознанием *для-меняйности*, перспективы, наличие которой и делает возможным перенаправление интеллектуального усилия с одного объекта на другой или на условия его мыслимости – что и позволяет ему описывать опыт своих переживаний.

III

Можно ли что-либо сказать о последнем шаге, девятой дхьяне? Уместно ли говорить

о том, что пребывание в ее пространстве отмечено неким «как» и «что»? Описываемый в исследованиях опыта медитаторов [Costines, Borghardt, Wittmann web], способных достичь этой стадии, в терминах не-дуальности сознания (то есть устранения из него субъекта, способного в своей темпоральности фиксировать какие-либо изменения в переживаниях), этот опыт уподобляется состоянию сна без сновидений и в современной литературе понимается как состояние «чистого сознания», лишённого не только аффективного отношения субъекта к содержанию своего сознания, но и самого интенционального содержания: *ничего и ни к чему более никак* не направляется. Наиболее характерная черта отчетов об «опыте» чистого сознания – преобладание в них существительных и наречий в форме отрицания, что свидетельствует об отсутствии интенционального содержания. Оно не может быть характеризовано ни опытом минимальной самости, ни наличием субъективной перспективы наблюдения, что делает его полностью анонимным.

Однако если этот опыт представляется полностью анонимным, существует ли возможность составить о нем субъективный феноменологический отчет? Возможна ли феноменология пустоты? Лама Тильманн Лхундруп Богарт в своих отчетах [Costines, Borghardt, Wittmann web] об этой стадии медитации предлагает различать два состояния: абсолютной пустоты и минимальной. В отношении первой ничего не может быть сказано, так как сама суть чистого сознания с отсутствующими в нем категориями субъекта и объекта состоит в невозможности иметь о нем знания. О его действительности можно утверждать лишь на основании возникающего по его прекращении переходного состояния между абсолютной пустотой и обычным феноменальным сознанием минимальной пустоты, также недואльным, но имеющим феноменальные характеристики освещенности (*luminosity*) и вибрации (отражающей его динамизм, но не в терминах времени, так как для последнего необходимо наличие субъекта). Помимо того, косвенным образом в пользу характеристики состояния абсолютной пустоты именно как *состояния* сознания, а не его отсутствия, Лама Борградт [Costines, Borghardt, Wittmann web] высказывается на

основании чувства свежести, сопутствующего возвращению к привычному состоянию – что уподобляет абсолютную пустоту опыту сна без сновидений⁹.

IV

Сходство опытов шизофрении и некоторых стадий медитации в аспектах переживания темпоральности и принадлежности опыта в соединении с попыткой феноменологического объяснения механизмов изменения этих переживаний в сравнении с повседневным сознанием позволяет пролить свет на условия этих изменений: как в одном, так и в другом случае, вероятно, имеет место пошаговая деконструкция субъективного интенционального опыта как суммы шагов-переживаний *for-me-ness*, *me-ness* и *mine-ness* и параллельное разрушение внутреннего сознания времени вследствие воздействия на аффективную составляющую переживаний, происходящую либо посредством волевого воздействия субъекта, либо являющуюся следствием патологии. Вероятно, именно намеренность / ненамеренность участия субъекта в собственном устранении, его готовность / неготовность к перевороту сознания, устраняющего перечисленные структуры, является фактором переживания последующих феноменологических изменений как приносящих радость или страдание.

Отчасти, сделанное предположение о роли субъекта в изменении состояния своего сознания подтверждается исследованиями, посвященными изучению влияния практик медитации на переживание пациентами с диагностированной шизофренией психотического приступа. Так, показано [Duga, Stupak 2015, 50], что обычной реакцией таких пациентов на появление посторонних голосов и параноидального бреда является конфронтация, свидетельствующая о естественном сопротивлении Я пациента посторонним переживаниям; в этом контексте медитация осознанности, позволившая пациентам взглянуть на свое Я как на менее жесткую и неподдающуюся изменениям структуру, поспособствовала принятию и облегчению их симптомов.

Наконец, описание опыта продвинутых медитаторов, наряду с раскрытием механизмов направленного и поэтапного разрушения

субъективности и темпоральности в ходе этой практики, соотносящихся в смысле своих феноменологических переживаний с опытом больных шизофрений (что свидетельствует о задействовании одних и тех же структур сознания, описываемых в современной литературе в терминах *для-меняйности*, *меняйности* и *мойности*), позволяет сделать предположение о наличии иного модуса существования сознания. Если в повседневной жизни сознание «разворачивает» свое интенциональное содержание на основе субъект-объектной дихотомии и «размещает» его во времени, то в некоторых экстраординарных состояниях такого разворачивания не происходит. Несмотря на отсутствие возможности описания данного опыта, именуемого состоянием абсолютной пустоты, лишенности какого бы то ни было интенционального содержания, субъективной перспективы и темпоральности, наличие его пост-эффектов, наблюдаемых в транзитивном состоянии минимальной пустоты (освещенность, вибрация) позволяет говорить о нем как о «нулевой точке» сознания, пространстве, служащем основой для последующего появления в нем феноменов темпоральности и субъект-объектной дихотомии. Отсюда можно выдвинуть гипотезу о взаимообусловленности феноменов субъективности и темпоральности, качественным образом отличающих повседневных модус от экстраординарного. Рассмотрение связи этих феноменов на языке сознания (например, в виде вопроса о том, каким образом субъект, структурированный двойной интенциональностью и аффективностью, «вводит» в сознание темпоральность) может стать предметом дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выявление факта *мойности* (*mineness*) переживания (например, любви) вовсе не подразумевает обязательного обращения к рефлексии: испытывая любовь, я знаю, что ее испытываю именно я. Более того, именно пререфлексивная данность опыта переживания как *моего* и обеспечивает возможность последующего рефлексивного моего к нему обращения.

² Психоз – выраженное нарушение психической деятельности, расстройство восприятия, при ко-

тором психические реакции противоречат реальности [Тиганов (ред.) 1999, 667]. Симптомами выступают в том числе: галлюцинации, «дополняющие» данные, получаемые с помощью пяти органов чувств; бредовые идеи, в виде несоответствующих действительности навязчивых мыслей и суждений; эмоциональные расстройства; поведенческие расстройства.

³ «Ступени» буддийской медитации носят название «дхьяна»; каждая из 9 ступеней представляет особое состояние сознания, своим интенциональным содержанием отличающееся от повседневного. Так, на первой дхьяне, в уже измененном состоянии сознания, главным образом, характеризующейся исчезновением из него стремления к чувственному удовольствию, практикующий отмечает в своем сознании наличие объекта мысли, дискурсивного мышления, ментальной радости, телесного удовольствия и однонаправленность сознания. Количество элементов и феноменальных качеств уменьшается по мере продвижения практикующего по дхьянам: так, уже на второй дхьяне в сознании медитирующего не наблюдается какого-либо объекта дискурсивного мышления, как и дискурсивного мышления о каком-либо объекте [Arbel 2017, 23].

⁴ Поперечная интенциональность – интенция сознания, направленная на конституирование тождества имманентного временного объекта [Чернавин 2010, 128].

⁵ Продольная интенциональность – интенция сознания, направленная на конституирование тождества самого потока и его структурных моментов [Чернавин 2010, 129].

⁶ Именно эта его способность и позволяет современным феноменологам заключать о существовании пререфлексивного минимального Я, обеспечивающего тождество потока восприятия на постоянной основе.

⁷ Идея минимальной самости основывается на представлении о постоянной манифестированности опытной жизни субъекта в перспективе первого лица [Zahavi 2014, 14].

⁸ Сознание медитирующего на 5–8 дхьянах в своей однонаправленности уже посвящено не безоценочному, неприсваивающему наблюдению объектов, в роли которых могут выступать телесные переживания, чувства, состояния ума и его объекты, но созерцанию условий существования этих объектов (таких как безграничное пространство, безграничное сознание, пустота и восприятие) – потому многими исследователями эти созерцания описываются как трансцендентальные. Следует сказать, что достижение 5–8 дхьян не полагается в качестве обязательного для окончательного Пробуждения (и вообще, судя по всему, не является буддийским

изобретением [Arbel 2017, 32]), переход к которому осуществляется субъектом из пространства 4 дхьяны, окончательно элиминировавшей субъекта.

⁹ Подобно описанию Пруста в романе «В поисках утраченного времени», каждому знакомо состояние, когда глубокий сон, дав полный отдых уму, заставляет последний «терять план места», в котором мы заснули – и тогда, проснувшись, мы не соображаем, где мы, не сознавая также, кто мы такие, сохраняя лишь чувство существования «в его первоначальной простоте». Томпсон [Thompson web], вслед за представителями Адвайта Веданты, утверждает, что в этот момент представление о том, что мы (в своей неопределенности) спали и не сознавали, приходит из памяти, обеспечивающей преемственность минимального существования сознания, а не в порядке логического вывода, как полагали последователи Ньяи (более того, вывод «я спал и ничего не сознавал», поскольку «я был в состоянии, лишенном инструментов познания, то есть в состоянии сна», предложенный последователями этой школы, включает определение по кругу и не может быть признан правомерным) – что и считается основанием полагать опыт такого сознания опытом отсутствия, а не отсутствием опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуссерль 1994 – Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994.
- Тиганов (ред.) 1999 – Тиганов А.С. (ред.). Руководство по психиатрии. В 2 т. Т. 1. М.: Медицина, 1999.
- Чернавин 2010 – Чернавин Г.И. Генезис сознания времени и первичная фактичность: к феноменологической метафизике времени Э. Гуссерля // Логос. 2010. № 5. С. 125–137.
- Arbel 2017 – Arbel K. Early Buddhist Meditation: The Four Jhanas as the Actualization of Insight. London; New York: Routledge, 2017.
- Costines, Borghardt, Wittmann web – Costines C., Borghardt T.L., Wittmann M. The Phenomenology of “Pure” Consciousness as Reported by an Experienced Meditator of the Tibetan Buddhist Karma Kagyu Tradition. Analysis of Interview Content Concerning Different Meditative States // Philosophies. 2021. № 2. P. 50 // <https://www.mdpi.com/2409-9287/6/2/50>
- Dyga, Stupak 2015 – Dyga K., Stupak R. Meditation and Psychosis: Trigger or Cure? // Archives of Psychiatry and Psychotherapy. 2015. № 3. P. 48–58.
- Fuchs, van Dupen 2017 – Fuchs T., van Dupen Z. Time and Events: On the Phenomenology of Temporal

Experience in Schizophrenia // Psychopathology. 2017. № 50. P. 68–74.

- Guillot 2017 – Guillot M. I Me Mine: On a Confusion Concerning the Subjective Character of Experience // Review of Philosophy and Psychology. 2017. № 8. P. 23–53.
- Gutierrez et al. web – Gutierrez D.L., Schmidt S., Meissner K., Wittmann M. Changes in Subjective Time and Self During Meditation // Biology. 2022. № 11 (8). P. 1116 // <https://www.mdpi.com/2079-7737/11/8/1116>
- Holzel et al. 2010 – Holzel B.K., Carmody J., Evans C.K., Hoge E.A., Dussek J.A., Morgan L., Pitman R.K., Lazar S.W. Stress Reduction Correlates with Structural Changes in the Amygdala // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2010. № 5. P. 7–11.
- Husserl 2001 – Husserl E. Analyses Concerning Passive and Active Synthesis: Lectures on Transcendental Logic. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.
- Lindahl, Britton 2019 – Lindahl J.R., Britton W.B. Buddhist Meditation and Changes in Sense of Self // Journal of Consciousness Studies. 2019. № 26. P. 157–183.
- Sul 2022 – Sul J.R. Schizophrenia, Temporality, and Affection // Phenomenology and Cognitive Sciences. 2022. № 21. P. 927–947.
- Thompson web – Thompson E. Dreamless Sleep, the Embodied Mind, and Consciousness // Metzinger T., Windt J.M. (eds.). Open MIND: 37(T). Frankfurt am Main: MIND Group, 2015 // <https://d-nb.info/1123080488/34>
- Zahavi 2014 – Zahavi D. Self and Other. Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Zahavi 2019 – Zahavi D. Consciousness and (Minimal) Selfhood: Getting Clearer on for-me-ness and Mineness // Kriegel U. (ed.). The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness. Oxford: Oxford University Press. 2019. P. 732–753.

REFERENCES

- Gusserl E., 1994. *Lectures on the Phenomenology of Inner Time-Consciousness*. Moscow, Gnozis Publ.
- Tiganov A.S. (ed.), 1999. *General Psychiatry. In 2 Vols. Vol. 1*. Moscow, Medicina Publ.
- Chernavin G.I., 2010. Genesis of Time-Consciousness and Primal Facticity: To Husserl’s Phenomenological Metaphysics of Time. *Logos*, 2010, no. 5, pp. 125-137.
- Arbel K., 2017. *Early Buddhist Meditation: The Four Jhanas as the Actualization of Insight*. London, New York, Routledge.

- Costines C., Borghardt T.L., Wittmann M., 2021. The Phenomenology of “Pure” Consciousness as Reported by an Experienced Meditator of the Tibetan Buddhist Karma Kagyu Tradition. Analysis of Interview Content Concerning Different Meditative States. *Philosophies*, no. 2, p. 50. URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/6/2/50>
- Dyga K., Stupak R., 2015. Meditation and Psychosis: Trigger or Cure? *Archives of Psychiatry and Psychotherapy*, no. 3, pp. 48-58.
- Fuchs T., van Dupen Z., 2017. Time and Events: On the Phenomenology of Temporal Experience in Schizophrenia. *Psychopathology*, no. 50, pp. 68-74.
- Guillot M., 2017. I Me Mine: On a Confusion Concerning the Subjective Character of Experience. *Review of Philosophy and Psychology*, no. 8, pp. 23-53.
- Gutierrez D.L., Schmidt S., Meissner K., Wittmann M., 2022. Changes in Subjective Time and Self During Meditation. *Biology*, no. 11 (8), p. 1116. URL: <https://www.mdpi.com/2079-7737/11/8/1116>
- Holzel B.K., Carmody J., Evans C.K., Hoge E.A., Dussek J.A., Morgan L., Pitman R.K., Lazar S.W., 2010. Stress Reduction Correlates with Structural Changes in the Amygdala. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, no. 5, pp. 7-11.
- Husserl E., 2001. *Analyses Concerning Passive and Active Synthesis: Lectures on Transcendental Logic*. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers.
- Lindahl J.R., Britton W.B., 2019. Buddhist Meditation and Changes in Sense of Self. *Journal of Consciousness Studies*, no. 26, pp. 157-183.
- Sul J.R., 2022. Schizophrenia, Temporality, and Affection. *Phenomenology and Cognitive Sciences*, no. 21, pp. 927-947.
- Thompson E., 2015. Dreamless Sleep, the Embodied Mind, and Consciousness. Metzinger T., Windt J.M. (eds.). *Open MIND: 37(T)*. Frankfurt am Main, MIND Group. URL: <https://d-nb.info/1123080488/34>
- Zahavi D., 2014. *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. Oxford, Oxford University Press.
- Zahavi D., 2019. Consciousness and (Minimal) Selfhood: Getting Clearer on for-me-ness and Mineness. Kriegel U. (ed.). *The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness*. Oxford, Oxford University Press, pp. 732-753.

Information About the Author

Timur O. Zavgorodny, Postgraduate Student, Institute of Philosophy, Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaya Line, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, st098995@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8361-2747>

Информация об авторе

Тимур Олегович Завгородний, аспирант, Институт философии, кафедра истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, st098995@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8361-2747>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.2>

UDC 172.4+130.122
LBC 87.6

Submitted: 20.04.2024
Accepted: 15.06.2024

THE VICTOR AND THE DEFEATED: WHO WRITES HISTORY

Natalia A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Abstract. The article, based on the methodologies of perspectivism and social constructivism, examines the problem of creating historical discourse from the perspective of the defeated, which is significant for the philosophy of history and political philosophy. The right to write history has traditionally been considered the prerogative of the victor. At the same time, philosophical and military theoretical thought demonstrate the ambivalence and semantic multidimensionality of the concepts of “victory” and “defeat.” The study includes the theoretical analysis of the thesis of a number of authors (Carl Schmitt, Reinhart Koselleck, Christian Meier), who substantiate the right to historical discourse of the defeated. The conclusion that “the defeated writes history” was formulated by C. Schmitt in the essay “Historiography in nuce: Alexis de Tocqueville.” Schmitt’s justification for the discourse of the defeated has an existential and personal dimension and demonstrates the methodological rejection of naive-optimistic and universalist projects of history. Subsequently, the bold and far from indisputable idea that the best versions of history belong not to the victors but to the defeated will be expressed by R. Koselleck. The scientist reveals the relationship between changes in experience (Erfahrungswandel) and changes in method (Methodenwechsel) of historical science. The author of the article argues that the understanding of military victory as the final point of confrontation between rivals is narrow and one-sided. The victory, included in the political context, can be regarded as the point of crystallization of new social and political relations. The post-war period shows whether the victor’s political status is solid. It requires constant maintenance through discursive practices. The defeated, driven by resentment, is able to challenge the former victor by showing disagreement with his historical discourse. Thus, the victor must be especially vigilant in relation to the discursive practices of the defeated, the impact of which can be felt not only in the spiritual but also in the political sphere.

Key words: victor, defeated, history, philosophy of history, political philosophy, victory, defeat, discourse.

Citation. Balakleets N.A. The Victor and the Defeated: Who Writes History. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 16-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.2>

УДК 172.4+130.122
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 20.04.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

ПОБЕДИТЕЛЬ И ПОБЕЖДЕННЫЙ: КТО ПИШЕТ ИСТОРИЮ

Наталья Александровна Балаклеец

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье с опорой на методологию перспективизма и социального конструктивизма рассматривается значимая для философии истории и политической философии проблема создания исторического дискурса из перспективы побежденного. Право писать историю традиционно считалось прерогативой победителя. Вместе с тем философская и военно-теоретическая мысль демонстрируют амбивалентность и смысловую многомерность концептов «победа» и «поражение». В настоящем исследовании теоретическому анализу подвергается тезис ряда авторов (К. Шмитт, Р. Козеллек, К. Майер), которые обосновывают право на исторический дискурс побежденного. Вывод о том, что «побежденный пишет историю», был сформулирован К. Шмиттом в эссе «Историография in nuce: Алексис де Токвиль». Шмиттова апология дискурса побежденного имеет экзистенциально-личностное измерение и демонстрирует методологическое отторжение наивно-оптимистических и универсалистских проектов истории. Впоследствии смелая и далеко не бесспорная идея о том, что лучшие варианты истории принадлежат не победителям, но побежденным, будет высказана Р. Козеллеком. Ученый раскрывает взаимосвязь изменения опыта (Erfahrungswandel) и смены

метода (Methodenwechsel) исторической науки. Автор статьи обосновывает мысль о том, что понимание военной победы как финальной точки противостояния соперников является узким и односторонним. Будучи включенной в политический контекст, победа представляет собой точку кристаллизации новых социально-политических отношений. Послевоенное время служит проверкой на прочность политического статуса победителя, который требует постоянного поддержания посредством дискурсивных практик. Побежденный, движимый resentmentом, способен бросить вызов прежнему победителю, оспорив его исторический дискурс. Таким образом, победитель должен проявлять особую зоркость в отношении дискурсивных практик побежденного, воздействие которых может сказаться не только в духовной, но и политической сфере.

Ключевые слова: победитель, побежденный, история, философия истории, политическая философия, победа, поражение, дискурс.

Цитирование. Балаклеец Н. А. Победитель и побежденный: кто пишет историю // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 16–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.2>

В концептуальной оппозиции «победа – поражение» смысловой маркированностью и позитивными коннотациями отличается ее первый элемент. Значимость статуса победителя неоспорима. Согласно широко распространенному мнению, именно победитель пишет историю. Он получает политические, экономические и социальные преференции от своего военного успеха. Вместе с тем исследование многосмысленности концепта «победа» не может не привести к необходимости рефлексии перспективы побежденного. Еще древние вынесли неумолимый вердикт побежденному: *vae victis*. Однако всегда ли его уделом является лишь позор и необходимость подчиниться условиям победителя, сжать свое политическое и социальное пространство до тех границ, которые тот ему отводит? Обладает ли перспектива побежденного какой-либо значимостью? Может ли он извлечь смысл из своего поражения?

Политико-философская и философско-историческая мысль демонстрирует амбивалентность статусов победителя и побежденного. Статус победителя не гарантирован раз и навсегда с обретением военного успеха. Тем более заложником собственных побед рискует стать тот, кто не в состоянии реалистично оценивать свои возможности и потенциал своего противника. Задолго до появления в военной теории концепта «кульминационная точка победы» [Люттвак 2012, 38–39] приведенная мысль получила множество трактовок в философском дискурсе. В китайском военно-философском трактате «У-цзы» содержится положение о необходимости не просто *одержания*, но и *удержания* победы, а также приводится мысль о ее пределах: «когда государ-

ства воюют в Поднебесной, тот, кто одержит пять побед, столкнется с несчастьем; кто одержит четыре победы, истощит свои силы; кто одержит три победы, станет гегемоном; кто одержит две победы – станет правителем; кто одержит одну победу – станет императором. Поэтому тех, кто благодаря многочисленным победам покорил мир, очень мало; тех же, кто погиб при этом – много» [У-цзин 2001, 258]. Иными словами, победитель должен трезво оценивать свои шансы на успех в последующих военных кампаниях, исход которых не гарантирован его нынешним статусом. Неоправданный риск в стремлении к мировому господству чреват утратой прежних военно-политических достижений, «обнулением» достигнутого преимущества.

Г.В.Ф. Гегель раскрывает амбивалентный смысл победы, обращаясь к величию военных успехов Наполеона, которое сменилось бессилием его побед и низвержением некогда вызывавшего восхищение и трепет «колосса»: «Никогда не одерживалось более великих побед, не предпринималось более гениальных походов; но никогда и бессилие победы не обнаруживалось явственнее, чем тогда» [Гегель 1993, 450–451]. Е.Н. Трубецкой выносит фаталистическое предостережение о том, что череда побед не может быть вечной – рано или поздно победитель, притязающий на мировое господство, рискует быть поглощен безжалостной логикой войны, разлагающей саму войну [Трубецкой 2010, 534]. С.Л. Франк подчеркивает недопустимость отождествления понятий «победа» и «сила». Мыслитель приходит к выводу о том, что сила сама по себе является бесплодной и обречена на противодействие со стороны еще боль-

шей силы, тогда как «действительно победить значит нравственно покорить, привлечь к себе сердце» [Франк 1916, 15]. Победитель, опьяненный своими успехами, не только рискует впасть в соблазн нравственного разложения (о чем предупреждал еще Платон в «Законах» [Платон 2014, 94]), но и совершить эпистемологические промахи, создавая исторический дискурс в ситуации *post bellum*. И если необходимость нравственного смысла победы, который способен оправдать принесенные на ее алтарь жертвы, не нуждается в дополнительном обосновании, то нетривиальный тезис об эпистемологической ценности дискурса побежденного требует дальнейшего прояснения. Рассмотрим эпистемологические ловушки, которые способна готовить победа, и значимость исторического дискурса побежденного более подробно.

Небесспорным, но вместе с тем парадоксальным и достойным исследовательского интереса представляется вывод о том, что «побежденный пишет историю». Данный тезис приведен Карлом Шмиттом в эссе «Историография *in nuce*: Алексис де Токвиль», которое было написано в августе 1946 г. в американском лагере для интернированных в Берлине [Camus, Storme 2012, 662; Carl Schmitt 2000, 11]. Впоследствии эссе станет одной из глав «тюремных тетрадей» ученого, работы «*Ex Captivitate Salus*» («Спасение из плена»). Эссе Шмитта, представляющее собой размышление побежденного о побежденном, отличается своей острой направленностью на преодоление расхожих историографических трюизмов. Алексис де Токвиль, прогностический потенциал идей которого исследован Шмиттом, воплощает для последнего все возможные виды поражений. Это побежденный аристократ, либерал, француз, европеец и христианин, опровергнутый исторической реальностью в каждом из вышеприведенных убеждений. Как аристократ, он потерпел поражение в результате гражданской войны – худшей, по мнению Шмитта, из всех войн. Токвиль принадлежал к социальному слою, который был побежден революцией 1789 года. Как либерал, он был поражен взрывом террора уже не либеральной революции 1848 года. Как француз, он пережил поражение своего государства в результате войны с антифранцузс-

кой коалицией Англии, России, Австрии и Пруссии – на этот раз речь идет о поражении во внешней войне. Как европеец, он также оказался на стороне побежденных, поскольку предвидел усиление двух новых держав, Америки и России, которые, возвышаясь «над главой Европы», станут носителями «непреодолимой централизации и демократизации». Наконец, будучи христианином, Токвиль потерпел поражение от научного агностицизма, обретшего популярность в его время [Schmitt 2010]. Показательно, что, перечисляя всевозможные ипостаси побежденного историка, Шмитт во многом метафоризирует понятие «поражение», смешивая его военные и мировоззренческие смыслы. Тем самым достигается усиление эффекта политических и экзистенциальных неудач, предопределивших, по мнению Шмитта, силу исторических прозрений Токвиля.

Поражения, которые преследовали Токвиля, не были результатом случая или невезения – они носили судьбоносный и экзистенциальный характер. Решающим, по мнению немецкого правоведа, является то, что Токвиль *признает* себя побежденным. Это признание служит источником как экзистенциальной вовлеченности историка в события прошлого, так и необыкновенной прогностической силы его творческого наследия. В особенности, Шмитт обращает внимание на прогноз о возвышении Америки и России, сделанный автором трактата «Демократия в Америке» в 1835 году. Гегель скончался несколькими годами ранее, в 1831 г., не заметив в двух упомянутых державах носителей нового исторического импульса. Его философия истории оставалась еще европоцентричной – Европа была для Гегеля центральным пунктом и концом старого мира, местом возвращения духа к себе самому. Шмитт стал не только свидетелем поражения Германии, но и арестантом, допрашиваемым американским следователем в Нюрнбергской тюрьме, что делало для него прогноз Токвиля, свободный от европоцентризма, особенно значимым.

Апология перспективы побежденного имеет не только экзистенциально-личностное измерение. Она имплицитно методологическое отторжение наивно-оптимистических и универсалистских проектов истории:

«Он (Шмитт. – Н. Б.) пытается с антилиберальных позиций дискредитировать универсалистские проекты. Не побежденный как таковой является историком высшего ранга, но он становится им благодаря своей двойной роли – агента и пострадавшего. Антиидеализм Шмитта ориентирован на конкретное и имплицитно полемизирует с любой формой универсализма. <...> Отказ Токвиля присоединиться к современному для него гегелевскому идеализму становится для Шмитта историческим образцом. <...> Шмитт отказывается переписывать историю вместе с победителями, отводя себе роль непонятого интеллектуала с более глубокими воззрениями» [Weichlein 2009, 151]. Историческое полотно, таким образом, утрачивает свой линейный и монолитный характер, распадаясь, по меньшей мере, на два смысловых пласта или реализуясь, по меньшей мере, в двух перспективах – победителей и побежденных. Поражение становится для последних стимулом построения инклюзивной и полидискурсивной модели истории, гарантирующей им право на дискурс.

Развивая идеи Шмитта, Райнхард Козеллек обращает внимание на то, что лучшие варианты истории принадлежат не победителям, но побежденным [Koselleck 2012, 6]. Как отмечает автор, «Фукидид, Полибий, Саллюстий, Тацит, Августин, Коммин, Макиавелли и Гвиччардини, даже Маркс, в любом случае относились к побежденным, анализируя и представляя события своего времени. Именно как побежденные, поскольку их история сложилась иначе, чем предполагалось, они были вынуждены развивать новые вопросы и методы. Они писали под бóльшим давлением объяснений и бóльшей потребностью в доказательствах, чем это возложено на победителей. Потому что за победителей говорит сам успех» [Koselleck 2006, 48–49]. Победитель, согласно Козеллеку, тяготеет к написанию истории из краткосрочной перспективы, отбирая из массива исторических фактов те, которые привели его к победе. Тем самым *post factum* происходит создание исторической телеологии, ретроспективного истолкования событий прошлого как ведущих к достижению цели победителя. Побежденный, напротив, вынужден осуществлять рефлексию своего

поражения, отыскивая ответы на вопрос, почему реальность не соответствует его планам [Meier 2009, 125]. Если для Шмитта значимость перспективы побежденного связана с ее прогностическим потенциалом, то Козеллек раскрывает взаимосвязь изменения опыта (*Erfahrungswandel*) и смены метода (*Methodenwechsel*) исторической науки. Польза опыта поражения заключается в том, что побежденный вынужден отыскивать его причины в изначально ложных посылах собственного планирования и мышления. Таким образом, релевантность приобретает уже не будущее, способность прогнозировать которое резервирует за побежденным Шмитт, но прошлое, новый взгляд на которое, по мнению Козеллека, достигается сменой метода [Weichlein 2009, 152].

Еще один автор, который настаивает на развенчании укоренившегося представления о том, что история пишется победителями, – немецкий историк Кристиан Майер. Ссылаясь на Козеллека, ученый воспроизводит его мысль о том, что бытие побежденных могло бы содержать «неисчерпаемый потенциал для познавательного опыта» [Meier 2009, 139]. Экспликация эпистемологической значимости перспективы побежденного осуществляется Майером, во-первых, посредством апелляции к идеям Геродота и Фукидида, а, во-вторых, путем обращения к событиям новейшей истории Германии. Тезис о неисчерпанности познавательного потенциала поражения Германии в 1945 г. вязнет в комплексе факторов, которые явились препятствием для создания послевоенного дискурса побежденного: «Там, где доступов к источникам было много, щит виноватой озабоченности закрывал открытые фланги» [Meier 2009, 143]. Тем не менее Майер сетует по поводу отсутствия крупных исторических нарративов, которые служили бы результатом саморефлексии побежденных.

Вполне логично, что приведенные рассуждения, наделяющие эпистемологической ценностью перспективу побежденного, принадлежат самим побежденным. Современным россиянам – наследникам победы в Великой Отечественной войне и хранителям памяти об этой победе – трудно ассоциировать себя с потерпевшими поражение. Взгляд на собственное прошлое из перспективы победи-

телей настолько прочно утвердился не только в отечественной историографии, но и в массовом сознании, что он воспринимается как естественный и единственно возможный взгляд на историческую и политическую реальность. Вместе с тем следует учитывать и наличие иной перспективы восприятия исторических событий – перспективы побежденного, который в своих оценках прошлого и способах его реконструкции далеко не всегда солидаризируется с победителем, оспаривает его интерпретационные матрицы и бросает ему вызов.

Примечательно, что задолго до появления эпистемологической апологии перспективы побежденного в немецком историческом дискурсе культурные смыслы поражения были раскрыты одним из основоположников евразийства Н.С. Трубецким. В противостоянии двух социокультурных и политических миров победителем стала империя Чингисхана. Однако положение побежденного, в котором оказалась Русь, было не безнадежным. Оно способствовало росту национального и религиозного самосознания, фактически послужило импульсом для создания централизованного русского государства во главе с Москвой. Иноземное иго, безусловно, имело множество отрицательных последствий: нередко были случаи нравственного падения, ренегатства, перемены веры по карьерным соображениям. Но эти случаи не смогли погасить мощные импульсы духовных процессов, охвативших тогдашнее русское общество. По свидетельству Н.С. Трубецкого: «Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. <...> Иноземное иго воспринято было религиозным сознанием как кара Божия за грехи, реальность этой кары... ставила перед каждым проблему личного покаяния и очищения через молитву» [Трубецкой 2003, 162]. Смыслосозидающие последствия поражения проявились не только в экзистенциально-личностной сфере, но и в деле культуротворчества: «К этому времени относится кипучая творческая работа во всех областях религиозного искусства, повышенное оживление наблюдается и в иконописи, и в церковно-музыкальной области, и в области художественной религиозной литературы» [Трубецкой 2003, 162]. Ущемление на-

циональной гордости не могло не сказаться на отношении к собственному историческому прошлому (не того, которое привело к поражению при Калке, а более далекого), в котором отыскивались героические страницы. Было создано «Слово о погибели Русския земли», получили редакционную обработку былины. В народном сознании «реальные удельно-вечевые князьки» и их дружинники возвышались до статуса «общерусских богатырей», а их противники, «мелкие предводители половецких налетов», приобретали образ «татарских ханов», которые ведут за собой несметные полчища. Происходила «идеализация Руси», которая «укрепляла восстающее против иностранного ига национальное самлюбие» [Трубецкой 2003, 163]. Эскурс в историю Древней Руси, предложенный Н.С. Трубецким, демонстрирует не стремление побежденных к эпистемологической точности и трезвому приятию настоящего, но, напротив, своеобразный эскапизм в идеализированное прошлое. Героизация прошлого, которая неизбежно сопровождалась гносеологической неполнотой и гиперболизацией в воссоздании его элементов, способствовала пробуждению национального самосознания. Тем самым был дан духовный (а впоследствии и политический) ответ на вызовы настоящего.

Таким образом, статус победителя или побежденного не является абсолютным. Победитель мог стать таковым, претерпев до этого череду неудач. И, напротив, побежденный некогда мог быть свидетелем славных страниц собственной истории. Если Шмитт, Козеллек и Майер подчеркивают эпистемологическое превосходство перспективы побежденного, значит, поражение в определенной ситуации оказалось намного более значимым, нежели предшествующие ему или следующие за ним победы. Оно обесценило смысл этих побед, заставляя воспринимать их через призму последующей военно-политической катастрофы. Речь идет о тотальном поражении, которое для потерпевшей ее стороны выступает источником новых дискурсивных практик.

Однако в какой степени исторический дискурс побежденного является самостоятельным и выражающим его личностные интенции и интересы его государства? Не явля-

ется ли он добровольным или вынужденным сотворчеством дискурса победителя? Насколько универсальным является право побежденного на дискурс? Очевидно, что далеко не каждый победитель при надлежащем отношении к результатам своей победы гарантирует своим бывшим врагам право на самостоятельный исторический дискурс. На наш взгляд, возможность писать историю, будучи побежденным, гарантирована системой политических отношений, которая дает ему право на дискурс.

При исследовании амбивалентности перспектив победителя и побежденного необходимо принимать во внимание политические отношения, в которых была обретаена победа и которые она за собой повлекла. Военные сражения представляют собой не просто соотнесение врагов в технической мощи. Победа достигается не только силой оружия. Она свидетельствует и о превосходстве одного политического проекта перед другим, его способности мобилизовать общество и придать моральные силы армии. С нашей точки зрения, узким и односторонним является понимание победы исключительно как окончания вооруженного противостояния. Военная победа представляет собой не финальную точку, но начало формирования новых политических констелляций. По свидетельству Мишеля Фуко, «властные отношения связаны в своей основе с некоторым соотношением сил, установившимся в исторически определенный момент в войне и с помощью войны... политика это санкция и продолжение продемонстрированного в войне неравновесия сил» [Фуко 2005, 36]. Используя политические инструменты, государство может как упрочить свои военные успехи, так и нивелировать их. В долгосрочной диалектической перспективе позиция победителя может оказаться более хрупкой и уязвимой, тогда как позиция побежденного способна в определенных условиях нарушить свой творческий потенциал и исторические возможности.

Победитель посредством политических инструментов должен использовать военные завоевания, достигнутые дорогой ценой, так, чтобы жертвы, принесенные во имя государственного целого, были не напрасны. Не только война, но и послевоенное время проверяет на

прочность политический статус победителя. Изменение политических отношений в ситуации *post bellum* бросает вызов прежнему триумфатору, который может лишиться своего статуса.

Побежденный не только пишет, но и творит историю, причем зачастую выходя за те рамки, которые отводит ему победитель. Однако история, создаваемая побежденными, далеко не всегда направляется миротворческими и жизнеутверждающими смыслами. Она может быть исполнена рессентимента к победителю, стремлением поменяться с ним статусами, любой ценой одержав реванш. Так, Р. Козеллек отказывает поколению немецких историков, переживших поражение в Первой мировой войне, в претензии на методологическую плодотворность. Замкнувшись в своем национализме, они оказались нечувствительными к изменению опыта (*Erfahrungswandel*), так и к смене методологических оснований исторической науки (*Methodenwechsel*) [Weichlein 2009, 154]. Побежденные, не смирившиеся со своим поражением, при благоприятствующих для них условиях способны разжечь пожар новой войны в надежде обрести желаемое превосходство над прежними триумфаторами. Предельным вариантом последствий рессентимента, исходящего от побежденного, является гитлеровское попрание итогов Первой мировой войны. Как отмечает Э. Канетти: «Беспрерывно и неустанно Гитлер употребляет оборот “Версальский диктат”. <...> Повторение не уменьшало его воздействия, наоборот, оно росло с годами. <...> Для немца в слове “Версаль” воплощалось не поражение, которого он на самом деле так и не признал, – оно обозначало запрещение иметь армию, то есть деятельности, имеющей сакральный смысл, деятельности, без которой он не мыслил свою жизнь» [Канетти 2012, 226]. Гипнотическое воздействие словосочетания «Версальский диктат» на массовое сознание немецкой аудитории периода *interbellum* объясняется, во-первых, подчеркиванием собственного унижения (диктат, а не договор, означает, что потерпевший поражение народ лишен права отдавать собственные приказы и вынужден выполнять приказ врага: было нарушено «горделивое течение приказов от немца к немцу» [Канетти 2012, 226]). Во-вторых,

упоминание Версаля было связано не только с унижением Германии в Первой мировой войне, но и отсылало к победоносным страницам немецкой истории. Именно в Версале в 1871 г. Бисмарком было провозглашено единство Германии. Тем самым выражение «Версальский диктат» связывало унижительное настоящее с победоносным прошлым: «Враги должны были бы слышать в этих словах угрозу войны и реванша, если бы они имели уши, чтобы слышать. <...> Версаль – это *поражение, которое должно стать победой*» [Канетти 2012, 227–228]. Однако следствием непризнания собственного военного краха стало новое поражение. В силу беспрецедентной по своим масштабам степени расчеловечивания, которая была достигнута во Второй мировой войне, побежденные уже не могли претендовать на утверждение своего наличного бытия в прежних границах. На этот раз побежденные не могли не признать своего политического и морального поражения – столь трагичными в масштабах всего человечества были последствия развязанной ими войны. Вместе с тем сам факт попыток апологии статуса побежденного (К. Шмитт, Р. Козеллек, К. Майер) свидетельствует о стремлении извлечь смысл (на этот раз сугубо эпистемологический, а не военно-политический) из этого статуса. Более того, претензии побежденных, лишенных возможности реванша в военной сфере, на статус лучших историков [Weichlein 2009, 152] представляют собой, на наш взгляд, попытку асимметричного ответа победителю. Невозможность продолжения военного противоборства не отменяет возможности соревнования в духовной сфере, финал которого заранее не предопределен.

Для окончательного ответа на вопрос о том, является ли исторический дискурс побежденного более глубоким и вдумчивым, нежели исторические свидетельства, оставленные победителем, необходима более детальная градация победителей и побежденных, определение меры свободы последних, раскрытие онтологического статуса и степени интенсивности победы и поражения. Наконец, необходимы специальные исторические исследования, которые позволили бы провести всестороннее сравнение дискурсов победителей и побежденных. Авторы, солидарные

в выводе о том, что «историю пишут побежденные», оставляют без внимания фундаментальный, с нашей точки зрения, вопрос о том, как в принципе возможен исторический дискурс побежденного. Очевидно, что цель далеко не каждой войны совместима с признанием побежденного в качестве политического субъекта. В случае доведения до планируемого результата войны на уничтожение (*Vernichtungskrieg*) побежденные (если бы кто-то из них остался в живых) не только не смогли бы проводить рефлекссию событий прошлого – избыток их жизненных сил был бы сведен к необходимому минимуму – «голой жизни» [Агамбен 2011], в максимальной степени подчинен биологическим законам. Точнее, после завершения этой войны уже не было бы смысла говорить о торжестве победителей и падении побежденных, остались бы лишь «выжившие и уничтоженные» [Meier 2010, 304].

Идея радикальной деантропологизации побежденного воплощена в аллегории Х.Л. Борхеса, которую приводит Ж. Бодрийяр: «побежденные народы были изгнаны по ту сторону зеркал, где, лишенные своего облика, они осуждены на то, чтобы отражать образ своих победителей» [Бодрийяр 2016, 140]. Побежденные в представлении Борхеса лишены свойства быть видимыми – свойства, присущего не только человеку, но и любому физическому телу. Они низведены до чисто функционального существования, утратив не только право на дискурс, но и право присутствия в физическом пространстве. Безусловно, здесь мы имеем дело с художественными образами, плодом фантазии писателя, однако они служат раскрытию идеи онтологической неравноправности победителей и побежденных. Если у потерпевшего поражение есть привилегированное право на собственный исторический дискурс, значит, победитель не лишил его как этой привилегии, так и физической возможности создавать историю (доступа к необходимым историческим источникам). Побежденный мог также отвоевать это право или приобрести его в изменившемся политическом контексте, в результате краха прежних политических идеалов победителя.

Уместным представляется проведение аналогии между перспективами победителя и побежденного (с одной стороны) и гегелевски-

ми перспективами господина и раба (с другой стороны). Победителем (господином) становится тот, для кого социальное обладает большей значимостью, чем биологическое, животное существование, тот, кто готов поставить на кон свою жизнь ради признания. Победа господина над рабом носит диалектический характер. Посредством труда подчиненный раб становится в конечном итоге господином над природным миром, в то время как господин оказывается в «жизненном тупике» (А. Кожев), превращаясь в потребителя произведенных рабом вещей. Победитель лишен возможности обрести желаемое признание со стороны побежденного (раба), поскольку господином его признало *несвободное* сознание [Кожев 2003].

Раб (понятый в рамках гегелевской диалектики) выступает в роли творца материальной культуры, но не летописца. Он лишен возможности смотреть на мир из собственной перспективы. Его взгляд на мир является продолжением перспективы его господина, так, что порядок вещей, установленный господином, воспринимается им в качестве единственно возможного. Господин определяет границы дискурсивных практик раба и – более того – в определенных ситуациях требует от него производства желаемого дискурса, тогда как его собственной привилегией является не только право на дискурс, но и право на молчание: «тайна лежит в сокровеннейшем ядре власти» [Канетти 2012, 358]. Асимметрия, которая устанавливается между победителем и побежденным, относится не только к сфере политического, но и к их дискурсивным практикам. Более того, дискурсивные практики имеют политическое измерение, маркируя различный статус политических субъектов и исключая из сферы политического тех, кто лишен права на собственный дискурс. В данном контексте значимой является характерная для античной культуры оппозиция *логоса* и *фоне*, проанализированная Ж. Рансьером. *Логос* («достопамятная речь») является политической привилегией, позволяющей быть включенным в символическое пространство власти. *Фоне* («голос») есть простой инструмент, который служит лишь для выражения ощущений – удовольствий и страданий. Политические конфликты приводят к разде-

лению на тех, кто обладает правом на логос и тех, кто лишен этого права, чья речь воспринимается как простая совокупность звуков, фоне: «Политике есть место, потому что *логос* никогда не сводится просто к речи, потому что он всегда неразрывно еще и *учет* этой речи: учет, посредством которого одни издаваемые звуки понимаются как речь, способная высказать справедливое, тогда как другие – лишь как шум, сигнализирующий об удовольствии или боли, согласии или возмущении» [Рансьер 2013, 47].

Вполне объяснимо стремление победителей в ситуации *post bellum* упрочить свое политическое доминирование и установить монополию на «логос» и контроль над дискурсивными практиками побежденных. Жертвы, принесенные во имя победы, окажутся напрасными при добровольном отказе победителей от завоеванных привилегий. Нельзя отрицать того, что именно выигравшая войну сторона обладает гораздо более широким спектром возможностей для укрепления своего положения. Меры, принимаемые победителями в отношении побежденных, могут быть разнообразны. В качестве таковых К. Ясперс называет «уничтожение, депортацию, истребление», отмечая, что они могут быть обличены победителем в форму права [Ясперс 1999, 23]. Однако далеко не всегда побежденным, даже виновным в развязывании войны, дано испытать на себе всю тяжесть военного поражения. В качестве причин проявления милости победителя к побежденным Ясперс выделяет, во-первых, «целесообразность» (то есть намерение использовать их в своих интересах), во-вторых, «великодушные», трактуемое как потребность в ощущении собственной власти, и, в-третьих, подчинение требованиям естественного права, которое не лишает побежденного всех его прав [Ясперс 1999, 25–26]. Побежденным во Второй мировой войне при оккупационном режиме, по признанию немецкого философа, была предоставлена необычайная свобода в духовной сфере. Свидетельством этого стала публикация им работы «Вопрос о виновности» (1946), в которой он делает смелое заявление о совиновности победителей в Первой мировой войне наряду с нацистским государством в развязывании новой мировой войны [Ясперс 1999]. Способом

самоутверждения побежденных становится в данном случае не эпистемологический, но этический дискурс, возлагающий ответственность за развязывание войны не только на государство-агрессора. Побежденный, осознающий свою вину, согласно Ясперсу, оказывается в ситуации необходимости нравственного очищения [Ясперс 1999, 103–104], что, на наш взгляд, можно трактовать как попытку конституирования этической асимметрии в условиях асимметричных политических отношений.

История, написанная побежденным, может остаться «историей-в-себе», не имеющей сколько-нибудь значимых социальных и политических последствий. Утверждение о том, что «историю пишут побежденные», подразумевает, что это «история-для-себя», которая доступна общественности и обладает определенным влиянием на умы. Право побежденных писать историю – это не только возможность вдумчивой рефлексии собственных неудач, преследующая научные цели, но и шанс в ситуации *post bellum* продолжить противостояние, которое уже было завершено на полях сражений. Или, другими словами, это возможность продолжения войны иными средствами. Побежденный, наделенный правом писать историю, не побежден в абсолютном смысле данного слова. Отбирая и интерпретируя значимые для него события прошлого, он способен определять будущее. Следовательно, победители в справедливой войне, которая потребовала многочисленных жертв (и наследники их победы), должны проявлять особую зоркость в отношении дискурсивных практик побежденных, воздействие которых может сказаться не только в духовной, но и в политической сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
- Бодрийяр 2016 – *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Гегель 1993 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Канетти 2012 – *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Астрель, 2012.
- Кожев 2003 – *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.
- Люттвак 2012 – *Люттвак Э.* Стратегия: Логика войны и мира. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
- Платон 2014 – *Платон.* Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014.
- Рансьер 2013 – *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013.
- Трубецкой 2010 – *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни // Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 305–556.
- Трубецкой 2003 – *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век. М.: АСТ, 2003. С. 144–226.
- У-цзин 2001 – *У-цзин.* Семь военных канонов Древнего Китая. СПб.: Издат. группа «Евразия», 2001.
- Франк 1916 – *Франк С.Л.* Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 12–17.
- Фуко 2005 – *Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
- Ясперс 1999 – *Ясперс К.* Вопрос о виновности. М.: Издат. группа «Прогресс», 1999.
- Camus, Storme 2012 – *Camus A., Storme T.* Schmitt and Tocqueville on the Future of the Political in Democratic Times // The Review of Politics. 2012. Vol. 74, № 4. P. 659–684.
- Carl Schmitt 2000 – *Carl Schmitt.* Antworten in Nürnberg. Berlin: Duncker & Humblot, 2000.
- Koselleck 2012 – *Koselleck R.* Arbeit am Besiegten // Zeitschrift für Ideengeschichte. Heft VI/1 Frühjahr 2012. S. 5–10.
- Koselleck 2006 – *Koselleck R.* Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2006.
- Meier 2009 – *Meier Chr.* Sieger, Besiegte oder wer schreibt Geschichte // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2009. S. 120–148.
- Meier 2010 – *Meier N.* Warum Krieg? – Die Sinndeutung des Krieges in der deutschen Militärelite 1871–1945. Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich. Zürich: Zentralstelle der Studentenschaft der Universität Zürich, 2010.
- Schmitt 2010 – *Schmitt C.* Historiographia in nuce: Alexis de Tocqueville // Ex Captivitate Salus. Berlin: Duncker & Humblot, 2010. S. 25–33.
- Weichlein 2009 – *Weichlein S.* Die Verlierer der Geschichte. Zu einem Theorem Carl Schmitts // Trugschlüsse und Umdeutungen. Multidisziplinäre Betrachtungen unbehaglicher Praktiken. Münster: LIT, 2009. S. 147–165.

REFERENCES

- Agamben G., 2011. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Moscow, Evropa Publ.
- Baudrillard J., 2016. *The Spirit of Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place*. Moscow, RIPOL klassik Publ.
- Hegel G.W.F., 1993. *Lectures on the Philosophy of History*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Canetti E., 2012. *Crowds and Power*. Moscow, Astrel Publ.
- Kojève A., 2003. *Introduction to the Reading of Hegel*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Luttwak E., 2012. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke.
- Plato, 2014. *Laws. Epinomis. Epistles*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Rancière J., 2013. *Disagreement: Politics and Philosophy*. Saint Petersburg, Machina Publ.
- Trubetskoj E.N., 2010. The Meaning of Life. Trubetskoj S.N., Trubetskoj E.N. *Izbrannoe*. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN) Publ., pp. 305-556.
- Trubetskoj N.S., 2003. A Perspective on Russian History not from the West but from the East. *Klassika geopolitiki, XX vek*. Moscow, AST Publ., pp. 144-226.
- U-tszin, 2001. *Seven Military Canons of Ancient China*. Saint Petersburg, Izdat. gruppа «Evraziya».
- Frank S.L., 1916. Power and Right. *Russkaya mysl*, no. 1, pp. 12-17.
- Foucault M., 2005. *Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–1976*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Jaspers K., 1999. *The Question of German Guilt*. Moscow, Izdat. gruppа «Progress».
- Camus A., Storme T., 2012. Schmitt and Tocqueville on the Future of the Political in Democratic Times. *The Review of Politics*, vol. 74, no. 4, pp. 659-684.
- Carl Schmitt, 2000. *Carl Schmitt. Antworten in Nürnberg*. Berlin, Duncker & Humblot Publ.
- Koselleck R., 2012. Arbeit am Besiegten. *Zeitschrift für Ideengeschichte*, Heft VI/1, S. 5-10.
- Koselleck R., 2006. *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag.
- Meier Chr., 2009. Sieger, Besiegte oder wer schreibt Geschichte. *Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen*. Berlin, Walter de Gruyter GmbH & Co, S. 120-148.
- Meier N., 2010. *Warum Krieg? – Die Sinndeutung des Krieges in der deutschen Militärelite 1871–1945. Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich*. Zürich, Zentralstelle der Studentenschaft der Universität Zürich.
- Schmitt C., 2010. Historiographia in nuce: Alexis de Tocqueville. *Ex Captivitate Salus*. Berlin, Duncker & Humblot, S. 25-33.
- Weichlein S., 2009. Die Verlierer der Geschichte. Zu einem Theorem Carl Schmitts. *Trugschlüsse und Umdeutungen. Multidisziplinäre Betrachtungen unbehaglicher Praktiken*. Münster, LIT, S. 147-165.

Information About the Author

Natalia A. Balakleets, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Molodogvardeyskaya St, 244, 443100 Samara, Russian Federation, bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Информация об авторе

Наталья Александровна Балаклеец, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, ул. Молодогвардейская, 244, 443100 г. Самара, Российская Федерация, bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.3>

UDC 130.2
LBC 87.52

Submitted: 15.05.2024
Accepted: 15.06.2024

THE RUSSIAN MENTALITY AS A MODAL INTEGRITY¹

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to develop the author's interpretation of the Russian mentality, allowing it to be presented not through a set of features but as a whole, having a subjective status and expressed through its modes. The task posed in this way requires for its solution a rethinking of the content of the concept of mentality beyond the "homeland" of its appearance – anthropologically oriented history – and its introduction into the field of philosophical discourse. In historical science, various research approaches are aimed at studying different types of mentality, but they have in common the tradition of understanding mentality as an inferior form of thinking, not processed by consciousness, coming from L. Levy-Bruhl and the sociological school of E. Durkheim. In this capacity, mentality appears as a program, thanks to which human communities function as special wave-like objects, characterized by both variability and stability. It is shown that in the transition from the general abstract concept of mentality to its specific forms, the automatism of its action decreases; Russian mentality as a form of the special has a subjective status, responding to the challenges of anthropogenesis not only by transforming the cognitive schemes and mental structures of cultural and historical subjects but also by forming new cultural meanings. In contrast to the general concept of mentality as an ensemble of ideas and intellectual attitudes that acts as a prism between man and the world, Russian mentality as a form of the special acts as an acting subject that leaves traces in culture. A conclusion is made about the legitimacy of using a subjective modal attitude expressing the modality of expression of will for studying Russian mentality. The modal approach to Russian mentality allows us to analyze it as a way of setting the due (fixed by the operator "necessary") and the volitional, expressing various types of motivation of actions by a volitional attitude to implement or not implement these actions (fixed by the attitude "I want"). As a modal integrity, the Russian mentality realizes its subjectivity through the modes of "Russian soul", "Russian spirit", and "Russian idea", which serve as a prototype of unity and the "assembly point" of the Russian people into a single whole.

Key words: mentality, Russian mentality, modal approach, modal integrity, subjective modality, Russian idea, Russian soul, Russian spirit.

Citation. Tokareva S.B. The Russian Mentality as a Modal Integrity. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 26-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.3>

УДК 130.2
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 15.05.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК МОДАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ¹

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выработка авторской интерпретации русского менталитета, позволяющей представить его не через набор признаков, а в качестве целостности, имеющей субъектный статус и выражаемой через ее модусы. Поставленная таким образом задача требует для своего решения переосмысления содержания понятия менталитета за рамками «родины» его появления – антропологически ориентированной истории – и введения его в поле философского дискурса. В историческом дискурсе различные исследовательские оптики сфокусированы на разных типах менталитета, однако общей для них является идущая от Л. Леви-Брюля и социологической школы Э. Дюркгейма традиция понимания ментальности как «сниженной» формы мышления, не «отфильтрованного» и не процензурированного сознанием. В этом качестве менталитет предстает как *программа*, благодаря которой человеческие сообщества функционируют

как *социальные куматоиды* – «волнообразные» объекты, характеризующиеся одновременно изменяемостью и устойчивостью. Показано, что при переходе от общего абстрактного понятия менталитета к его конкретным формам «волноподобие» снижается; русский менталитет как форма *особенного* имеет субъектный статус, отвечая на вызовы антропогенеза не только трансформацией когнитивных схем и ментальных структур культурно-исторических субъектов, но и формированием новых культурных смыслов. В отличие от *общего* понятия менталитета как ансамбля идей и интеллектуальных установок, выполняющего роль призмы, находящейся между человеком и миром, русский менталитет как форма *особенного* выступает как *действующий субъект, оставляющий следы в культуре*. Сделан вывод о правомерности использования для исследования русского менталитета *субъектной модальной установки*, выражающей модальность волеизъявления. Модальный подход к русскому менталитету позволяет анализировать его в качестве способа заданности *должного* (фиксируемого оператором «*необходимо*») и *волевого*, выражающего различные виды мотивированности действий волевой установкой на реализацию или нереализацию этих действий (фиксируемого установкой «*я хочу*»). В качестве модальной целостности русский менталитет реализует свою субъектность через модусы «русская душа», «русский дух», «русская идея», служащих для русского народа прообразом единства и «точкой сборки» его в единое целое.

Ключевые слова: менталитет, русский менталитет, модальный подход, модальная целостность, субъективная модальность, русская идея, русская душа, русский дух.

Цитирование. Токарева С. Б. Русский менталитет как модальная целостность // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 26–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.3>

Понятие «менталитет» – продукт категориальной эволюции термина «ментальность», введенного в научный оборот представителями социологической школы Эмиля Дюркгейма и получившего широкое распространение в социально-гуманитарном знании благодаря деятельности представителей первого поколения «Новой исторической науки» (*La Nouvelle Histoire*) [L' Histoire... 1995]. На разных этапах этой категориальной эволюции вводились и применялись различные исследовательские оптики, многообразие которых породило смысловую вариабельность понятия «менталитет» и его устойчивую принадлежность к классу *неопределенных* понятий, характеризующихся неясным содержанием (то есть невозможностью точного указания наиболее важных отличительных признаков обозначаемого объекта) и нерезким объемом (невозможностью «провести точную границу между теми объектами, которые входят в объем этого понятия и теми, которые не входят в него») [Гусев 2015, с. 47]. Именно с размытостью, «туманностью» понятия «менталитет» [Андреева 2003, с. 17] и модальным характером его признаков связана счастливая научная судьба этого термина: первоначально употребленный в узком смысле, он стал основой нового направления в исторической науке – истории ментальностей [Михина (сост.) 1996], а затем многократно доопределялся за счет расширения и концептуализа-

ции содержания в рамках философского и культурологического дискурсов. При этом большинство определений менталитета содержит различные «наборы» его признаков, включающие как устойчивые свойства, так и текущие характеристики-состояния, однако такой подход не позволяет увидеть менталитет в его функционировании.

В историческом дискурсе различные исследовательские оптики сфокусированы на разных типах менталитета, однако общей для них является идущая от Л. Леви-Брюля и закрепившаяся в различных направлениях антропологически ориентированной истории традиция отождествления ментальности со «сниженными» формами мышления. «Неосознанность или неполная осознанность – один из важных признаков ментальностей. В ментальности раскрывается то, о чем изучаемая историческая эпоха вовсе и не собиралась, да и не была в состоянии сообщить, и эти ее невольные послания, обычно не “отфильтрованные” и не процензурированные в умах тех, кто их отправил, тем самым лишены намеренной тенденциозности. <...> На этом уровне удастся расслышать такое, о чем нельзя узнать из сознательных высказываний» [Гуревич 1992, с. 7].

Эта трактовка менталитета полностью соответствует первоначальному употреблению данного понятия в социологической школе Э. Дюркгейма, представители которой ввели

его для обозначения коллективного бессознательного; Л. Леви-Брюль определял этим термином не знакомое с логикой первобытное «недомышление»; у пионеров антропологически ориентированной истории, использовавших понятие ментальности в качестве ключевого при анализе современных обществ, также закрепились его трактовка как «коллективного неосознанного», которое может быть определено только *функционально*. При этом Марк Блок и его последователи предпочитали «иметь дело с менее осознанным, машинальным, стереотипным, проявляющимся в повседневном поведении, создавая “историю привычек”, обычаев», а «линия Люсьена Февра в значительной степени нацелена на изучение более осознанных, обдуманых созданий человеческого разума в ту или иную эпоху и представляет своего рода историю интеллектуальных течений, смыкаясь с историей культуры (которая, в свою очередь, интересуясь человеком “действующим”, дрейфует в сторону исторической антропологии)» [Андреева 2003, с. 19–20].

Хотя в сравнении с привычным нам мышлением первобытный менталитет труднопостижим и трудновыразим «средствами наших концептуальных по характеру языков» [Леви-Брюль 2002, с. 9], Л. Леви-Брюль фактически представляет его в качестве действующей программы, задающей способ сбора и использования данных, позволяющей объяснять, интерпретировать, добиваться желаемых предназначений и приспособляться к новым приемам и инструментам, и описывает ее вполне привычным нам языком: первобытный менталитет отвергает дискурсивные операции; ограничивается малым кругом предметов; приписывает все происходящее мистическим и оккультным силам; проявляет заботу о покойниках, испытывает доверие к сновидениям, гадает и задает вопросы мертвым; всему происходящему дает мистическую интерпретацию; отвергает новации и испытывает недоверие к субъектам, от которых они исходят и т. д. [Леви-Брюль 2002, с. 8–9].

Благодаря действию менталитета как программы большие социальные общности функционируют как *социальные куматоиды*, то есть представляют собой нечто постоянно изменяющееся, потокообразное и в то же вре-

мя сохраняющееся в качестве устойчивого, инвариантного. Куматоид – это «некий плавающий объект, то исчезающий, то появляющийся, который обнаруживает себя не во всех системах взаимодействий», а только в определенных, предполагаемых «программой». Он «может появляться, образовываться, а может исчезать, распадаться. Он не репрезентирует всех своих элементов одновременно, а как бы представляет их своеобразным “чувственно-сверхчувственным” образом» [Кохановский и др. 2003]. Этому подходу соответствует имперсональное определение народа как программы: «народ – это... не сумма индивидуумов, а набор имперсональных программ, сценариев и стереотипов мифообразования и соответствующих им форм социального поведения и других практик. Индивидуумы же являются лишь ситуационными (для многих, впрочем, эта ситуационность заполняет всю жизнь) проводниками, агентами-исполнителями этих приходящих как бы извне программ. Кстати, смутное осознание этого обстоятельства понуждает стихийную массовую интуицию трактовать образ народа исключительно в метафизической и подчеркнуто имперсональной оптике» [Пелипенко 2010, с. 12].

В определении менталитета как программы на первый план выступает его действенная сторона, причем эти действия носят характер безличностных автоматизмов: менталитет «подобно потоку... увлекает людей и незаметно заставляет их делать и говорить...» [Розов 1988, с. 25]; менталитет «создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции какого-либо сообщества» [Гуревич, Шульман 1995, с. 125]; не только человек «обладает» определенной ментальностью, но и она «обладает» им [Споры о главном... 1993, с. 25].

При этом «волноподобие» социальных куматоидов снижается по мере того, как мы переходим от абстрактного понятия «менталитет» к его конкретным формам. «Сниженное волнообразие» особенных форм является следствием нарастания субъектных характеристик, так что на разных стадиях формирования менталитета обнаруживается разная степень проявленности его системных / программных и субстанциальных / субъектных

качеств. На стадии локально-синкретического существования, характерной для архаической общины, менталитет обнаруживает себя в качестве «культурного кода», действующего с неотвратимостью автоматизма. Эта функция никогда не исчезает из менталитета полностью, и даже в развитых формах менталитета остается, по мнению некоторых авторов, определяющей: «Менталитет, как мне представляется, – пишет И.К. Пантин, – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах не исключая катастрофические...» [Российская ментальность 1994, с. 30].

Типическое поведение всех этих «миллионов людей» есть проявление действия менталитета как *целостности*, поскольку «все единичное в истории – будь то индивиды или отдельные исторические события – обнаруживает свою полную несамостоятельность, а потому поиски существенного и основательного в историческом процессе всегда исходят из признания бытийного примата целого, признания существования в мире всеобщей связи, так что все единичное – индивид или событие – получает свою определенность и свою экзистенцию из этой всеобщей связи, из *целого*, которое является образованием высшего порядка и относится к области объективного духа (в гегелевском значении)» [Гартман 2003, с. 119].

Русский менталитет как целостность является *формой* национального сообщества, хотя сам он при этом формой сообщества не обладает, поскольку состоит не из индивидов, но из содержательного многообразия, общего для индивидов. В качестве социального куматоида русский менталитет имеет общее определение с другими локальными менталитетами – быть системой инвариантных программ поведения, общей для людей данного сообщества на разных этапах его развития, формирующей схожие привычки чувствовать и мыслить, а также схожие способы преодоления обстоятельств; однако в качестве *особенного* русский менталитет имеет субъектный статус, отвечая на вызовы антропогенеза не только трансформацией глубинных когнитивных схем и ментальных структур культурно-

исторических субъектов, но и порождением новых культурных смыслов. То есть речь идет о различии между *общим* понятием менталитета как «ансамбля идей и интеллектуальных установок», находящегося «между нами и миром как призма» [Bouthoul 1971, p. 31–32], и представлением о русском менталитете, который в своей *особенности* выступает как *действующий субъект, оставляющий следы в культуре*. Понятно, что субъектность менталитета относится к тем видам субъектности, которые существуют «вне человеческой головы», а сам он как целостность остается за пределами опыта эмпирических индивидов и относится к сфере *непереживаемого*, непосредственная связь с которым недоступна для восприятия.

По этой причине для исследования русского менталитета правомерно использование *субъектной модальной установки* [Мёдова 2020, с. 17]. В отличие от объективной модальности, которая информативна, включает сообщения о реальности в форме фактов и использует наклонения когнитивного типа, выполняющие «осведомительную коммуникативную функцию» и указывающие «на степень достоверности передаваемой информации», субъективная модальность – это *модальность волеизъявления*, использующая грамматические средства выражения различных видов мотивированности действия волевыми установками субъекта речи на реализацию или нереализацию действия [Мёдова 2020, с. 18–19].

С субъектной точки зрения модальный мир – это мир должного и волевого. Модальный подход к русскому менталитету позволяет анализировать его в качестве *способа заданности* им *должного* (фиксируемого оператором «*необходимо*») и *волевого*, выражающего различные виды мотивированности действий волевой установкой на реализацию или нереализацию этих действий (фиксируемой установкой «*я хочу*»). Анализируя средства выражения в русском языке модальных значений, А.А. Мёдова отмечает, что «в русском языке модальности желательности, долженствования, обязательности, намерения и прочие выражаются не глаголами, как в романо-германских языках, а фиксируются наречиями и конструкциями категорий состояния (например, надо + инфинитив). Русские

категории состояния – это специальные безлично-предикативные слова, инфинитив – также безличная форма глагола, не имеющая времени. Например, надо (бы) сходить в магазин, необходимо действовать, нельзя быть таким глупым. Эти фразы передают модальности, но не имеют лица и времени» [Мёдова 2020, с. 27]. Безличность модальных компонентов отражает специфику деонтического противостояния русского человека бытию: «Преобладание модальных конструкций, выражающих побудительность, долженствование, обязательность и другие позиции посредством категории состояния, говорит о диффузности, процессуальности, безличности картины мира. Отсутствие или редкая употребительность личных глаголов при выражении модальности свидетельствует о бессубъектности модальных конструкций – конкретно никто ничего не должен, а просто надо» [Мёдова 2020, с. 27].

Примем за основу следующее определение субъектности: «Субъектность не только указывает на возможность самопознания, но становится динамической характеристикой самоосуществления индивида или общественной группы, программой создания ими совокупности своих атрибутивных характеристик, позволяющих произвести самоидентификацию в процессе межличностного или группового общения» [Мельников 2000, с. 45]. Самоидентификация может происходить с учетом этнических признаков; в этом случае можно говорить о русской субъектности [Мельников 2000, с. 45], детерминированной в качестве социального куматоида русским менталитетом.

Показательно, что Чаадаев, признавая важнейшей закономерностью исторического развития и существования народа его единство и солидарность, образуемые благодаря приверженности граждан традициям, общим нормам жизни, стремлению к исполнению своей миссии, оценивал субъектность русского народа как исчезающую, ничтожную. Россия, по его мнению, отпала от указанной закономерности, и без достижения этого внутреннего единства, без единения с другими народами, без вхождения «составной частью в род человеческий» [Чаадаев 1991 II, с. 326] у России нет будущего, ибо «народ, точно также, как и индивидуум, не может сделать ни шагу

вперед без ощущения своей личности; более того, он не может даже существовать без этого ощущения» [Чаадаев 1991 I, с. 501]. Для используемой Чаадаевым «оптики», сфокусированной на индивидуальном сознании, все сверхиндивидуальные виды субъектности оказываются в слепом пятне, и ему остается только продолжать «заземлять» и без того уже приниженное русское самосознание: «Бедные наши души! Не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще и ложного представления о самих себе, не будем стремиться жить жизнью чисто духовной, научимся благоразумно жить в данной действительности...» [Чаадаев 1991 II, с. 324]. Дух и душа для Чаадаева не более чем *режимы* существования: «В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться» [Чаадаев 1991 II, с. 323].

Между тем характерная для русского самосознания и языка бессубъектность модальных конструкций перекрывается субъектностью высшего порядка. Как реальная целостность, конкретный менталитет проявляет и обнаруживает себя через свои *модусы*. Для русского менталитета такими модусами, через которые он объективируется и саморазвертывается, выступают *русская душа, русский дух и русская идея*, воплощающие субъектность русского менталитета во всей ее полноте. Э. Дюркгейм справедливо считал ментальность базовой формой солидарности (полагая при этом социальную ментальность более сильным фактором сплочения по сравнению с этнической) [Дюркгейм 2018, с. 251–252]. *Русская душа, русский дух и русская идея* как модусы русского менталитета выступают ментальными культурными формами, удерживающими единство «русскости» вопреки слабости корпоративных связей, личностной разделенности и т. п. Благодаря субъектности русской души, русского духа и русской идеи мы понимаем *особенность* носителей русскости не как набор типических черт, распределенных между ними в каких-то пропорциях, но как причастность к живому единству, реальному в неменьшей степени, чем личность. Русская душа, русский дух, русская идея

в качестве модусов русского менталитета раскрываются в национальной истории, религиозном сознании и культурной традиции как действующие прообразы единства русского народа и «точки сборки» его в единое целое.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, научный проект № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность».

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, scientific project No. 24-28-01661 “Russian mentality as a modal integrity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 2003 – *Андреева Е.А.* «Новая историческая наука» Франции глазами французских историков // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 13–20.
- Гартман 2003 – *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
- Гуревич 1992 – *Гуревич А.Я.* Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Гуревич, Шульман 1995 – *Гуревич П.С., Шульман О.И.* Ментальность как тип культуры // Философские науки. 1995. № 2–4. С. 125–138.
- Гусев 2015 – *Гусев Д.А.* Логика. М.: Прометей, 2015. 300 с.
- Дюркгейм 2018 – *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
- Кохановский и др. 2003 – *Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б.* Философия для аспирантов. Изд. 2-е. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.
- Леви-Брюль 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. СПб.: Европейский дом, 2002. 400 с.
- Мельников 2000 – *Мельников А.Н.* Загадки русской субъектности. Опыт деструкции и деконструкции смыслообразующих этносоциальных текстовых стратегий // Известия АлтГУ. 2000. № 4. С. 45–50.
- Мёдова 2020 – *Мёдова А.А.* Онтология модальности: монография. В 2 ч. Ч. 2. Модальная интерпретация действительности. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2020. 160 с.
- Михина (сост.) 1996 – *Михина Е.М. (сост.)*. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. 255 с.
- Пелипенко 2010 – *Пелипенко А.А.* Русская система на весах истории // Философские науки. 2010. № 3. С. 7–22.
- Розов 1988 – *Розов М.А.* Философия без сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 23–94.
- Российская ментальность 1994 – Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 23–53.
- Споры о главном... 1993 – Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. Вокруг исторической школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 207 с.
- Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Отрывки и разные мысли (1828–1850-е годы) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 441–511.
- Чаадаев 1991 – *Чаадаев П.Я.* Философические письма (1829–1830). Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 320–339.
- Bouthoul 1971 – *Bouthoul G.* Les mentalités. 5-ed. Paris: Presses universitaires de France, 1971.
- L’Histoire... 1995 – L’Histoire et le métier d’historien en France, 1945–1995 / sous la direction de Francois Bedarida; avec la collab. de Maurice Aymard, Yves Marie Bercé, Jean-François Sirinelli; préf. de Jacques Le Goff et Nicolas Roussellier. Paris: Éd. de la Maison des sciences de l’homme, 1995. X-437 p.

REFERENCES

- Andreeva E.A., 2003. The “New Historical Science” of France Through the Eyes of French Historians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 276, pp. 13-20.
- Gartman N., 2003. *Towards the Foundation of Ontology*. Saint Petersburg, Nauka Publ. 640 p.
- Gurevich A.Ya., 1992. Philippe Ariès: Death as a Problem of Historical Anthropology. Aryes F. *Man Facing Death*. Moscow, Progress-Akademiya Publ. 528 p.
- Gurevich P.S., Shulman O.I., 1995. Mentality as a Type of Culture. *Filosofskie nauki*, no. 2-4, pp. 125-138.
- Gusev D.A., 2015. *Logics*. Moscow, Prometej Publ. 300 p.
- Dyurkgejm E., 2018. *Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Moscow, Izdat. dom «Delo» RANHiGS. 736 p.

- Kohanovskij V.P., Zolotuhina E.V., Leshkevich T.G., Fathi T.B., 2003. *Philosophy for Postgraduates*. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 448 p.
- Levi-Bryul L., 2002. *Primitive Thinking*. Saint Petersburg, Evropejskij dom Publ. 400 p.
- Melnikov A.N., 2000. Riddles of Russian Subjectivity. Experience of Destruction and Deconstruction of Meaning-Forming Ethnosocial Text Strategies. *Izvestiya AltGU*, no. 4, pp. 45-50.
- Myodova A.A., 2020. *Modality Ontology: Monograph. In 2 Parts. Part 2. Modal Interpretation of Reality*. Krasnoyarsk, SibGU im. M.F. Reshetneva. 160 p.
- Mihina E.M. (ed.), 1996. *History of Mentalities, Historical Anthropology. Foreign Studies in Reviews and Abstracts*. Moscow, RGGU. 255 p.
- Pelipenko A.A., 2010. The Russian System on the Scales of History. *Filosofskie nauki*, no. 3, pp. 7-22.
- Rozov M.A., 1988. Philosophy Without Community? *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 23-94.
- Russian Mentality (Proceedings of the “Round Table”), 1994. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 23-53.
- Debates About the Main Thing. Discussions about the Present and Future of Historical Science. Around the Historical School of the “Annals”*, 1993. Moscow, Nauka Publ. 207 p.
- Chaadaev P.Ya., 1991. Fragments and Miscellaneous Thoughts (1828–1850s). Chaadaev P.Ya. *Complete Works and Selected Letters. Vol. 1*. Moscow, Nauka Publ., pp. 441-511.
- Chaadaev P.Ya., 1991. Philosophical Letters (1829–1830). Letter One. Chaadaev P.Ya. *Complete Works and Selected Letters. Vol. 2*. Moscow, Nauka Publ., pp. 320-339.
- Bouthoul G., 1971. *Les mentalités*. Paris, Presses universitaires de France.
- L’Histoire et le métier d’historien en France, 1945–1995*, 1995. Paris, Éd. de la Maison des sciences de l’homme. X-437 p.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.4>

UDC 128
LBC 87.52

Submitted: 14.03.2024
Accepted: 15.06.2024

“RUSSIAN SOUL” AS A MODUS OF RUSSIAN MENTALITY: A SEMANTIC APPROACH¹

Nadezhda A. Uglinskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the article, the concept of “Russian soul” is considered as a modus of Russian mentality. Soul as a personal category in combination with the characteristic “Russian” has subjective qualities. It is shown that the semantic method is an important part of the strategies for studying the mental characteristics of the Russian soul. The method allows us to identify its essential properties through the analysis of words and expressions that have become entrenched in the language of “folk culture” to denote habitualized, familiar behavioral patterns and social practices of the bearers of “Russianness.” Semantic groups associated with the concept of “Russian soul” include alternative characteristics inherent in the Russian character, which is explained by its inherent inconsistency. The main ambivalent meanings invested in the expression “Russian soul” are highlighted. It is shown that the main drawback of the semantic approach to the analysis of the Russian mentality and its manifestations is the detachment from reality. Although the semantic method has great potential, it cannot be considered universal and sufficient for revealing the content of mental characteristics by analyzing the conceptual sphere of Russian culture due to its inherent subjective and formal nature. Subjectivity is expressed in the fact that in the process of studying individual meanings and determining the frequency of word use, it is impossible to take into account all terms that are close in meaning, united by a dominant idea, but differ in nuances. The insufficiency of the semantic method for studying the “Russian soul” as a modus of Russian mentality is due to the peculiarities of the use of typification techniques in it and can be compensated for by using a prototypical approach, in which specific subjects – historical figures, literary, mythological, or fairy-tale characters, folk heroes, etc. – act as prototypical bearers of “Russianness,” thanks to which a consensus of ideas about the “Russian soul” is formed in the national community, ensuring the “recognition” of its manifestations.

Key words: mentality, Russian mentality, soul, Russian soul, personal modus of mentality, semantic method, modal analysis.

Citation. Uglinskaya N.A. “Russian Soul” as a Modus of Russian Mentality: A Semantic Approach. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 33-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.4>

УДК 128
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 14.03.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

«РУССКАЯ ДУША» КАК МОДУС РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

Надежда Александровна Углинская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье концепт «русская душа» рассматривается как модус русского менталитета. Душа как личностная категория в соединении с характеристикой «русская» имеет субъектные качества. Показано, что семантический метод является важной частью стратегий исследования ментальных характеристик русской души. Он позволяет выявить ее существенные свойства через анализ слов и выражений, закрепившихся в языке «народной культуры» для обозначения хабиитуализированных, привычных поведенческих образцов и социальных практик носителей «русскости». Семантические группы, связанные с концептом «русская душа», включают альтернативные характеристики, свойственные русскому характеру, что объясняется внутренне

присущей ему противоречивостью. Выделены основные амбивалентные смыслы, вкладываемые в выражение «русская душа». Показано, что основным недостатком сематического подхода к анализу русского менталитета и его проявлений является отрыв от реальности. Хотя сематический метод обладает большим потенциалом, он не может рассматриваться как универсальный и достаточный для раскрытия содержания ментальных характеристик путем анализа концептосферы русской культуры в силу присущего ему субъективного и формального характера. Субъективность выражается в том, что в процессе исследования отдельных значений и определения частотности употребления слов невозможно учесть все близкие по значению термины, объединенные доминантной идеей, но различающиеся нюансами. Недостаточность сематического метода для изучения «русской души» как модуса русского менталитета обусловлена особенностями использования в нем приемов типизации и может быть компенсирована за счет применения прототипического подхода, при котором конкретные субъекты – исторические личности, литературные, мифологические или сказочные персонажи, народные герои и т. д. – выступают в качестве прототипических носителей «русскости», благодаря которым в национальном сообществе формируется консенсус представлений о «русской душе», обеспечивающий «узнавание» ее проявлений.

Ключевые слова: менталитет, русский менталитет, душа, русская душа, личностный модус менталитета, сематический метод, модальный анализ.

Цитирование. Углинская Н. А. «Русская душа» как модус русского менталитета: сематический подход // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 33–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.4>

Концепт «русская душа» является многогранным, включающим в себя широкий спектр смыслов, в которых зачастую видят наиболее яркое выражение русского менталитета, для исследования которого широко применяется сематический анализ. Его эвристические возможности и преимущества для выявления специфики «русской души» через изучение языка «народной культуры» были отмечены в ряде работ, посвященных анализу семантики наиболее употребляемых русских слов [Вежбицкая 1996; Гачев 2008; Колесов 2006].

Понятие «душа» обладает множеством коннотаций, к важнейшим из которых относятся: внутренний, психический мир человека и его сознание («радостно на душе», «душа меру знает»); свойство характера («добрая душа»), сверхъестественное, бессмертное начало в человеке («души умерших»), самого человека («в доме ни души», «мертвые души») [Ожегов, Шведова web]. Сематический анализ слова «душа», проведенный А.Д. Шмелевым, показал, что его изначальный смысл отождествлялся с человеком как единицей населения («считать по душам», «на душу населения» – от лат. *per capita*, буквально «на (одну) голову») [Шмелев 2005а, 137]. В английском языке существуют примеры прямого отождествления тела и души, например, местоимения *anybody* (дословно «любое тело») и *somebody* (дословно «какое-то тело»), которые переводятся как «кто-

нибудь. Однако в русской культуре связь души с понятиями «дух», «сознание», «человек», «тело» не предполагает отождествления ее с ними.

Обыденное сознание интерпретирует душу, как невидимый орган в груди человека, вмещающий в себя его внутренние состояния («на душе», «в душе», «лезть в душу», «раскрыть душу», «плевать в душу»). Концептуализация души в качестве «органа» переживания различных состояний – растерянности, пресыщения, «горения», сосредоточенности, лени, тоски и т. д. – прослеживается на примере широкого спектра словосочетаний, описывающих их через телесные метафоры («голова идет кругом», «сыт по горло», «кровь закипела», «сила разлилась по телу», «не вешать нос», «сидеть в печенках»).

Душа связана с душевностью. «Душевность есть явленная духовность, но все же “вещна” она, через чувство и опыт вглубляется в жизнь» [Колесов 2006, 269], – отмечает В.В. Колесов. Таким образом, в отличие от духа, существующего в энергийном поле, на уровне волеизъявления, и не концептуализирующегося в качестве органа, душа находит свое воплощение на онтологическом уровне, и, тем самым, непосредственно связана с личностью. Являясь личностной категорией, душа в соединении с характеристикой «русская» «дает представление об идеальном инварианте (символе) “народного Я”» [Колесов 2006, 277], то есть представляет собой кон-

цепт, выступающий личностным модусом русского менталитета.

Идея связи русского менталитета с русской душой разрабатывалась представителями русской религиозной философии Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским и Б.П. Вышеславцевым, которые привнесли в культурологическое поле концепты «русский национальный характер», «душа народа», «характер народа», «социальный характер», «психология русского народа» [Бердяев web; Вышеславцев web; Лосский web], выражающие типичные эмоционально-психологические характеристики «русскости».

Рассмотрим основные амбивалентные смыслы, вкладываемые в выражение «русская душа» посредством анализа его семантических компонентов.

Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин и другие выделяли в качестве типичного свойства русского народа религиозность, понимаемую в самом широком смысле. Она находит отражение, с одной стороны, в таких мирских свойствах русской души как «совесть», «смирение», «простота», «самоотверженность», «кротость», в приоритете духовных ценностей над материальными, ведущими к телесным удовольствиям, а с другой – включает признание абсолютных ценностей и сакрализацию России в народном самосознании (что выражается в фольклорном образе «Святой Руси»). При этом Л.П. Карсавин отмечал, что наряду с религиозностью русскому народу свойственен воинствующий атеизм, возникающий как противовес пассивности и бездействию. По мнению Н.О. Лосского, миропонимание советских коммунистов, так яростно отрицающих религиозные ценности и пропагандирующих материалистические, не противоречит русскому характеру, так как руководствуется идеалами «искания добра для всего человечества» [Лосский web], и, более того, их рвение в установлении таких идеалов, сопровождаемое сакрализацией вождей и их трудов, подобны религиозности особого рода. Н.А. Бердяев также усматривал религиозность русского атеизма, видя его проявления в героических поступках во имя абсолютных идей.

Оппозиция низкого и высокого находит свое отражение в отношении к быту и бытию

соответственно. Русской душе свойственно романтическое презрение к земному, преходящему быту (быт «засасывает», его необходимо «преодолеть», «изжить») в противоположность высокой жизни души и духа. Аналогично этому противопоставляются душа и тело, сердце и ум. При этом ум и связанные с ним интеллектуальные достижения соотносятся с телом («руководствоваться головой»), с душой связано сердце («выбирать сердцем»). Для русской души приоритет отдается сердцу, человеку постыднее быть без души, чем без ума или рассудка («бездушный» хуже, чем «безумный» и «безрассудный»). Одновременно, наряду с высокими ценностями, русскому характеру свойственна также «мелочность», «расчетливость», «обустроенность», которые изобличали посредством использования популярного в XX в. термина «мещанство». В русском менталитете с «задушевностью» соседствуют понятия «подлость», «безобразия» и «свинство» [Зализняк, Левонтина, Шмелев (ред.) 2005, 52, 185]. Н.А. Бердяев видит в этом свойстве склоняться к крайностям – или ангельскому, или звериному началу – оборотную сторону стремления к идеалу, к святости: «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством. Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным» [Бердяев web].

Свойственное русскому человеку «чуткое различие добра и зла» [Лосский web] выливается в претензию русского самосознания на нюансирование хорошего и плохого, распознавание в них тончайших оттенков, для выражения которых в русском языке есть целый арсенал уникальных семантических средств. Так, например, В.В. Набоков выделяет непере译имое на другие языки русское слово «пошлость»: «Пошлость – это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность. Припечатывая что-то словом “пошлость”, мы не просто выносим эстетическое суждение, но и творим нравственный суд» [Набоков 2010, 431]. Свой-

ственное русскому менталитету стремление различать оттенки при вынесении моральных суждений находит отражение также в области сниженной лексики: так, слова «подлец», «мерзавец» и «негодяй» имеют особенный смысл при сходстве общего значения морального порицания. По этой причине В.В. Колесов критикует методику А. Вежицкой выводить заключения о русском менталитете на основе распространенных выражений без учета вариативности конструкций и в сравнении с английской формой строения речемысли (где, по его замечаниям, еще больше слов сниженного стиля) [Колесов 2006, 43].

Отражение и типизация социально-психологических черт русского характера в художественной литературе приводит не только к их нюансированию, но и к появлению лексических форм с обобщающими, собирательными значениями. Так, безволие, лень, пассивность, откладывание дел на потом собраны И.А. Гончаровым в емкое понятие «обломовщина». Это свойство русской души фиксируется в обыденном и просторечном языке словами «лень», «неохота», «лодырь», «лоботряс», «кое-как», «постараюсь» (в отличие западного «сделаю») и др. Также на своеобразное безволие и отказ от приложения усилия указывают триады «получилось-вышло-сложилось» и «довелось-посчастливилось-повезло», выделенные А.А. Зализняком и И.Б. Левонтиной [Зализняк, Левонтина 2005] как обозначающие неподвластность результата воле человека, зависимость от внешних обстоятельств. Неконтролируемость событий видна в типично русском слове «авось». По мнению А. Вежицкой, сама семантическая структура русского языка предполагает перекладывание ответственности на внешние обстоятельства, что выражается в широком использовании возвратных глаголов с окончанием на -ся («хочется», «думается», «раз на раз не приходится» и т. п.) снимают с человека ответственность за его действия. В условиях неконтролируемости человеком событий его жизни важнейшее значение приобретают лексемы «удача» и «удаль», не рассматриваемые филологами как связанные между собой словообразовательной связью, но отражающие объективную и субъективную стороны благоприятных событий, случающихся с челове-

ком. Удаль, то есть «храбрость в широком движении» [Лихачев 2014, 15] в русском характере гипертрофируется и может трансформироваться в «безбашенность». О том, что в понимании представителей других культур русским людям свойственна такая черта характера, свидетельствует, например, то, что самую экстремальную в мире игру, ставкой в которой является жизнь, принято называть «русская рулетка».

На фоне безволия как отказа от активного действия контрастно проявляются такие качества как активная реакция на несправедливость, активное (действенное) отвержение, неприятие мира, нигилизм. Рассматривая их, Б.П. Вышеславцев использовал в качестве примера стихийную реакцию Ильи Муромца на обиду за то, что его не пригласили на княжеский пир: «Это не революция западно-европейская с ее добыванием прав и борьбой за новый строй жизни, это стихийный нигилизм, мгновенно уничтожающий все, чему народная душа поклонялась, и сознающий притом свое преступление, совершаемое с “только кабацкой”» [Вышеславцев web]. Идея неприятия мира, которая находит себя в терминах «странник» («Странник – свободен от “мира”, и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах» [Бердяев web]), «скиталец», «путник», «отщепенец», «ородивый», «неприкаянность». Неприятие мира также выражается в особенности русского человека стыдиться счастья, как будто он не достоин быть счастливым («На свете счастья нет, но есть покой и воля» (А.С. Пушкин), «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него» (В.Г. Короленко)). А. Вежицкая отметила, что если в английском языке счастье – это повседневная эмоция, русское счастье труднодостижимо, оно не является нормой для человека, а поэтому не имеет эквивалента в западноевропейских языках [Wierzbicka 1992].

Также филологи выделяют специфическое русское, часто употребляемое слово «тоска», которое практически непереводимо на английский язык. Его довольно сложно определить. По замечаниям А.Д. Шмелева, существующие словарные определения (тревога, скука, уныние и т. п.) описывают состояния, близкие тоске, но не отображающие в полной

мере ее сущность. На его взгляд, «...тоска – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях; ср.: тоска по родине; тоска по ушедшим годам молодости...» [Шмелев 2005б, 31]. Тоска также соотносится с понятиями «скучать» (тосковать по кому-то) и «маяться» (не находить себе места).

«Широта» и «открытость» русской души, имеющие своим истоком лексико-семантическую группу со смысловой доминантой «простор», указывающей на отсутствие ограничений («приволье», «раздолье», «воля вольная», «все или ничего»), указывают на нее как на вмещалище переживаний, способностей и душевных сил («простор для фантазии, простор для чувств, воображения» [Левонтина, Шмелев 2005, 67]).

Другая сторона широты русской души выражается понятием «общение», которое можно назвать культурным скриптом русской культуры. А. Вежицкая отмечает, что русская душа – это не душа одного человека, а взаимопонимание, взаимосвязь, рождающиеся между людьми в процессе общения. С открытостью общения как свойства русского менталитета связаны, с одной стороны, позитивные качества – гостеприимство, щедрость, хлебосольство, а с другой – неуважение границ другого человека, определяемое как панибратство. Русское «общение» не тождественно западной «коммуникации», «контакту» или «диалогу», являющимся целеполагающими понятиями, ориентирующими на достижение позитивного результата. В русской культуре общение может быть ради общения, оно ценно само по себе и несет в себе смысл приятного времяпрепровождения. В общении достигается «общность» с другими, возможность «излить душу», получить «радость и удовольствие от общения». Наличие выражений «говорить по душам», «ответить душе», «душа нараспашку», «открыть душу» и т. п. говорят о важности искренности в общении. Таким образом, в русской культуре положительная оценка отводится именно «общению по душам», в котором раскры-

вается внутреннее расположение человека, в отличие от внешних «вежливости» и «уловности». Общение по душам в сознании русского человека предполагает «правду», ориентацию на сердце, а не на разум. Разум сводится к «бездушности», ему приписывают характеристики «холодный», «безличный», «бескомпромиссный».

«Правда», на которую ориентируется русская душа, не тождественна «истине», это доказывает наличие двух разных слов для описания того, что, например, в английском выражается одним словом «truth». В отличие от английского «truth», «связанного со знанием, рациональным мышлением и объективными доводами» [Вежицкая 2005, 488], русское слово «правда» связано с людьми, с их общением и возможностью доверять друг другу, с душой и искренностью. Таким образом, правда / неправда в русской культуре не являются абстрактными понятиями; борьба с неправдой и обличение лжи занимают высокое место в иерархии культурных ценностей, о чем свидетельствует разнообразный словарный ряд, связанный с ложью и отрицательным отношением к ней («неправда», «ложь», «вранье», «обман», «брехня», «фальшь», «соврать», «приврать», «переврать», «напускной», «горькая правда» и «сладкая ложь» и др.). С правдой в русской культуре связывают справедливость как выражение абсолютного добра. Однако, с другой стороны, для русского человека характерно лгать из самых добрых побуждений, например, чтобы не обидеть другого человека, когда необходима «ложь во спасение».

Н.О. Лосский писал, что «к числу первичных основных свойств русского народа принадлежит доброта, углубляемая и поддерживаемая исканием абсолютного добра и религиозностью...», однако «...измученный злом и нищетою русский человек может проявить и большую жестокость» [Лосский web]. Н.А. Бердяев отмечал, с одной стороны, доброту, человечность и мягкость русской души, и, в то же время, склонность к насилию.

О любви к свободе как сущностной душевной силе русского народа писали Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, И.А. Ильин. На разницу в понимании свободы для русского и запад-

ного человека указал В.К. Трофимов: «Если для европейца свобода есть сознательный и добровольный учет необходимости в своих поступках, то для русского свобода – это воля, соединенная простором, с ничем неограниченным пространством» [Трофимов 1998, 56]. Таким образом, для русского менталитета свобода – это отсутствие ограничений. Такая свобода граничит со своеволием и отсутствием меры. Своеволье может вырождаться в самодурство (излюбленный мотив критики в русской литературе). Щедрость, как свобода распоряжаться своей собственностью, находит отражение в словах «обилие», «хлебосолье», «гостеприимность». Щедрость без меры может вырождаться в расточительность, беспечность, мотовство («Бог дал, Бог взял», «сорить деньгами»). Такое противоположное щедрости качество как скупость в русской культуре осуждается вплоть до отождествления с душевной черствостью. Свободолюбие русской души проявляется также в специфическом отношении к собственности (если ты не можешь отдать вещь, которая тебе принадлежит, то тогда ты сам принадлежишь этой вещи) и к богатству (в богатстве задыхается духовная свобода).

Приведенные примеры показывают, что посредством семантического анализа выявляется амбивалентный характер русской души как модуса русского менталитета, обусловленный сопряженностью двух начал – низшего, земного, материального и высшего, духовного. В.К. Трофимов объясняет «загадочность» русской души тем, что душевные противоречия в русской культуре приобретают форму парадоксов: они, с одной стороны, не сочетаются и исключают друг друга, а с другой – в полной мере являются характерными для русского человека [Трофимов 1998].

Семантический метод, несомненно, обладает большим эвристическим потенциалом при анализе характеристик национального менталитета путем анализа концептосферы русской культуры, однако он не является универсальным и достаточным в силу присущего ему субъективного и формального характера. Субъективность выражается в том, что в процессе исследования отдельных значе-

ний и определения частотности употребления слов невозможно учесть все близкие по значению термины, объединенные доминантной идеей, но различающиеся нюансами. При построении общей языковой картины необходимо делать упор не на словах, а на концепциях и практиках, на что указывал британский филолог Х. Ллойд-Джонс [Lloyd-Jones 1971]. Одновременно нужна рефлексия над тем, какие из выделенных слов действительно выражают устоявшиеся взгляды, а какие являются закрепившимися языковыми штампами.

Основным недостатком сематического подхода к анализу национального менталитета и его проявлений является отрыв от реальности. М.М. Кром, анализируя попытки представителей антропологически ориентированной истории описывать менталитет конкретных сообществ на основании изучения мнений, выраженных в «типичных» словах и выражениях, показал, что это ведет к искажению исторической реальности и ошибочным выводам [Кром web]. В языке всегда найдутся альтернативные трактовки одного и того же события.

Признание субъектного статуса «русской души» не позволяет рассматривать ее как набор эмпирически фиксируемых (и неизбежно противоречивых) типичных характеристик, разделяемых членами сообщества. Более продуктивным представляется прототипический подход, при котором конкретные субъекты – исторические личности, литературные, мифологические или сказочные персонажи, народные герои и т. д. – выступают в качестве прототипических носителей «русскости», благодаря чему в национальном сообществе формируется консенсус представлений о «русской душе», обеспечивающий «узнавание» ее проявлений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, научный проект № 24-28-01661 «Русский менталитет как модальная целостность».

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, scientific project No. 24-28-01661 “Russian mentality as a modal integrity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев web – *Бердяев Н.А.* Судьба России. Сборник статей (1914–1917) // https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaeв_sudba_rossii.pdf
- Вежбицка 2005 – *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.). Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 467–499.
- Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Вышеславцев web – *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // http://yakov.works/library/03_v/ish/eslavzeв_05.htm
- Гачев 2008 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 541 с.
- Зализняк, Левонтина 2005 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б.* Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.). Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 307–335.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев (ред.) 2005 – *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.)*. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Колесов 2006 – *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
- Кром web – *Кром М.М.* История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности // <https://el-history.ru/node/432>
- Левонтина, Шмелев 2005 – *Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Родные просторы // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.). Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 64–75.
- Лихачев 2014 – *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. М.: КоЛибри, АзбукаАттикус, 2014. 479 с.
- Лосский web – *Лосский Н.О.* Характер русского народа // https://vtoraya-literatura.com/pdf/lossky_kharakter_russkogo_naroda_1957__ocr.pdf
- Набоков 2010 – *Набоков В.* Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 446 с.
- Ожегов, Шведова web – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка // http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt
- Трофимов 1998 – *Трофимов В.К.* Душа русского народа: природно-историческая обусловленность и сущностные силы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. 157 с.

- Шмелев 2005а – *Шмелев А.Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.). Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005а. С. 133–152.
- Шмелев 2005б – *Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.). Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005б. С. 25–38.
- Lloyd-Jones 1971 – *Lloyd-Jones H.* The Justice of Zeus. Berkley. 230 p.
- Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Talking About Emotions: Semantics, Culture, and Cognition // *Cognition and Emotion*. 1992. № 6 (3/4). P. 285–319.

REFERENCES

- Berdyaeв N.A., 1915. *Destiny of Russia. Collection of Papers (1914–1917)*. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyaeв_sudba_rossii.pdf
- Wierzbicka A., 2005. Russian Cultural Scripts and Their Reflection in Language. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., pp. 467-499.
- Wierzbicka A., 1996. *Language. Culture. Cognition*. Moscow, Russkie slovari Publ. 416 p.
- Vysheslavcev B.P., 1995. *Russian National Character*. URL: http://yakov.works/library/03_v/ish/eslavzeв_05.htm
- Gachev G.D., 2008. *Mentalities of the Peoples of the World*. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ. 541 p.
- Zaliznyak A.A., Levontina I.B., 2005. Reflection of “National Character” in the Vocabulary of the Russian Language. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., pp. 307-335.
- Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.), 2005. *Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 544 p.
- Kolesov V.V., 2006. *Russian Mentality in Language and Text*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 624 p.
- Krom M.M., 2010. *History of Russia in an Anthropological Perspective: The History of Mentalities, Historical Anthropology, Microhistory, the History of Everyday Life*. URL: <https://el-history.ru/node/432>

- Levontina I.B., Shmelev A.D., 2005. Native Spaces. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., pp. 64-75.
- Likhachev D.S., 2014. *Notes About Russian*. Moscow, KoLibri Publ., AzbukaAtticus Publ. 479 p.
- Lossky N.O., 1957. *Character of the Russian People*. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/lossky_kharakter_russkogo_naroda_1957__ocr.pdf
- Nabokov V., 2010. *Lectures on Russian Literature*. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ. 446 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 1997. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt
- Trofimov V.K., 1998. *Soul of the Russian People: Natural-Historical Conditioning and Essential Forces*. Yekaterinburg, Bank kulturnoj informacii Publ. 157 p.
- Shmelev A.D., 2005a. Spirit, Soul and Body in the Light of Russian Language Data. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, pp. 133-152.
- Shmelev A.D., 2005b. Lexical Composition of the Russian Language as a Reflection of the "Russian Soul". Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (eds.). *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., pp. 25-38.
- Lloyd-Jones H., 1971. *The Justice of Zeus*. Berkley. 230 p.
- Wierzbicka A., 1992. Talking About Emotions: Semantics, Culture, and Cognition. *Cognition and Emotion*, no. 6 (3/4), pp. 285-319.

Information About the Author

Nadezhda A. Uglinskaya, Junior Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Senior Lecturer, Philosophy and Law Department, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, elpis.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0913>

Информация об авторе

Надежда Александровна Углинская, младший научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; старший преподаватель кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. В.И. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, elpis.87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5593-0913>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

UDC 128
LBC 87.52

Submitted: 25.03.2024
Accepted: 15.06.2024

TRADITIONALISM AND ONTOLOGICAL INCOMPLETENESS OF THE HUMAN BEING

Elena V. Gill

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

Daniil E. Krapchunov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of traditionalism in the context of human ontological incompleteness. The concept of ontological incompleteness represents man as an ontologically open structure. The authors describe three ways of the human opening to the world: ontological (spiritual, carried out by spiritual practices of traditional religions), ontic (social), and virtual. In culture, there are different ways of representing incompleteness, which can be overcome or corrected. In global reality, the crisis of identity and the sense of increased insufficiency relate to the structural change of personality and identity in a dynamic social reality, where the virtual way of the human opening to the world plays an increasingly important role and types of ontic existence multiply. The response to the increased incompleteness is two post-secular vectors of virtualization – a direct departure into virtuality and traditionalism, the impulse of which is a return to social reality in some form taken from the past that would promise rootedness, namely, into tradition and a return to religion in inextricable connection with its national carrier. In the light of the concept of ontological incompleteness and based on field research of traditionalism in Russia and other countries, the authors explicate traditionalism as the virtualization of reality and manipulative substitution of the ontological with the ontic. The peculiarity of traditionalism as a worldview and ideology is that it represents tradition itself as a value, whereas it is a construct for the preservation and transmission of values. It is shown that traditionalism is the most radical cultural form of the return of the cultural content of the historical past, which is represented to be a spiritual need. However, these forms are outdated, not constructive, and addressing them instead of overcoming incompleteness turns man into a self-sufficient structure, which contradicts the fundamental ontological openness of the human being.

Key words: ontological incompleteness, tradition, traditionalism, spiritual practice, religion.

Citation. Gill E.V., Krapchunov D.E. Traditionalism and Ontological Incompleteness of the Human Being. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 41-49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

УДК 128
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 25.03.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Елена Владимировна Гилл

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Даниил Евгеньевич Крапчунов

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену традиционализма в контексте онтологической недостаточности человека. Концепция онтологической недостаточности представляет человека как онтологически раскрытую

структуру. Авторы описывают три способа размыкания человека: онтологический (духовный, осуществляемый духовными практиками традиционных религий), онтический (социальный) и виртуальный. В культуре существуют разные способы репрезентации недостаточности, которая может преодолеваться или корректироваться. В глобальной реальности кризис идентичности и усиление чувства нехватки связаны с изменением структур личности и идентичности в динамичной социальной реальности, где всё большую роль играет виртуальный способ размыкания человека к миру и множатся виды онтического бытия. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации: прямой уход в виртуальность и традиционализм, импульсом которого является возвращение к социальному в такой его утерянной форме, которая бы обещала укорененность, а именно в традицию; возврат к религии в неразрывной связи с ее национальным носителем. В свете концепции онтологической недостаточности и на основе полевых исследований явлений традиционализма в России и других странах авторы эксплицируют традиционализм как виртуализацию реальности и манипулятивную подмену онтологического онтическим. Особенность традиционализма как мировоззрения и идеологии состоит в том, что он представляет саму традицию в качестве ценности, тогда как она есть механизм сохранения и передачи ценностей. Показано, что традиционализм представляет собой наиболее радикальную культурную форму возврата структур исторического прошлого, которое представляется духовно необходимым. Однако эти структуры являются отжившими, не конструктивными, и обращение к ним вместо преодоления недостаточности превращает человека в самодостаточную структуру, то есть противоречит принципиальной онтологической открытости человека.

Ключевые слова: онтологическая недостаточность, традиция, традиционализм, духовная практика, религия.

Цитирование. Гилл Е. В., Крапчунов Д. Е. Традиционализм и онтологическая недостаточность человека // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 41–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

Взгляд на человека как на существо недостаточное обоснован тем, что человек, движимый чувством неудовлетворенности, принужден от рождения преобразовывать внешний мир. Неудовлетворенность в той или иной форме сопровождает человека на протяжении всей жизни. Само рождение, в момент которого человек навсегда теряет комфортное единство со средой, свойственное перинатальному периоду, актуализирует границу со средой, через которую путем личных усилий нужно переходить для удовлетворения потребностей.

Начиная с рождения человек всегда нуждается в чем-либо: в пище, жилье, внимании, признании, самореализации, в эмоциональном самовыражении, а также в личном пространстве и одиночестве, которое может быть недоступно. При этом исправить личный сценарий очень трудно, и внешнее, событийное изменение не обеспечивает избавления от неудовлетворенности и невротической зависимости от объектов потребности, не позволяет перейти к длительному переживанию достаточности, которое было бы не сиюминутным моментом, а состоянием сознания. Конечно, фундаментальные потребности беспрерывно возникают снова, и природа делает нехватку принципом жизни. Но человек, кроме этого,

стремится к повышению качества удовлетворенности жизнью, выходит за границы необходимой биологической и социальной нормы выживания и даже делает саморазвитие и цель неотъемлемыми принципами экзистенции как способа человеческого бытия. Человек превосходит остальных животных не только в успешности приспособления к действительности, но и в неутолимости жажды восполнения нехватки, в постоянном преумножении и разнообразии всех видов нужды. Человек склонен к чревоугодию, тщеславию, убийству ради спорта, к символической зависимости от вещей и тяге к потреблению, которая нацелена не на функциональное использование вещей, но только на их символическое участие в построении социальной идентичности и поддержании чувства собственной значимости. Диагноз булимии в психиатрии иллюстрирует явный пример недостаточного бытия, когда влечение к пище происходит не вследствие голода, но по причине травматической незавершенности гештальта, из-за потребности, которая либо оставалась неудовлетворенной в течение долгого времени, либо привела к сильному переживанию и была «вытеснена» в область бессознательного. Булимия может встречаться и у животных, но у человека она связана не только с недоеданием, и ее причиной

может быть любое неэффективное взаимодействие со средой. Булимия можно рассматривать как иллюстрацию неустроенности, неприкаянности бытия человека, невозможности исполнения его желания обрести постоянное счастье и блаженство.

Человеку, помимо функциональной нехватки, которая относится к биологической и социальной сферам, охватываемым понятием «онтическое бытие», свойственна онтологическая недостаточность, которая не примыкает ни к какой отдельно взятой топике компенсации и может быть обозначена как неопределенность бытия до целостности. Недостаточность человека – термин более фундаментальный, нежели «нехватка», потому что он указывает на фундаментальную характеристику существования, всегда неопределенного, незавершенного, развивающегося, частичного, расколотого, или, в теологической терминологии, – бытия падшего, от-падшего от Бога. Недостаточность как частичность бытия и прерывание связи с целым есть основной момент религиозной сотериологии, где человек есть онтологически раскрытая структура, стремящаяся к преодолению своих границ, разомкнутая к иному, превосходящему ее бытийному модусу, по сравнению с которым она имеет редуцированный характер.

Согласно исследователю православной духовной практики исихазма С.С. Хоружему, существуют три способа размыкания человека: онтологический, онтический и виртуальный. Только в онтологической топике реализуется «размыкание в бытии, к иному способу бытия... эталонными примерами которого служат духовные практики» [Хоружий 2013, 54]. Опираясь на исследования С.С. Хоружего, духовной практикой мы называем практическую реализацию стремления человека к Инобытию. Это стремление проявляется на метаантропологическом уровне, через преодоление конечности и смертности как характеристик, обозначающих предельные границы бытия человека. Разработка «органа» духовной практики производится религиозным сообществом в течение жизни нескольких поколений, и это сообщество является духовной традицией. Эффективность духовной практики может быть «проверена» опытом не одного или нескольких представителей традиции,

но целой системой доктрины, метода и опыта, которая составляет традицию и содержит эзотерическое знание, ядро духовной практики.

Особенность риска жизни современного человека заключается в том, что он идет не извне (из природы или общества), а изнутри, проявляясь в модификации антропотипов [Хоружий 2015]. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации: прямой уход в виртуальность и традиционализм. Импульсом последнего является возвращение «домой» (словами Хайдеггера), к социальному в такой его утерянной форме, которая бы обещала укорененность, а именно, к религиозной традиции в ее национальном проявлении.

Мы согласны с тем, что традиционализм – это «социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего реконструированного или специально сконструированного образца, который выдается за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель, сохраняемую в корпусе особого знания» [Макаров, Пигалев 2002, 183].

Традиционализм и, прежде всего, интегральный традиционализм как явление современности был и остается объектом и предметом серьезных научных исследований [Элиаде 2000; Быстров 2001; Макаров 2001; Дугин 2002; Sedgwick 2004]. Предметом нашего исследования является тот аспект традиционализма, который демонстрирует взгляд на традицию извне и проявляется в виде консервативной идеологии, связывающей традицию с духовностью.

В данном отношении важно различие Традиции и традиции. Традиция как духовная практика, о которой писал Хоружий, есть такой процесс на онтологической границе, который актуализирует взаимодействие (размыкание) человека с Иным способом бытия, тогда как в онтическом размыкании к миру наличного, или сущего, Иное остается недоступным, либо его место занимает область Бессознательного. Духовные Традиции, такие как исихазм, суфизм, йога и даосизм, следует отличать от традиции с маленькой буквы –

как структуры онтического плана бытия. Такая традиция, содержащая правила, регулирующие поведение людей, передающиеся из поколения в поколение, является социальным механизмом транслирования культурного содержания, остенсивной формой культуры.

Традиционализм не может возникнуть в традиционном обществе, так как сама традиция в апологетике не нуждается. Если европоцентризм был естественным видом самопонимания европейской культуры на протяжении многих веков, а многие межрелигиозные конфликты в разных странах – Сирии, Египте, Индии – имеют отложенный характер и являются его следствием, то с наступлением кризиса культуры на рубеже XIX и XX вв. европоцентризм мутирует, и, пережив период секуляризации и мультикультурализма, возвращается в формах традиционализма, который проявляется в попытках возрождения этнических традиций или «традиционной» религии как якобы жизненно необходимого основания культуры и идентичности. Между тем этноцентризм и его российское проявление – православие-центризм – является поздним феноменом постсекуляризма наряду с постструктурализмом в философии и в целом с постмодерном.

В данном случае мы имеем дело с цепью подмен: онтологического – онтическим, духовного – культурным, культурного – религиозным, а религиозного – православным. Православие-центризм является мейнстримом в сегодняшнем российском традиционализме. На учебных и даже на научных мероприятиях часто по умолчанию происходит отождествление православного с духовным. Хоружий отмечает, что вместо термина «традиция» часто предпочитают использовать «еще более неопределенную формулу “традиционные ценности”» [Хоружий 2017, 105]. Примером традиционализма являются псевдонаучные тексты А.Л. Дворкина, который активно употребляет слово «секта» в значении антипода традиционной религии не как научное религиоведческое понятие, а как негативный собирательный ярлык для всех неправославных религиозных организаций (и прежде всего новых религиозных движений – НРД, появившихся на Западе), у которых есть только две общие черты: они являются религиозными

меньшинствами и не нравятся автору. В учебном пособии «Сектоведение» Дворкина используется стиль, далекий от научного или научно-популярного и доходящий временами до уровня брани в адрес «сект», с которыми автор знаком по опыту случайных встреч с отдельными представителями этих движений. Например, утверждается, что «кришнаиты» (употребляется именно это уничижительное прозвище) обязательно постараются при встрече с человеком выманить у него деньги. Есть и еще более агрессивные обвинения, без всяких ссылок на факты: «история показала, что по приказу своих руководителей рядовые кришнаиты, не задумываясь, шли на преступления» [Дворкин web]. Резко негативная оценка учений некоторых известных философов, например, Шивананды, учеником которого был Мирча Элиаде, не подкреплена никакими доказательствами. А.Л. Дворкин явно не знаком с учением Шивананды, которого он безосновательно относит к неоиндуизму. Оценочные суждения, вернее, осуждения, напоминающие охоту на ведьм эпохи Возрождения, легко принимаются многими читателями «Сектоведения» за истину в силу религиозной безграмотности населения, и это провоцирует негативное отношение людей к религиозным организациям, и особенно к НРД, провоцируя межрелигиозную рознь. Виртуальный образ наукообразной деятельности создается благодаря имитации научных методов и подмены понятий словами, а также путем прямого искажения фактов. Не только в России, но и в европейском пространстве в целом, особенно под влиянием антикультового движения, широкое употребление слова «секта» создало одноименный симулякр, несущий, по словам известного английского религиоведа Эйлин Баркер, эмоциональный окрас и не подразумевающий конкретного научно выводимого содержания, а наоборот – формирующий негативное отношение к несуществующему содержанию [What Are New... web].

Поскольку концепт «традиционные ценности» находится на пересечении национального и религиозного, он стал орудием манипуляции традиционалистов. Несмотря на то что в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [Указ Президента РФ от 09.11.2022... web] под традиционными ценностями пони-

маются те, которые легли в основу российской идентичности, а вовсе не религиозные и не специфически христианские, данные ценности часто связывают исключительно с христианством [Чиркова web; Морозова 2009; и др]. Согласно Конституции РФ Россия – многонациональное государство, все религии которого (как минимум три конфессии христианства, ислам, буддизм, иудаизм и иные религиозные организации) вносят вклад в «культурное наследие». Однако в учебниках по обществознанию, включенных в федеральный перечень ФИПИ, слово «церковь» употребляется как синоним религии («церковь» как один из каналов социальной мобильности и как агент социализации), что прямо исключает, например, ислам, в котором нет церкви [Котова, Лискова 2021]. Конечно, школьник об этом не знает, но тем хуже, что он не может критически отнестись к воспитанию, основанному на шовинистской подмене. Такое выборочное прививание традиционных ценностей взращивает не патриотизм, а национализм и невежество, враждебность и недоверие к другим религиям, и особенно к НРД.

Присутствие концепта «traditional values» в образовании критикуется западными религиоведами, которые находят, что содержание таких ценностей негласно несет христианский смысл. Исследователи отмечают, что очевидна неоспоримая дискурсивная гегемония христианского представления о религии в качестве системы отсчета почти для всего религиозного образования, где христианская позиция подается так, как если бы она была не отдельным мнением, а универсальной точкой зрения на религию. Таким образом, ученик и студент лишается возможности получить светское образование [Alberts 2019].

В России мы можем наблюдать разные формы традиционализма, и общая их черта состоит в идеализации определенного периода прошлого России [Русская Народная... web], которое обладает монополией на особую мораль, потерянную российской культурой (когда именно – возможны варианты: в связи с Крещением Руси, с Октябрьской революцией и т. д.). Яркое проявление российского традиционализма – неоязычество. Здесь следует отметить идею Н.В. Левашова о геноциде русов и русского народа, изложенную

в книге «Россия в кривых зеркалах» [Левашов 2013] и многочисленных выступлениях автора.

Волна возрождения идеи уникальности духовного пути России и «русской идеи» (Ф.М. Достоевский) началась в постсоветский период на фоне падения уровня жизни и потери уверенности в завтрашнем дне и была одним из направлений «религиозного возрождения». Неоязыческие организации, такие как «Покон Рода Всевышнего», «Община Вятичей», не желая различать разные народы славянской языковой семьи, относят себя к некому неделимому абстрактному славянству [Крапчунов 2022, 191]. Феномен «религиозного возрождения» в его проязыческих или же проправославных проявлениях отвечает постсекулярной потребности в укорененности в условиях динамичной реальности и неопределенной идентичности [Литвинцева, Пашедко 2017, 32]. Базируется ли поиск «русской культуры» на дореволюционных народных обрядах, на языческих ритуалах древних славян или на идеализации российской монархии и «православии, самодержавии, народности» – все эти движения демонстрируют выбор определенной традиции с тем, чтобы положить ее в основу концепта развития российской культуры.

На наш взгляд, не принципиально, является ли данная традиция, которой отдается предпочтение, вымышленной или согласуется с историческими фактами. Нет подлинной и неподлинной традиции, так как историческая реальность необязательно является ее основой. По мнению британского профессора, марксиста Эрика Хобсбаума, само появление движения в защиту или за возрождение традиции в любом случае является изобретением традиции, потому что «разрывы в преемственности отличают и те движения, что сознательно подают себя как “традиционалистские” и апеллируют к группам, всеми признаваемым за хранителей исторической преемственности и традиции, например к крестьянам» [Хобсбаум 2000, 54].

Традиция развивается, обретая новые формы, но традиционализм выбирает определенные *отжившие* формы (в противном случае стремление их вернуть не имело бы смысла), старается репрезентировать или ре-

конструировать их, основываясь на том, что «традиция жива», но была либо искажена, либо забыта; но тем самым утверждается прямо противоположное, а именно – что традиция умерла, поскольку живая традиция есть самоочевидная естественная реальность, которая не нуждается ни в поддержке, ни в возрождении. Традиционалисты выбирают культурные формы определенного исторического периода и представляют их как безусловную ценность. Однако ценность – это содержание традиции, а культурные формы – это механизм передачи ценностей, и перенос прежних форм на новое историческое содержание представляет собой виртуализацию традиции, превращение ее в структуру знаков, которые демонстрируют сами себя, то есть в симулякр. Ж. Бодрийяр писал, что симулякром стала реклама, так как из рекламы товара она сама превратилась в товар [Бодрийяр 2013, 122]. С тех пор прошло много лет, и симулякром стала традиция, так как в ней отпала необходимость, и она стала спекуляцией на человеческом страхе перед неопределенностью глобального мира постмодерна. Когда переменные становятся константами, происходит переход от традиции к традиционализму.

Традиционализм является ретроградным движением и социально деструктивен, так как симулирует возрождение более не актуальных форм культуры, которые более не несут содержания, не имеют связи с действительностью. При этом другая часть прошлого, как правило, используется как антипод «подлинной» традиции и подвергается особой критике, игнорирующей совокупность исторических данных. Например, борцы за славянскую нацию и ее исконную веру обвиняют в разрушении славянской веры «чуждое» ей христианство [Крапчунов 2022, 191], тогда как их оппоненты, приверженцы русского дореволюционного православия, демонизируют советский период и представляют его как духовный и социальный регресс, замалчивая очевидные достижения СССР в области науки и культуры.

Разрушительная роль синкретизма религиозного и национального может быть проиллюстрирована на примере Таиланда, где буддизм считается основанием тайской нации и является государственной религией, у которой

есть не только идеологическая, но и финансовая поддержка правительства и короля. В последние десятилетия на фоне ярко выраженной политики традиционализма правящие круги Таиланда щедро финансируют проекты, связанные с возвеличиванием буддизма как основы культуры. Строятся статуи и храмы, которые поражают своими размерами и богатым убранством и привлекают внимание туристов. В Таиланде есть поговорка: «быть тайцем – значит, быть буддистом». Во время интервью, проведенных нами в Таиланде среди его коренных жителей, относящих себя к тайской нации, обратил на себя внимание тот факт, что верующие ссылаются на некий «тайский буддизм», к которому они себя относят, не как на одно из ответвлений буддизма как мировой религии, а как на самодостаточную, отдельно взятую религию, и связывают ее именно с тайской культурой. Путь «истинного буддизма» неотделим от тайской нации и ее истории, что ставит тайцев в особое положение среди других наций, населяющих Таиланд. Исследователь Глубокого юга Таиланда Н.Г. Рогожина пишет: «Религиозные конфликты особенно остры и особенно опасны для государства тогда, когда религиозные различия совпадают с этническими и социальными. Примером могут послужить события на Юге Таиланда, где основное население, малайцы, являются одновременно и национальным, и религиозным меньшинством, активно борющимся против таиландского правительства» [Рогожина 2021, 177]. Несмотря на то что Таиланд является унитарным государством и имеет жесткое в отношении наказаний законодательство, уже привычным паттерном для политической ситуации там стали военные перевороты, и недовольство разных социальных групп держится в том числе на религиозных различиях, при этом оно часто вызвано тем, что ни ярко выраженное социальное неравенство, ни нищета людей с низким социальным положением, вынужденных жить в трущобах, фактически в палатках, и быть «прикрепленными» к Бангкоку, где они могут получать мизерное пособие от правительства, не являются препятствием для все больших финансовых вложений в буддийские религиозные памятники и проекты.

Причинами неугасающей популярности традиционализма являются негативные последствия глобализации, а именно потеря странами экономической и культурной индивидуальности, насаждение единого политического и потребительского стандарта, мировой экономической кризис. Возврат к традиции привлекает как наиболее простой и уже известный вариант решения проблемы «размывания» границ идентичности современного человека. Однако такое действие является шагом назад и не решает проблему, потому что ценности, продвигаемые традиционализмом – это ценности традиционного общества, и они не могут быть конституирующими для современности. Замыкание в собственных культурных границах влечет опасные последствия, такие как нетерпимость к инакомыслию, национализм, национальный и культурный шовинизм.

Проблема традиционализма не ограничивается рамками социального. Рассмотрение традиционализма в контексте понимания человека как существа, разомкнутого в трех измерениях – онтологическом, онтическом и виртуальном – позволяет увидеть традиционализм как виртуализацию реальности. Поскольку традиция, будучи социальным механизмом, бессильна преодолеть онтологическую недостаточность человека и вместе с ней конечность и смертность, то имеет место подмена духовного социальным с целью пропаганды определенной системы ценностей, в которой заинтересованы отдельные социальные группы. Традиционализм как интернациональный феномен глобальной реальности деструктивен и реакционен в отношении общества и антигуманен в отношении человека, так как он превращает человека в самодостаточную структуру и противоречит принципиальной онтологической открытости человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр 2013 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013.
- Быстров 2001 – *Быстров В.Ю.* Человек в мире традиций: монография. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2001.
- Дворкин web – *Дворкин А.Л.* Сектоведение: учеб. пособие. В 2 кн. 4-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. Кн. II // http://bookscafe.net/book/dvorkin_aleksandr-sektovedenie-153094.html?ysclid=lsaa13ewx0331081903
- Дугин 2002 – *Дугин А.Г.* Философия традиционализма. Серия: Новый Университет. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Котова, Лискова 2021 – *Котова О.А., Лискова Т.Е.* Обществознание. 11 класс. Модульный триактив-курс. М.: Национальное образование, 2021.
- Крапчунов 2022 – *Крапчунов Д.Е.* Практики конструирования этнокультурной идентичности русского народа: от возникновения русской традиции и государственности к современным фальсификациям // *Ортодоксия.* 2022. № 3. С. 175–198. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-175-198
- Левашов 2013 – *Левашов Н.В.* Россия в кривых зеркалах. Киев: Золотой век, 2013.
- Литвинцева, Пашедко 2017 – *Литвинцева Г.Ю., Пашедко Ю.М.* Русская культура как основа национальной идентичности россиян // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2017. № 11 (65). Ч. 1, ноябрь. С. 31–33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
- Макаров 2001 – *Макаров А.И.* Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // *Диалог со временем.* Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство УРСС, 2001. Вып. 6. С. 275–283.
- Макаров, Пигалев 2002 – *Макаров А.И., Пигалев А.И.* Традиционализм // *История философии.* Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2002. С. 183–186.
- Морозова 2009 – *Морозова Е.А.* Традиционные ценности православного этического образования (1811–1917 гг.) // *Ярославский педагогический вестник.* 2009. Т. 59, № 2. С. 110–114.
- Рогожина 2021 – *Рогожина Н.Г.* Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2021. Т. 14, № 1. С. 176–193. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9
- Русская Народная... web – *Русская Народная Линия: О нас* // <https://ruskline.ru>
- Указ Президента РФ от 09.11.2022... web – *Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* // <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lfnd3f8zp189229472&index=3>

- Хобсбаум 2000 – *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
- Хоружий 2017 – *Хоружий С.С.* Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–121.
- Хоружий 2015 – *Хоружий С.С.* Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. Т. 1, № 1. С. 131–157.
- Хоружий 2013 – *Хоружий С.С.* Как обходиться без бытия, или механика Латона // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–67.
- Чиркова web – *Чиркова Н.В.* Традиционные ценности православия в контексте современного российского воспитания и образования // <http://nauch-idea.ru/index.php/arkhiv/16-3-9/154-traditsionnye-tsennosti-pravoslaviya-v-kontekste-sovremennogo-rossijskogo-vospitaniya-i-obrazovaniya>
- Элиаде 2000 – *Элиаде М.А.* Трактат по истории религий. В 2 т. / пер. с фр. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2000.
- Alberts 2019 – *Alberts W.* Religious Education as Small ‘i’ Indoctrination: How European Countries Struggle with a Secular Approach to Religion in Schools // Center for Educational Policy Studies Journal. 2019. № 9 (4). P. 73–90. DOI: 10.25656/01:18834; 10.26529/cepsj.688
- Sedgwick 2004 – *Sedgwick M.* Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. New York: Oxford University Press, 2004.
- What Are New... web – What Are New Religious Movements. Prof. Eileen Barker // https://youtu.be/ysCYQW_7FMU?si=6n1rz14IQTHQ4QOk
- Krapchunov D.E., 2022. Russian People’s Ethno-Cultural Identity Construction Practices: From the Emergence of Russian Tradition and Statehood to Modern Falsifications. *Ortodoksiya*, no. 3, pp. 175-198. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-175-198
- Levashov N.V., 2013. *Russia in Curved Mirrors*. Kiev, Zolotoy vek Publ.
- Litvintseva G.Yu., Pashedko Yu.M., 2017. Russian Culture as a Basis of National Identity of Russians. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel’skiy jurnal*, no. 11 (65), pt. 1, November, pp. 31-33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
- Makarov A.I., 2001. Tradition Versus History in the Philosophy of Modern European Traditionalism. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii*. Moscow, Editorial URSS Publ., iss. 6, pp. 275-283.
- Makarov A.I., Pigalev A.I., 2002. Traditionalism. *History of Philosophy. Encyclopedia*. Minsk, Interpresservice Publ., Knizhny dom Publ., pp. 183-186.
- Morozova E.A., 2009. Traditional Values of Orthodox Ethical Education (1811–1917). *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, vol. 59, no. 2, pp. 110-114.
- Rogozhina N.G., 2021. The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of Malay Muslims. *Konturi globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, vol. 14, no. 1, pp. 176-193. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9
- Russian Folk Line: About Us*. URL: <https://ruskline.ru>
- Decree of the President of the Russian Federation Dated November 9, 2022, No. 809 “On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=ltfnd3f8zp189229472&index=3>
- Hobsbawm E., 2000. The Invention of Traditions. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 47-62.
- Horujy S.S., 2017. The Misadventures of Tradition or Why It Is Necessary to Protect Tradition from Traditionalists. *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 104-121.
- Horujy S.S., 2015. Problematics of Risks of Modernity: Conceptual Foundations and Leading Approaches. *Diogenes’ lantern: The Human Being in Diversity of Practice*, vol. 1, no. 1, pp. 131-157.
- Horujy S., 2013. How to Do Without Being, or the Mechanics of the Lathon. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 10, pp. 50-67.
- Chirkova N.V. *Traditional Values of Orthodoxy in the Context of Modern Russian Upbringing and*

REFERENCES

Baudrillard J., 2013. *Simulacra and Simulation*. Tula, Tulskey poligraphist Publ.

Bystrov V.Yu., 2001. *Man in the World of Tradition: Monograph*. Veliky Novgorod, NovGU Publ.

Dvorkin A.L., 2024. Sects Studies: Textbook. In 2 Books. Moscow, PSTGU, book II. URL: http://booksafe.net/book/dvorkin_aleksandr-sektovedenie-153094.html?ysclid=lsaa13ewx0331081903

Dugin A.G., 2002. *The Philosophy of Traditionalism. Issue: New University*. Moscow, Arktogeysentser Publ.

Kotova O.A., Liskova T.E., 2021. *Social Studies. 11th Grade. Modular Triactive Course*. Moscow, Nacionalnoye obrazovaniye Publ.

- Education*. URL: <http://nauch-idea.ru/index.php/arkhiv/16-3-9/154-traditsionnye-tsennosti-pravoslaviya-v-kontekste-sovremennogo-rossijskogo-vospitaniya-i-obrazovaniya>
- Eliade M.A., 2000. *Treatise on the History of Religions. In 2 Vols.* Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Alberts W., 2019. Religious Education as Small 'i' Indoctrination: How European Countries Struggle with a Secular Approach to Religion in Schools. *Center for Educational Policy Studies Journal*, no. 9 (4), pp. 73-90. DOI: 10.25656/01:18834; 10.26529/cepsj.688
- Sedgwick M., 2004. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York, Oxford University Press.
- What Are New Religious Movements. Prof. Eileen Barker. URL: https://youtu.be/ysCYQW_7FMU?si=6n1rz14IQTHQ4QOk

Information About the Authors

Elena V. Gill, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Theology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Petersburgskaya St, 41, 173014 Veliky Novgorod, Russian Federation, novsu.maximova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>

Daniil E. Krapchunov, Candidate of Sciences (Philosophy), Acting Director of the Humanitarian Institute, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Petersburgskaya St, 41, 173014 Veliky Novgorod, Russian Federation, krapchunovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>

Информация об авторах

Елена Владимировна Гилл, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, 173014 г. Великий Новгород, Российская Федерация, novsu.maximova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>

Даниил Евгеньевич Крапчунов, кандидат философских наук, и.о. директора Гуманитарного института, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, 173014 г. Великий Новгород, Российская Федерация, krapchunovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.6>

UDC 130.123:316.776.33
LBC 87.6

Submitted: 18.04.2024
Accepted: 15.06.2024

CINEMA AS A MEANS OF FORMING ATTITUDES TOWARDS HEALTH

Natalya V. Grishechkina

Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation

Vladimir B. Ustjantsev

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the theoretical and methodological grounds for the effectiveness of film content in changing socially significant human behavior in relation to health and to the problems of the healthcare system in general. Based on specific examples, the possibilities of the entertainment masses of the media and the film industry in solving public health problems are demonstrated. The main directions of the effective use of cinema in the field of public health are considered with the aim of changing social behavior as well as determining specific social actions in relation to health. The place and role of cinema as an integral part of the content of public health programs in history and modernity is explored. The inclusion of cinema, as well as other social media, in the arsenal of instruments of influence on public health is considered in a broader aspect as a consequence of the emerging gap and contradiction between science and society, theory and practice, knowledge, and social ideas about health. The range of public health problems is determined, for the solution of which the use of film content is considered effective: prevention and treatment of socially significant diseases, birth control, and treatment of addictions. The main theoretical and methodological approaches in the use of film content as a tool for changing behavior models and attitudes towards their health are described. The entertainment education approach developed on the basis of the theory of social learning is used as the main methodological tool. The analysis of specific television series developed on the basis of this methodology makes it possible to identify new directions in solving public health problems, in particular the sociocultural features of health attitude models. Prospects for the development of the studied methodology in the modern expanding space of entertainment media masses are outlined.

Key words: medicine, public health, social media, medical series, medical-themed films, entertainment education approach.

Citation. Grishechkina N.V., Ustjantsev V.B. Cinema as a Means of Forming Attitudes Towards Health. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 50-58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.6>

УДК 130.123:316.776.33
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 18.04.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

КИНО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ

Наталья Васильевна Гришечкина

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского,
г. Саратов, Российская Федерация

Владимир Борисович Устьянцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ теоретических и методологических оснований эффективности киноконента в изменении социально значимого поведения человека по отношению к здоровью и проблемам здравоохранения в целом. На основе конкретных примеров демонстрируются возможности развлекательных массмедиа, киноиндустрии в решении задач общественного здравоохранения. Рассматриваются

основные направления эффективного использования кино в сфере общественного здоровья с целью изменения социального поведения, а также детерминирования конкретных социальных действий по отношению к здоровью. Исследуется место и роль кино как неотъемлемой составляющей содержания программ общественного здравоохранения в истории и современности. Включение кино, а также других социальных медиа в арсенал инструментов влияния на общественное здоровье рассматривается в более широком аспекте как следствие наметившегося разрыва и противоречия между наукой и обществом, теорией и практикой, знанием и общественными представлениями о здоровье. Определяется круг проблем общественного здравоохранения, для решения которых использование киноконтента считается эффективным: профилактика и лечение социально значимых заболеваний, контроль рождаемости, лечение аддикций. Описываются основные теоретические и методологические подходы в использовании киноконтента как инструмента изменения моделей поведения и отношения к своему здоровью. В качестве основного методологического инструмента используется разработанный на основе теории социального научения подход эдьютейнмент (Entertainment Education). Анализ конкретных телесериалов, разработанных на основе данной методологии, позволяет выявлять новые направления в решении проблем общественного здравоохранения, в частности социокультурные особенности моделей отношения к здоровью. Намечаются перспективы развития изучаемой методологии в современном расширяющемся пространстве развлекательных массмедиа.

Ключевые слова: медицина, общественное здравоохранение, социальные медиа, медицинские сериалы, медицинская тема в кино, эдьютейнмент-подход.

Цитирование. Гришечкина Н. В., Устьянцев В. Б. Кино как средство формирования отношения к здоровью // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 50–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.6>

Кино как синтетический вид искусства обладает уникальной возможностью не только влиять на чувства, эмоции, отношения, поведение человека в целом, но и изменять их. Активизируя воображение, вовлекая в контекст изображаемой игровой ситуации эмоционально, стимулируя мышление, кино является эффективным средством влияния на социальные взаимодействия в направлении конструирования социально-значимых эффектов. Наглядным примером этого может служить отношение человека к здоровью. Кино как массовое искусство играет важную роль в укреплении социальных связей. Данной проблеме в научной литературе посвящен широкий круг исследований. Кино способствует развитию просоциального поведения, коллективного чувства успеха, сплоченности, привлечению общественного внимания, формированию социальной мотивации и групповой идентичности [Roy 2003, 1185]. Данные возможности кино использовались в разных странах, например, в Канаде (Квебек), Литве, Финляндии и Латинской Америке, где разрабатывались государственные программы с использованием искусства для решения проблем социального неравенства в здравоохранении (таких как неравномерное распределение ресурсов здравоохранения, неравенство социальных условий и условий окружающей среды как факторов, влияющих на состояние здоровья). Основное внимание в этих

программах общественного здравоохранения было уделено использованию искусства для стимулирования социальной интеграции, развития навыков здорового образа жизни, наращивания потенциала и укрепления здоровья [Parkinson, White 2013, 178].

Искусство является эффективным инструментом коммуникации в области здравоохранения, способствуя реализации социально значимых целей: оно может быть использовано для вовлечения конкретных групп населения в общественные программы и кампании, связанные с изменением отношения к здоровью посредством культурно-резонансной деятельности; позволяет транслировать социальные установки по отношению к здоровью, преодолевая языковые барьеры; способно находить эмоциональный отклик, выражая проблемы общественного здравоохранения через истории и жизни конкретных людей; обладает потенциалом воплощать идеи и демонстрировать модели поведения, которые люди могут использовать самостоятельно [Sonke et al. 2018, 403]. Искусство позволяет взаимодействовать с целевой аудиторией через призму культурных традиций и с учетом местных особенностей проблем здравоохранения, что позволяет преодолевать социальные барьеры и напряженность, которые могут существовать в коммуникации по вопросам здравоохранения.

Кино как вид искусства влияет на изменение поведения людей при принятии медицинских решений. Этот эффект кино широко используется в рамках такого подхода как эдьютейнмент (Entertainment Education), нацеленного на использование развлекательных массмедиа с целью образования людей в отношении своего здоровья и трансляции социально значимой для общественного здравоохранения информации. Различные жанры кино, адресованные массовой аудитории, могут быть использованы как трансляторы здорового образа жизни [Atkin, Wallack 1990]. Использование каналов массмедиа как инструментов социальных изменений, влияния на поведение людей является фокусом разработки эдьютейнмент-подхода в социальных науках. В исследовании А. Сингал и Е. Роджерса данный подход рассматривается как метод включения в массовое кино обучающих элементов с целью решения важной социальной проблемы через создание предпочтительных установок и изменение поведения в отношении социально значимой проблемы [Singhal, Rogers 2002]. В нашей стране эдьютейнмент как подход к процессу обучения исследовался в работах П.В. Беякова [Беяков 2018], И.Г. Хангельдиевой [Хангельдиева 2018], О.О. Дьконовой [Дьяконова 2015].

Исследования в области коммуникации в сфере здравоохранения показали, что образование через развлекательные медиа может оказывать положительное влияние на ожидания, убеждения, установки, связанные со здоровьем [Ye, Ward 2010]. Отдельные исследователи относят эдьютейнмент к «просоциальным сообщениям, встроенным в популярные развлекательные средства массовой информации, которые могут оказать положительное влияние на осведомленность, знания, отношение и/или поведение» [Ye, Ward 2010, 560].

Как отмечается в работе В. Бек [Beck 2004], национальное исследование в США показало, что две трети американцев считают телевидение своим основным источником медицинской информации. Мартина Боуман подчеркивает использование в развлекательном образовании теоретической стратегии, заключающейся во «встраивании образовательных и социальных вопросов в создание и представление развлекательных СМИ» и

«предназначенной для повышения осведомленности аудитории о конкретной проблеме, создавая, таким образом, благоприятные отношения и способствуя изменению поведения» [Bouman 1999, 25]. Разработка эдьютейнмент опирается на теоретические исследования, а успех данного подхода зависит от характера использования теории коммуникации для изменения убеждений, взглядов и поведения аудитории в отношении здоровья [Bouman 2004].

Создатели международных программ общественного здравоохранения впервые начали использовать эдьютейнмент в качестве коммуникационной стратегии в 1950-х годах. Этот подход выступил инструментом для экономически эффективного распространения фактов и информации о проблемах здравоохранения среди миллионов людей [Hether et al. 2008]. Стремительный рост научного знания в области медицины привел к возникновению противоречия между содержанием медицины как науки и ее целями как социального института. Задача повышения уровня общественного здоровья столкнулась с проблемой разрыва между обыденным и научным знанием, языком, моделями объяснения и поведения в ситуациях, касающихся отношения к своему здоровью. Вследствие этого в рамках системы здравоохранения возникла необходимость инициирования проектов, подготовки специалистов, занимающихся проблемами популяризации медицинского знания. Инструментом решения данной задачи стал эдьютейнмент. Примерами проблем здравоохранения, для решения которых на международном уровне успешно использовались развлекательные медиа, являются пропаганда планирования семьи, сексуальной ответственности и профилактики ВИЧ/СПИДа с помощью радио- и телевизионных мыльных опер, пропаганда безопасного секса и контрацепции, а также пропаганда здорового питания и профилактики диабета с помощью веб-сайтов и интерактивных видеоигр [Singhal, Rogers 2004].

Исследования И. Йе и К. Уорд показали, что изображения проблем со здоровьем в медицинских драмах позволяют аудитории получить информацию о здоровье, формируют у зрителей образ медицинских работников, заболеваний, методов лечения и технологий,

а также влияют на поведение зрителей, связанное со здоровьем (например, профилактику тех или иных заболеваний) [Ye, Ward 2010]. Было доказано, что встраивание сообщений о здоровье в телевизионные драмы, ситкомы и мини-сериалы так же эффективно (а иногда и более эффективно), как и платная реклама, так как встроенные сообщения не вызывают естественную реакцию противодействия убеждению у аудитории. Согласно исследованиям Б. Ли, «при правильном, ненавязчивом встраивании информации эдьютейнмент обладает способностью обойти естественную защиту аудитории от навязываемых убеждений» [Lee 2004, 23]. Как отмечают С. Морган, Л. Мовиус, М. Коуди, влияние на аудиторию медицинских сериалов может быть усилено отражением в сюжетных линиях реальных ситуаций [Morgan, Movius, Cody 2009, 136]. Таким образом, одним из методов повышения эффективности эдьютейнмента является внедрение связанных с реальностью сюжетных линий в рамках кампаний в области здравоохранения (например, в сериале «Анатомия страсти» персонаж с диагнозом рак молочной железы появляется в октябре месяце, который является «Месяцем осведомленности о раке молочной железы» в США) [Green 2006].

М. Боуман, разрабатывавшая методологические основы применения эдьютейнмента в целях решения проблем общественного здравоохранения, изначально заинтересовалась причинами неодинакового уровня продолжительности жизни у представителей разных социально-экономических слоев в Нидерландах. Разница составляла в среднем 7–8 лет. Исследование данной проблемы показало, что люди с низким социально-экономическим статусом, у которых средняя продолжительность жизни ниже, сильнее вовлечены в различные виды массовой пассивной досуговой активности и поэтому чаще смотрят телесериалы и художественные фильмы. Данный факт послужил основой разработки научной методологии использования телевизионного видеоконтента с целью обучения населения социально значимым моделям поведения и установкам в отношении своего здоровья. Национальный фонд здравоохранения в Нидерландах спонсировал создателей сериала «Медицинский центр Запад» с целью продвижения тем, свя-

занных с сердечно-сосудистым здоровьем. Он транслировался с 1988 по 1994 г. один раз в неделю в 20:30 и был основан на реальных событиях в сфере здравоохранения. Основной сюжет закручивался на романах и интригах между врачами и медицинскими сестрами. Зрители становились соучастниками медицинской «кухни», что делало сериал очень притягательным [Tugow 1989]. Зрительская аудитория сериала еженедельно составляла более 2,5 млн человек. Каждая тема сопровождалась небольшой сюжетной линией, в среднем длящейся 12 минут и разбитой на 10 фрагментов. Во время телевизионного сезона 1992–1993 гг. три эпизода были посвящены сердечно-сосудистому здоровью. В первом эпизоде внимание было направлено на проблему связи питания с кардиологическими заболеваниями. Зрители получили информацию о здоровой и низкокалорийной диете. Кроме того, было показано, какую важную роль играет диета для сердечно-сосудистого здоровья. А также была продемонстрирована необходимость для пациентов с проблемами сердечно-сосудистого здоровья проводить два или три измерения холестерина в сутки, с определенными интервалами, чтобы получить достоверные значения.

Во втором эпизоде фокус был направлен на женщин и сердечно-сосудистые заболевания. Транслируя модели поведения женщин, внимательно следящих за здоровьем своего сердца после менопаузы, сериал делал акцент на том, что после менопаузы женщины подвержены риску заболевания сердца не меньше чем мужчины.

Из третьего эпизода зрители получили информацию о современной биотехнологии трансплантации сердца, а также процедуре донорства. Так как основной проблемой развития трансплантации является проблема дефицита донорских ресурсов, в сериале подробно раскрывались этические аспекты проблемы, что позволяло изменять отношение к данной технологии. Таким образом, сериал выполнял не только просветительскую функцию через предоставление экспертной информации об образе жизни, диете, рисках, но и обучал людей моделям поведения в отношении здоровья сердечно-сосудистой системы.

Кино дает возможность проникнуть и примерить на себя жизнь в новых обстоятель-

ствах и по новым правилам и законам. Соответственно, возможность заглянуть в частную жизнь и увидеть образ жизни элиты или эталонной социальной группы через кино используется для транслирования социально значимых моделей поведения. Научные основания и методологические принципы развлекательно-образовательного подхода в массмедиа, в том числе в кино, впервые были разработаны в 1970-х гг. в Мексике писателем и продюсером Мигелем Сабидо [Nariman 1993]. Эдьютейнмент-подход нашел свое обоснование в работах автора теории социального научения А. Бандуры, согласно которой поведение человека формируется, в том числе, через копирование, повторение и имитацию моделей поведения, с которыми человек сталкивается в реальной жизни или через каналы массмедиа. При этом на воспроизведение модели реципиентом влияет тип воздействия транслируемой модели. Проводимые А. Бандурой эксперименты демонстрировали, что в качестве образцов для подражания быстрее принимались те модели поведения, которые в итоге находили социальное одобрение и поощрение по сравнению с теми, которые получали общественное порицание. Эффект имитации и подражания согласно социально-когнитивной теории усиливается, если существует прямая связь с жизнью обучаемого, его проблемами, потребностями, целями и моделируемыми образцами поведения, то есть если зритель может соотнести себя с транслируемым поведением. Кроме того, воспринятые модели становятся критериями для вынесения оценок в реальных ситуациях, которые были отражены в сериале [Hobson 1982, 134].

Чтобы образование в сфере здравоохранения было эффективным, реципиенты, воспринимающие обучающий кино контент, должны испытывать чувство доверия к кино посланиям, которые в связи с этим должны быть реалистичными. Реалистичность в данном случае может достигаться на уровне смысла и понимания содержания кино послания. Дж. Фиске, например, связывает реализм с тем, как зритель понимает реальное, а не с тем, что является реальностью [Fiske 1984, 184].

В 1987 г. в Кении началась первая в стране телевизионная мыльная опера «Давайте обсудим» («Tushauriani»). Ее социальной це-

лью было содействие планированию семьи. «Давайте обсудим» быстро стала самой популярной телепрограммой в истории кенийского телевидения. Зрительские рейтинги программы оставались высокими до окончания сериала в конце 1988 года [Brown, Singhal 1990]. Предоставив зрительской аудитории положительные и отрицательные модели поведения в области планирования семьи и возможность обсуждения, данная передача способствовала выработке социального консенсуса и установок на конкретные модели поведения, тем самым объединив людей общими ценностными ориентациями. Несмотря на социальный эффект данной передачи, к сожалению, до настоящего времени не было опубликовано исследование влияния программы на практику планирования семьи в Кении.

Некоторые кинематографисты целенаправленно реализовывали в кино стратегию эдьютейнмента. В США Рэндалл Фредерик, продюсер из Лос-Анджелеса, снял несколько развлекательных фильмов на темы алкоголизма, наркозависимости и токсикомании. Джон Рибер (John Riber), кинематографист из Зимбабве, продюсировал многочисленные развлекательно-образовательные фильмы в Индии, Бангладеш, Шри-Ланке, Зимбабве и Уганде, все они имели большой коммерческий успех. Фильмы Д. Рибера касались таких тем как планирование семьи («Последствия»), профилактика СПИДа («Это не просто болезнь»), статус женщин («Нерия»), а также пероральная регидратационная терапия («Сонамони») [Singhal et al. 2004].

Примером индийского опыта реализации стратегии эдьютейнмента является вышедшая в 1984 г. популярная телевизионная мыльная опера «Мы, люди» («Hum Log»). Основными проблемами, которые затрагивались в данном сериале и на которых строились сюжетные линии и модели поведения, были справедливое и равное отношение к женщинам, семейная гармония, признание культурного разнообразия, планирование семьи и национальное единство [Singhal, Rogers 1989]. Опыт данного сериала показал, что на выбор воспроизводимой модели поведения влияют социокультурные особенности, прежде всего традиции. Так, несмотря на транслирование через поведение героинь сериала возможности

для женщин формировать свою независимость, выбирая путь самостоятельной трудовой активности, индийские женщины оставались верными традициям и для подражания выбирали модели поведения негативных героинь, которые воспроизводили традиционный образ индийской женщины, матери и хозяйки дома.

Использование кино как средства формирования отношения к своему здоровью осуществлялось и в направлении изменения норм и ценностей. Так, например, изучая стереотипы в изображении пожилых людей и инвалидов в кино 1980–1990-х гг., Дж. Харвуд и Х. Джайлс отметили, что изменение предубеждений средствами кино вызвало рост толерантности к ним в обществе [Harwood, Giles 1992]; фильмы, содержащие научно-популярную информацию о СПИДе, способствовали формированию гуманного отношения к ВИЧ-инфицированным; просмотр сериалов, демонстрировавших значимость проблемы донорства, способствовал изменению установок и развитию положительного отношения к данной практике [Morgan, Movius, Cody 2009]. Так, в уже упомянутом индийском сериале «Мы, люди» («Hum log») был сюжет, который количественно повлиял на ситуацию с донорством. В течение двух недель после окончания сериала около 200 000 человек подписали карты доноров [Singhal, Rogers 1989].

Практическую значимость медицинских сериалов для научных и образовательных целей среди студентов медицинских вузов проанализировали Р. Уивер и Я. Уилсон [Weaver, Wilson 2011]. 386 студентов Университета Нового Южного Уэльса в Сиднее должны были обратиться к проблеме профессионализма и этики персонажей медицинских сериалов, а также оценить точность отражения в представленных ситуациях больничной реальности, с которой они были знакомы. Исследование показало, что использование в процессе обучения студентов медицинских вузов телевизионных медицинских программ, фильмов и сериалов является полезным не только в качестве источника медицинской информации, но и как инструмент транслирования моделей профессиональной этики.

С.В. Тихонова в своей статье [Тихонова 2022] анализирует различные интерактивные стратегии кинематографа, с помощью кото-

рых в пространство жизненного мира человека вводятся дополнительные измерения. Анализируя конвергенцию кинематографа и индустрии видеоигр, на примере интерактивного сериала «Найден_жив» автор показывает как работает интерактивный видео-контент в методологическом плане, формируя ответную реакцию на нарратив, требующий конкретных действий. Подкрепляя отклик на нарратив на уровне эмоционального интеллекта, он задается как поведенческий паттерн в механике компьютерной игры. Сталкиваясь с похожими ситуациями в других обстоятельствах, зритель будет готов использовать полученные инструменты. Таким образом, эстетическое влияние киноконтента прямо переводится в социальное. Процессы конвергенции различных жанров в современном искусстве проявляются в эффективном союзе кинематографа и индустрии видеоигр, позволяя усилить их совместное воздействие на зрителя. Анализируя возможности индустрии видеоигр в качественном преобразовании жизни человека, С.В. Тихонова [Тихонова 2022a] обращается к разработанной студией «Акили» (Akili Interactive) видеоигре «Усилие» (EndeavorRx), которая в 2020 г. была разрешена FDA (Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США) в качестве рецептурного лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) для возрастной группы 8–12 лет, что в названии видеоигры отражено буквами Rx (<https://www.endeavorrx.com/treatment/>). Создание игры было задумано как терапевтическое средство с целью коррекции поведенческих особенностей детей с СДВГ. Архитектура и дизайн видеоигры разрабатывался междисциплинарной командой исследователей, в которую в том числе входили нейробиологи, задачей которых было подкрепить каждый элемент видеоигры функциональными характеристиками, направленными на стимулирование разных отделов мозга, играющих ключевую роль в поддержании внимания. Видеоигра в данном применении выполняет не только обучающую, но и терапевтическую функцию. Создавая пространство многозадачной активности для ребенка, игра учит и закрепляет новые навыки эффективной деятельности, основанной на умении избегать отвлекающих

факторов. Игра используется как медицинское устройство в терапевтическом процессе под контролем врача, который принимает решение о целесообразности применения данного средства, продолжительности курса и длительности сеансов.

Развитие индустрии развлекательных медиа обуславливает необходимость развития эдьютейнмента в качестве стратегии коммуникации в области здравоохранения [Bouman, 2004, 232]. В связи с тем, что скорость распространения медицинской информации посредством массового кино и других массмедиа превысила возможности ее обработки зрителями, возникла необходимость взаимодействия экспертов общественного здравоохранения и производителей телевизионного киноконента, соотнесенного с проблемами здоровья с целью адаптации и продвижения информации. Это привело к возникновению отдельного направления социального маркетинга, связанного с продвижением медицинской социально значимой информации. Эдьютейнмент может быть эффективной платформой для предоставления общественно значимой информации, связанной со здоровьем. Это особенно верно в отношении массового кино, а именно телевизионных драм, сериалов, мыльных опер, когда люди подвергаются постоянному воздействию в течение определенного периода времени. Сближая социальную и конструируемую, воображаемую реальность, кино выступает средством транслирования медицинских знаний, социально значимых установок и поведения в отношении своего здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляков 2018 – *Беляков П.В.* Эдьютейнмент в цифровой среде: социокультурный анализ технологий // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2018. № 8. С. 312–321.
- Дьяконова 2015 – *Дьяконова О.О.* Дидактический утилитаризм: эдьютейнмент как инновационное решение проблем образования взрослых // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2015. № 3. С. 271–275.
- Тихонова 2022 – *Тихонова С.В.* Дискурс-анализ интерактивного сериала «Найден_жив» (первый сезон) // Logos et Praxis. 2022. Т. 21, № 4. С. 20–28.
- Тихонова 2022а – *Тихонова С.В.* Хронохакинг: между мысленным экспериментом и девиациями цифровых решений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022а. Т. 22, вып. 1. С. 50–54.
- Хангельдиева 2018 – *Хангельдиева И.Г.* Эдьютейнмент как единство сознательного и бессознательного // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. С. 47–59.
- Atkin, Wallack 1990 – *Atkin C., Wallack L.* Mass Communication and Public Health: Complexities and Conflicts. Newbury Park: Sage Publications, 1990.
- Beck 2004 – *Beck V.* Working with Daytime and Primetime Television Shows in the United States to Promote Health // Sabido M., Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M. (eds.). Entertainment-Education and Social Change: History, Research, and Practice. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc, 2004. P. 207–224.
- Bouman 1999 – *Bouman M.P.A.* The Turtle and the Peacock. Gouda, Netherlands: The Centre for Media and Health and the Netherlands Entertainment Education Foundation, 1999.
- Bouman 2004 – *Bouman M.* Entertainment-Education Television Drama in the Netherlands // Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M., Sabido M. Entertainment Education and Social Change. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 225–242.
- Brown, Singhal 1990 – *Brown W.J., Singhal A.* Ethical Dilemmas of Pro Social Television // Communication Quarterly. 1990. Vol. 38, № 3. P. 206–219.
- Fiske 1984 – *Fiske J.* Popularity and Ideology: A Structuralist Reading of Dr. Who // Rowland W.D. Jr., Watkins B. (eds.). Interpreting Television: Current Research Perspectives. Beverly Hills: Sage, 1984. P. 165–198.
- Green 2006 – *Green M.C.* Narratives and Cancer Communication // Journal of Communication. 2006. Vol. 56, № 1. P. 163–183.
- Harwood, Giles 1992 – *Harwood J., Giles H.* “Don’t Make Me Laugh”: Age Representations in a Humorous Context // Discourse and Society. 1992. № 3 (4). P. 403–436.
- Hether et al. 2008 – *Hether H.J., Huang G.C., Beck V., Murphy S.T., Valente T.W.* Entertainment-Education in a Media-Saturated Environment: Examining the Impact of Single and Multiple Exposures to Break Cancer Storylines on Two Popular Medical Dramas // Journal of Health Communication. 2008. Vol. 13, № 8. P. 808–823.
- Hobson 1982 – *Hobson D.* Crossroads: The Drama of a Soap Opera. London: Methuen, 1982.

- Lee 2004 – Lee B. The Effectiveness of Entertainment-Education as Media Health Campaigns: The Effects of Entertainment Narrative and Identification on HIV/AIDS Preventative Behavior. Michigan State University: Mass Media, 2004.
- Morgan, Movius, Cody 2009 – Morgan S.E., Movius L., Cody M.J. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors // Journal of Communication. 2009. Vol. 59, № 1. P. 135–151.
- Nariman 1993 – Nariman H.N. Soap Operas for Social Change: Toward a Methodology for Entertainment-Education Television. Westport CT: Praeger, 1993.
- Parkinson, White 2013 – Parkinson C., White M. Inequalities, the Arts and Public Health: Towards an International Conversation // Arts Health. 2013. Vol. 5, № 3. P. 177–189.
- Roy 2003 – Roy P.G. Cinema as Social Discourse // Proceedings of the Indian History Congress. 2003. № 64. P. 1185–1191.
- Singhal et al. 2004 – Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M., Sabido M. Entertainment Education and Social Change. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
- Singhal, Rogers 1989 – Singhal A., Rogers E.M. Pro Social Television for Development in India // Rice R.E., Atkin C.K. (eds.). Public Communication Campaigns. Beverly Hills, CA: Sage, 1989. P. 331–350.
- Singhal, Rogers 2004 – Singhal A., Rogers E. The Status of Entertainment-Education Worldwide // Sabido M., Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M. (eds.). Entertainment-Education and Social Change: History, Research, and Practice. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Assoc, 2004. P. 3–20.
- Singhal, Rogers 2002 – Singhal A., Rogers E. A Theoretical Agenda for Entertainment-Education // Communication Theory. 2002. Vol. 12, № 2. P. 117–135.
- Sonke et al. 2018 – Sonke J., Pesata V., Nakazibwe V., Ssenyonjo J., Lloyd R., Espino D. et al. The Arts and Health Communication in Uganda: A Light Under the Table // Health Commun. 2018. Vol. 33, № 4. P. 401–408.
- Turow 1989 – Turow J. Playing Doctor: Television, Storytelling, and Medical Power. Oxford; New York: Oxford University Press, 1989.
- Weaver, Wilson 2011 – Weaver R., Wilson I. Australian Medical Students’ Perceptions of Professionalism and Ethics in Medical Television Programs // BMC Medical Education. 2011. № 11. P. 1–6.
- Ye, Ward 2010 – Ye Y., Ward K.E. The Depiction of Illness and Related Matters in Two Top Ranked Primetime Network Medical Dramas in the United States: A Content Analysis // Journal of Health Communication. 2010. Vol. 15 (5). P. 555–570.

REFERENCES

- Belyakov P.V., 2018. Edutainment in the Digital Environment: Sociocultural Analysis of Technology. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya*, no. 8, pp. 312-321.
- Dyakonova O.O., 2015. Didactic Utilitarianism: Edutainment as an Innovative Solution to the Problems of Adult Education. *Vestnik TvSU. Series "Pedagogy and Psychology"*, no. 3, pp. 271-275.
- Tikhonova S.V., 2022. Discourse Analysis of the Interactive Series “Nayden_zhiv” (First Season). *Logos et Praxis*, vol. 21, no. 4, pp. 20-28.
- Tikhonova S.V., 2022a. Chronohacking: Between a Thought Experiment and Deviations of Digital Solutions. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 22, iss. 1, pp. 50-54.
- Khangeldieva I.G., 2018. Edutainment as a Unity of the Conscious and Unconscious. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*, no. 3, pp. 47-59.
- Atkin C., Wallack L., 1990. *Mass Communication and Public Health: Complexities and Conflicts*. Newbury Park, Sage Publications.
- Beck V., 2004. Working with Daytime and Primetime Television Shows in the United States to Promote Health. Sabido M., Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M. (eds.). *Entertainment-Education and Social Change: History, Research, and Practice*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Assoc, pp. 207-224.
- Bouman M.P.A., 1999. *The Turtle and the Peacock*. Gouda, Netherlands, The Centre for Media and Health and the Netherlands Entertainment Education Foundation.
- Bouman M., 2004. Entertainment-Education Television Drama in the Netherlands. Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M., Sabido M. *Entertainment Education and Social Change*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 2004, pp. 225-242.
- Brown W.J., Singhal A., 1990. Ethical Dilemmas of Pro Social Television. *Communication Quarterly*, vol. 38 (3), pp. 206-219.
- Fiske J., 1984. Popularity and Ideology: A Structuralist Reading of Dr. Who. Rowland Jr. W.D., Watkins B. (eds.). *Interpreting Television: Current Research Perspectives*. Beverly Hills, Sage, pp. 165-198.

- Green M.C., 2006. Narratives and Cancer Communication. *Journal of Communication*, vol. 56, no. 1, pp.163-183.
- Harwood J., Giles H., 1992. "Don't Make Me Laugh": Age Representations in a Humorous Context. *Discourse and Society*, no. 3 (4), pp. 403-436.
- Hether H.J., Huang G.C., Beck V., Murphy S.T., Valente T.W., 2008. Entertainment-Education in a Media-Saturated Environment: Examining the Impact of Single and Multiple Exposures to Break Cancer Storylines on Two Popular Medical Dramas. *Journal of Health Communication*, vol. 13, no. 8, pp. 808-823.
- Hobson D., 1982. *Crossroads: The Drama of a Soap Opera*. London, Methuen.
- Lee B., 2004. *The Effectiveness of Entertainment-Education as Media Health Campaigns: The Effects of Entertainment Narrative and Identification on HIV/AIDS Preventative Behavior*. Michigan State University, Mass Media.
- Morgan S.E., Movius L., Cody M.J., 2009. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors. *Journal of Communication*, vol. 59, no. 1, pp. 135-151.
- Nariman H.N., 1993. *Soap Operas for Social Change: Toward a Methodology for Entertainment-Education Television*. Westport CT, Praeger.
- Parkinson C., White M., 2013. Inequalities, the Arts and Public Health: Towards an International Conversation. *Arts Health*, vol. 5, no. 3, pp. 177-189.
- Roy P.G., 2003. Cinema as Social Discourse. *Proceedings of the Indian History Congress*, no. 64, pp. 1185-1191.
- Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M., Sabido M., 2004. *Entertainment Education and Social Change*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates.
- Singhal A., Rogers E.M., 1989. Pro Social Television for Development in India. Rice R.E., Atkin C.K. (eds.). *Public Communication Campaigns*. Beverly Hills, CA, Sage, pp. 331-350.
- Singhal A., Rogers E., 2004. The Status of Entertainment-Education Worldwide. Sabido M., Singhal A., Cody M.J., Rogers E.M. (eds.). *Entertainment-Education and Social Change: History, Research, and Practice*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Assoc, pp. 3-20.
- Singhal A., Rogers E., 2002. A Theoretical Agenda for Entertainment-Education. *Communication Theory*, vol. 12, no. 2, pp. 117-135.
- Sonke J., Pesata V., Nakazibwe V., Ssenyonjo J., Lloyd R., Espino D. et al., 2018. The Arts and Health Communication in Uganda: A Light Under the Table. *Health Commun*, vol. 33, no. 4, pp. 401-408.
- Turow J., 1989. *Playing Doctor: Television, Storytelling, and Medical Power*. Oxford, New York, Oxford University Press.
- Weaver R., Wilson I., 2011. Australian Medical Students' Perceptions of Professionalism and Ethics in Medical Television Programs. *BMC Medical Education*, no. 11, pp. 1-6.
- Ye Y., Ward K.E., 2010. The Depiction of Illness and Related Matters in Two Top Ranked Primetime Network Medical Dramas in the United States: A Content Analysis. *Journal of Health Communication*, vol. 15 (5), pp. 555-570.

Information About the Authors

Natalya V. Grishechkina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Humanities and Psychology, Saratov State Medical University, Bolshaya Kazachia St, 112, 410012 Saratov, Russian Federation, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Vladimir B. Ustjantsev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Информация об авторах

Наталья Васильевна Гришечкина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, ул. Большая Казачья, 112, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, natalja_grishechkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7480-8040>

Владимир Борисович Устьянцев, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.7>

UDC 141.319.8
LBC 87.52

Submitted: 18.04.2024
Accepted: 15.06.2024

THE UNQUESTIONING SILENCE OF STUDENTS AS A COMMUNICATIVE FAILURE: THE CAUSES OF THE PHENOMENON AND WAYS TO OVERCOME IT

Vladislav V. Dashchinsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article considers one of the types of communicative failure often found in pedagogical practice – the absence of questions from students in situations, implying, demanding, or disposing of them. The author, relying on pragmalinguistics and the theory of dialogue, proposed a definition of this kind of communicative failure, called unquestioning silence, as the non-meeting of the consciousnesses of participants in educational communication (student-student, student-teacher) in the event of questioning. 6 reasons for such a non-meeting are highlighted: 1) a state of epistemological concern; 2) a tendency to epistemic egoism in its extreme version; 3) fear or unwillingness to take risks; 4) recognition of the practice of questioning as hierarchical; 5) disinterest in Another, as in homo cogitans; 6) poor development of the technique and culture of questioning. The suspicion of academic disciplines in inefficiency is particularly considered in the context of the paradigm “life as a continuous business project.” A behavior model focused on this paradigm assumes, in particular, the assessment of an activity as profitable and profitable for personal and professional development (now or potentially, but preferably in the shortest possible time). Questioning as a tool of cognition, self-knowledge, and reflection is a natural and necessary form of activity for mastering the content of the discipline. The initial prejudice or the conviction formed during training that a certain discipline is ineffective for personal and professional development leads to the recognition of many types of educational interaction as ineffective, including asking, which usually requires significant cognitive efforts, interest, and attention from the student, which from the point of view of using resources in such an economic-oriented attitude (moreover, negative or indifferent) to the subject seems irrational. A possible program-minimum of actions is indicated to develop the ability to ask questions. Its invariant part boils down to such operations as developing an interest in Another as a cognizing subject, searching for or choosing a questioning partner, studying typologies of questions, mastering them and practicing them frequently, examining the heuristic potential of questions, and establishing a dictionary of successful, skillful, deep questions. It is emphasized that the culture of questioning should be improved by both sides of the educational process: students and the teacher.

Key words: art and technique of asking questions, communicative failure, unquestioning silence, epistemic egoism, epistemological concern, mayeutics.

Citation. Dashchinsky V.V. The Unquestioning Silence of Students as a Communicative Failure: The Causes of the Phenomenon and Ways to Overcome It. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 59-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.7>

УДК 141.319.8
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 18.04.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

НЕВОПРОШАЮЩЕЕ МОЛЧАНИЕ СТУДЕНТОВ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ НЕУДАЧА: ПРИЧИНЫ ЯВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Владислав Викторович Дашинский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается один из видов коммуникативной неудачи, часто встречаемый в педагогической практике, – отсутствие вопросов со стороны студентов в ситуациях, их подразумевающих, требующих или располагающих к ним. Автором с опорой на прагматическую лингвистику и теорию диалога предложено определение подобного рода коммуникативной неудачи, названной *невопрошающим молчанием*, понимаемое как не встреча сознаний участников образовательной коммуникации (студент – студент, студент – преподаватель) в событии вопрошания. Выделены шесть причин такой не встречи: 1) состояние гносеологической незабоченности; 2) склонность к эпистемическому эгоизму в его крайней версии; 3) боязнь или нежелание рисковать; 4) признание практики вопрошания иерархичной; 5) незаинтересованность в Другом как в *homo cogitans*; 6) слабое владение техникой и культурой вопрошания. Особо рассматривается возможная неэффективность учебных дисциплин в контексте парадигмы «жизнь как непрерывный бизнес-проект». Модель поведения, ориентированная на данную парадигму, предполагает, в частности, оценку той или иной деятельности как выгодной и прибыльной для личностного и профессионального развития (сейчас или потенциально, но желательно в кратчайшие сроки). Вопрошание как инструмент познания, самопознания и рефлексии есть естественная и необходимая форма активности по освоению содержания дисциплины. Изначально имеющаяся предубежденность или сформировавшаяся в ходе обучения убежденность в том, что определенная дисциплина неэффективна для личностного и профессионального развития, приводит к признанию неэффективными многих видов учебного взаимодействия, в числе которых находится и спрашивание, обычно требующее от учащегося значительных когнитивных усилий, заинтересованности и внимания, что с точки зрения применения ресурсов в условиях такого экономико-ориентированного отношения (к тому же отрицательного или безразличного) к предмету кажется делом нерациональным. Указывается возможная программа-минимум действий по развитию умения задавать вопросы. Ее инвариантная часть сводится к таким операциям, как развитие в себе интереса к Другому как к познающему субъекту, поиск / выбор напарника по вопрошанию, изучение типологий вопросов, их освоение и частое практикование, экспертиза эвристического потенциала вопросов, заведение словаря удачных, искусных, глубоких вопросов. Подчеркивается, что культуру вопрошания следует повышать обеим сторонам образовательного процесса: студенту и преподавателю.

Ключевые слова: искусство и техника задавать вопросы, коммуникативная неудача, невопрошающее молчание, эпистемический эгоизм, гносеологическая озабоченность, майевтика.

Цитирование. Дашинский В. В. Невопрошающее молчание студентов как коммуникативная неудача: причины явления и способы преодоления // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 59–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.7>

Существует много красивых, справедливых и верных цитат о роли вопросов в познании и самопознании, одно обращение к которым уже способно мотивировать на овладение этим когнитивным инструментом и его использование. Иногда описание учеными потенциала вопросов (прагматического, тактического, исследовательского и т. д.) напоминает рекламирование какого-то продукта, дающего возможность интеллектуально «прокачаться». Такое впечатление оставляют многие работы, посвященные методу сократического диалога. Не говорим уже о том, что практикующими психологами и философами сократовская майевтика успешно монетизируется. Справедливо и актуально мнение М.Д. Гетмановой и Л.В. Щегловой о том, что «сегодня можно найти много информации по так называемой “технике сократического диалога”, но это только фальсификат того, что на самом деле можно считать сократическим диалогом» [Гетманова, Щеглова 2015, 140].

Немало представлено и приемов по освоению правильного и эффективного спрашивания, причем не только в научной литературе. В Сети распространены материалы, постулирующие ценность вопрошания, в частности, советы, как задавать правильные, хорошие и эффективные вопросы: техника «Шквал вопросов» Хэла Греггерсена, техника «воронка вопросов», упражнения О. Бренифье (взаимное вопрошание, вопросы к вопросу) и др. Природа вопроса и вопрошания, таким образом, уже давно не находится на периферии исследовательского и повседневного интереса, где она оставалась до второй половины XIX в. [Петросян 2012, 23], но каждый учитель, преподаватель, лектор все чаще сталкивается с ситуацией, где ответом на предложение задать вопросы ему либо кому-то из присутствующих в аудитории является молчание. Бывает даже сложно добиться признания от аудитории, что вопросов нет, а если

и есть, то она испытывает затруднения с их формулированием или предъявлением. С другой стороны, любому ученику и студенту знакомы просьбы не задавать вопросы к докладу, презентации или ситуации с заранее оговоренными вопросами (вопрошание понарошку); желание же выступающего услышать вопросы будет оценено, скорее, как маргинальное.

Молчание студента на практических и лекционных занятиях в ситуациях, когда от него *ожидаются* вопросы, свидетельствующее о том, что сознание студента не погружается в вопрошающий контекст, не «заражается» сократовским духом вопрошания, нужно расценивать как коммуникативную неудачу. Таким образом диагностироваться молчание и нежелание спрашивать, участвовать в «дискурсе вопрошания» (термин Л.Б. Балашовой-Кукановой [Балашова-Куканова 2009, 94]) должно и студентом, и преподавателем.

Совместив прагматическое понимание понятия «коммуникативная неудача» с диалогическими концепциями (М. Бубер, М.М. Бахтин, В.С. Библер и др.), можно определить его применительно к такого рода ситуациям как не встречу сознаний участников образовательной коммуникации (студент – студент, студент – преподаватель) в событии вопрошания. Иллокутивное намерение говорящего (желание услышать вопросы) здесь расходится с намерением слушающих (желание от молчаться). Определяющей причиной подобной коммуникативной неудачи является «человеческий» фактор. Мы делаем акцент именно на полном или преимущественном отсутствии *вопросов* со стороны учащегося, а не мнений или аргументированных суждений, то есть говорим о невопрошающем молчании, отделяя этот вид от других видов молчания, некоторые из которых обладают дидактическим, этическим и культурологическим потенциалом и рассматриваются учеными и педагогами как коммуникативно значимые.

Таким образом, изучение причин отсутствия вопросов в требующих вопрошающей инициативности (приветствующих ее) ситуациях и предложение способов «настройки» себя на модус задавания вопросов являются целью настоящей работы. Приведем примеры ситуаций, требующих или предполагающих проявление вопрошающей инициативности:

а) студент выступил на занятии с информационной / убеждающей / иной речью, преподаватель просит задать выступающему вопросы; б) преподаватель прочитал лекцию (или продемонстрировал видеоматериал) и просит задать какие-либо вопросы по содержанию или до начала занятия дает установку на спрашивание в случае, если будет что-то неясно в ходе изложения; в) на семинаре развернулась задуманная или разгорелась спонтанная дискуссия, естественная часть которой – вопросы участников друг другу; г) преподаватель дает упражнения на тренировку умения задавать вопросы.

Причины, по которым учащиеся молчат, не задают собственных вопросов или заняты этим в малой степени, отчуждены от подобной деятельности, не вступают в диалог были неоднократно описаны в философской и психолого-педагогической литературе [Kurzon 1998; Reda 2009; Роботова, 2015; Розин, 2016; Данилова, Елизарова, Карастелев 2020]. Незаинтересованность в практике вопрошания может объясняться особенностями системы отечественного общего и высшего образования; поколенческими особенностями студентов (поколение «Z» и др.); снижением навыков устной речи; отчуждением, одиночеством и безразличием как «симптомами смертельной болезни коммуникации, угрожающей существованию вообще» [Гоноцкая 2013, 69]; широко распространившейся депрессией как следствием насаждения императивов наслаждения и счастья [Кель 2021]; «тепловой смертью чувств» или «бегом наперегонки с самим собой» [Лоренц 1998, 16–26], который в условиях «текущей современности» оборачивается такой добродетелью, как *эффективность* (так что неэффективность превращается в «смертный грех»). Как связан «грех неэффективности» и преимущественно невопрошающее молчание студентов? В некоторых вопросах (хотя и редко задаваемых студентами публично) прослеживается претензия к *низкой эффективности* предлагаемых дисциплин, модулей, тем, видов работ. Такая претензия зачастую оформляется еще до встречи с учебным предметом. Это вопросы, произносимые часто с недоумевающей или возмущенной интонацией: зачем мне нужен этот курс? почему я должен это учить? как это связано

с моей основной специальностью? как изучение этой темы поможет мне в дальнейшем? что мне даст эта дисциплина, если я собираюсь стать тем-то? Бывает так, что в этих вопросах нет вопрошания, а явлены то ли дух отрицания, вызова системе, то ли маскирующаяся вопросами лень, то ли просто ламентация, вызванная плохим настроением, возрастным кризисом или жизненными трудностями. Преподаватель не должен стремиться отвечать на них, тем более использовать речевые клише вроде «для общего развития» (эта фраза ушла в мемный фонд современного поколения). Приведение формулировок из образовательных программ (утрированный случай), разговоры о межпредметности дисциплин, парадигмальности современной науки и т. д. не покажутся студентам убедительными.

Это естественные, правильные, здравомысленные, необходимые и во многом экзистенциальные вопросы, но они теряют свой эвристический потенциал, когда их задают исходя из представления о жизни как о непрерывном бизнес-проекте (уместно воспользоваться игровой метафорой – «билдостроение», которая хорошо и точно описывает общество RPG-геймеров, разделяющее данное представление и пытающееся его воплотить; одно из значений слова *билд* – «конструирование из сочетания определенных вещей, характеристик, умений и навыков такого персонажа, который будет отличаться наибольшей эффективностью на всем протяжении игры или в определенных ситуациях, например, в сражении с тем или иным боссом»). «Интерпретация человеческой жизни как частного бизнес-проекта, ставшая для развитых капиталистических обществ основной антропологической моделью и траекторией производства субъективности, задает рамку для превращения всего, что происходит в персональном существовании человека, в капитал и прибыльное предприятие» [Соловьев, Кудряшов web].

Если не удается, не видится или не представляется возможным конвертировать освоение образовательного контента в выгодные умения и навыки, то практически единственным решением с точки зрения пользы для модели «жизнь как непрерывный бизнес-проект» становится минимизация активности, в

том числе и задавания вопросов. Даже в условиях заинтересованности учебным курсом вопрошание само по себе есть деятельность, требующая немалых умственных усилий, поэтому она может показаться «убыточной» в случае признания того, что конкретная учебная дисциплина, ее отдельные тематические блоки и связанные с ней задания не способствуют повышению каких-то количественных показателей, не увеличивает личностный и профессиональный капитал. Таким образом, общее отношение к предмету (отрицательное или равнодушное) переносится и на многие формы взаимодействия по его освоению, одной из которых является спрашивание. Создавать видимость обучения легче через ответы, нежели через вопросы. Выражать недовольство и подозревать образовательную дисциплину в неэффективности проще с помощью приведенных вопросов, чем при помощи аргументированных высказываний. Есть стойкая традиция задавать подобные вопросы, но традиция *искать* ответы на них, а не выбирать в отношении «неэффективного» предмета тактику игнорирования, равнодушия, имитации погруженности в него, – складывается неуверенно.

Большой шаг вперед для учащихся (казалось бы, очевидный, но, как правило, не совершаемый) – постараться самим ответить на эти вопросы. Конструктивным со стороны студента представляется действие по постоянному выдвижению гипотез о связи поступающей научной информации с имеющимися у него частными (внутри общей) картинками мира (биологической, физической, лингвистической и др.). Конечно, большая часть группы студентов вряд ли будет ориентирована на такую модель жизнестроительства. К тому же все сказанное не означает, что невозможна противоположная ситуация, когда учащийся серьезно увлечен содержанием дисциплины, мотивирован глубже ее изучать, но при этом и он не слишком решителен в задавании вопросов или вовсе обходится без них. С другой стороны, студент может ставить себе задачи по достижению количественных показателей личностного развития: прочитать *n*-количество книг из списка литературы к предмету, запомнить определенное количество цитат, имен – и это не будет существенно отличаться от

задач адептов бизнес-проектирования персонального существования. При этом далеко неочевидно обращение студента к практике вопрошания при условии признания им учебного предмета *эффективным*.

«Только чувство непонимания, – считает О.А. Донских, – может вести к настоящему интересу, вопросам и, в конечном счете, к серьезному знанию» [Донских 2018, 113]. Это верно при условии, что само непонимание осознается («чтобы быть в состоянии спрашивать, следует хотеть знать, то есть знать о своем незнании» [Гадамер 1988, 427]), воспринимается как проблема и становится предметом искреннего интереса. Однако далеко не всегда чувство непонимания ведет к каким-либо действиям по его прояснению, не всегда привлекает и мотивирует человека; напротив, иногда оно вызывает злость, раздражительность, усталость, фрустрацию или равнодушие. Не стоит абсолютизировать роль непонимания как катализатора изумления, удивления, гносеологической озабоченности, само понимание, как известно, также рождает и поддерживает интерес.

Не претендуя на перечисление большинства причин, предложим релевантную для настоящего исследования типологию. В качестве исходного момента для типологии предположим, что учащиеся физически, физиологически и психоэмоционально здоровы, поэтому в ней не будут отражаться причины, обусловленные проблемами со здоровьем. К причинам, по которым студенты молчат, *не задают вопросов* преподавателю или одноклассникам по поводу прочитанного и услышанного, относятся следующие.

1. Студенты в данный момент не находятся в состоянии гносеологической озабоченности. Состояние гносеологической озабоченности создается преподавателем, другими студентами и проблемным содержанием той науки, которую они изучают. Упрощенно говоря, это ситуация, когда ты не можешь не задавать вопросов.

2. Студенты склонны к эпистемическому эгоизму в его крайней форме: «В крайней версии подобного эгоизма мы вообще отказываем в доверии другому как источнику знания, полагаясь исключительно на себя» [Муртазин 2023, 53]. Нет смысла задавать вопросы

тому, чьим познавательным способностям ты не доверяешь. На непоследовательность эпистемического эгоизма указывает А.Р. Каримов, противопоставляя ему эпистемический универсализм [Каримов 2019, 332].

3. Студенты боятся или не хотят рисковать. Это страх либо нежелание открыть или хотя бы приоткрыть свое «мысленное поле» другому. В связи с этим часто можно услышать от студента опасения показаться глупым, невежественным или некомпетентным, опасения, что тебя высмеют или будут осуждать. Бывает и обратное: стремясь не показаться «слишком умным», проявляя лояльность, задают наивные, поверхностные вопросы. В обоих случаях перед нами транзакция с позиции «Ребенка».

В программной статье «Аргументация и риск» Г. Джонстоун (1920–2000) пишет, что готовность человека идти на риск в спорах характеризует открытость его разума: «Я говорил об открытости разума как о включающей риск. Риск, на который идет человек с открытым разумом, заключается в том, что его мнение или поведение изменятся» [Джонстоун-мл. 2021, 282]. В аргументационном дискурсе, в дискуссиях использование *критических* вопросов (Critical Question) – это способ поставить под сомнение состоятельность аргумента: «Еще одним способом атаки на аргумент является постановка критического вопроса, ставящего аргумент под сомнение, и который может опровергнуть аргумент, если его сторонник не сможет дать какой-либо подходящий ответ на вопрос» [Walton 2013, 29]. В диалектической концепции Д. Уолтона критические вопросы являются частью схем аргументации, с помощью них можно оценивать определенный тип аргумента, заявленный в схеме, и выстраивать контраргументацию. В практике современного российского образования работе с аргументацией через постановку критических вопросов, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания.

4. Студенты ощущают либо осознают в диалоге, в запросе на вопрошание скрытую или явную иерархичность, подозревают властный монолог, мимикрирующий под диалогическое взаимодействие: «Зависимость вопрошания от социальных иерархий делает его *асимметричным*: одни участники взаимодей-

ствия имеют больше прав (или исключительные права) на задавание вопросов, чем другие» [Данилова, Карастелев 2018, 118–119]. Молчание и нежелание спрашивать в таком случае могут представлять собой попытку выключиться из иерархических связей, но иногда это способ перехватить власть: «Если спрашивающий осуществляет власть над адресатом, инициируя обмен мнениями, отказ адресата отвечать является попыткой пресечь и перехватить власть адресанта» [Kuzon 1998, 32].

На первый взгляд, нет никакой социальной иерархии, стоящей за возможностью задавать вопросы, когда студент обращается с ними, например, на конференции или семинаре к другому студенту. Однако в некотором смысле позиция спрашивающего уже доминантна, следовательно, воспроизводит определенную социальную структуру, пусть контекстуально и конситуативно временную, то есть ограниченную местом и временем семинара или конференции. Если опираться на предпосылку о позиции спрашивающего как доминантной, то вызывает удивление тот факт, что ее все равно не спешат занимать. Казалось бы, для студентов с развитыми (в редких случаях – гипертрофированными) мотивами самоутверждения и власти это прекрасная возможность для их реализации (впрочем, они и реализуют их, только не размышляя о зависимости практики вопрошания от статусно-ролевых отношений), но и они редко участвуют в деле вопрошания. С другой стороны, «призрак» социальной иерархии все же воздействует на учащихся, когда им предоставляется возможность расспрашивать другого: «Свою роль студенты видят только в том, чтобы давать ответы, а не ставить вопросы» [Данилова, Елизарова, Карастелев 2020, 14]. Это мнение исследователей следует принимать с оговорками, поскольку в обсуждении поведения студентов некоторых специальностей оно может посчитаться ошибкой поспешного обобщения (*hasty generalization*).

В целом к практике вопрошания относятся настороженно, подозрительно, нередко подходят к ней с предубеждением. Мы имеем в виду только те учебные ситуации, где эта практика становится «сюжетообразующей» (например, дискуссии или сеансы сократичес-

кого диалога). Разумеется, на занятиях вопрос используется всеми субъектами, но не в равной степени. Не все вопросы оказываются легко принимаемыми. Главным образом отрицание направлено на причинные и целевые вопросы. Неэкологичным, бесполезным и вредным признается вопрос «почему?» (или начинающийся с этого вопросительного слова) многими коуч-психологами, поскольку он часто является орудием внесения смуты, навязывания вины, морального неудобства и т. п. (хотя в деловом общении нередко рекомендуется использовать упражнение Сакити Тоёда «Пять почему», см. ее описание [Оно 2005, 47–48]). Австралийский психолог и терапевт Майкл Уайт отмечает, что вопрос «почему?» пользуется плохой репутацией в сфере консультирования и психотерапии. Предвзятое отношение к вопросу, по его мнению, может быть связано с тем, «каким образом это вопросительное слово обычно используется в более широкой культуре. Вопрос “почему?” часто означает своего рода моральный допрос, унижительный для людей» [Уайт 2021, 64]. Другими словами, неодобрительная реакция на употребление вопроса, характерная для персонального дискурса (в его бытовой разновидности), переносится на практику употребления вопроса в дискурсе институциональном (выделение этих двух типов дискурса принадлежит В.И. Карасику [Карасик 2000]), будь то психотерапевтическая сфера или рассматриваемая нами педагогическая (учебно-научная) деятельность. Предположительно, происходит трансфер отрицательного ассоциативно-коннотативного фона, связанного с использованием вопроса «почему», на другие вопросы.

Не вопрос «почему?» нуждается в реабилитации, как считает Майкл Уайт, а мотивы и цели, культура его применения. Думаем, актуально уже весьма модернизированную сократовскую майевтику (см., например, технику сократического диалога в исполнении практикующего философа О. Бренифье [Бренифье 2016, 52–62]), находящую применение в разных областях жизнедеятельности (от образования до психотерапии), ориентировать на помощь в рождении не только идей, но и вопросов, к ним подводящим. Существуют труды, аспектно описывающие грамматику говорящего

и слушающего (см. одноименные работы белорусского лингвиста Б.Ю. Нормана [Норман 2018; Норман 2024]); закономерно появление в будущем и грамматики вопрошающего.

5. Студент не интересуется тем, *как, почему и зачем* мыслит и думает другой человек. Не интересуется, иными словами, Другим как познающим человеком (*homo cogitans*). Это своеобразная форма эпистемического эгоизма, где речь идет уже не о доверии к субъекту знания и познания, а об интересе к нему. Квинтэссенция незаинтересованности в Другом запечатлена в некоторых трюизмах, фразеологических оборотах: «сколько людей, столько и мнений», «у каждого своя точка зрения», «на вкус и цвет товарищей нет» и т. п. Если подобные высказывания возникают в пространстве дискуссии, то за ними скрывается не столько приверженность к релятивизму, радикальному скептицизму, сколько неуверенность, страх либо нежелание выяснения ценности, весомости, обоснованности и состоятельности выраженной позиции. Ссылка на подобные обороты есть эксплицитное указание на психологический дискомфорт, утомленность, на возникшую отчужденность от обсуждения какого-либо положения.

6. У студентов слабо развита культура вопрошания, способность к формулированию и «изобретению» вопросов: «Процесс вопрошания и озарения новыми ответами лежит в самой сердцевине подлинной познавательной деятельности, а студенты часто не умеют и не знают, что спросить и как проявлять подлинное любопытство...» [Прокопенко 2021, 269]. Здесь, как правило, отмечаются следующие моменты: во-первых, вызванная эпистемическим эгоизмом, либо неуверенностью, либо избытком впечатлений ситуативная неспособность отделить вопрос от изложения собственной точки зрения: спрашивающий вместе с вопросом «контрабандой» провозит свое мнение по нему, очень часто заслоняющее суть вопроса. В таком поведении (как и в четвертом случае) можно даже усмотреть нарциссизм, присущий, согласно Жилю Липовецки, современному индивидуализму: «Сообщение ради сообщения (вопрос ради вопроса. – В. Д.), самовыражение ради того лишь, чтобы выразить самого себя и убедиться, что тебя слушает хотя бы микроаудитория» [Ли-

повецки 2001, 31]. Во-вторых, неразличение гносеологической направленности вопросов, например, вопросов *почему* и *зачем*. В-третьих, неспособность так сформулировать вопрос, чтобы он был понятен и себе и аудитории. В-четвертых, декоративность (в смысле формальность) вопросов, отсутствие в них подлинного вопрошания, использование риторических вопросов. «В вопросе должно быть вопрошание – золотое правило теории вопроса» [Ряшенцева 2011, 61], риторический вопрос лишен «не только действительно спрашивающего, но и действительно спрашиваемого» [Гадамер 1988, 428]. В-пятых, отсутствие ранжирования серии вопросов по степени их значимости, с одной стороны, для самого спрашивающего, с другой – для отвечающего. В-шестых, неуместность вопроса, его семантическая и логическая некорректность. Изобретение вопроса регулируется факторами тематической, контекстуальной и констатирующей уместности, принципом кооперации Г.П. Грайса и разговорными максимами Дж. Лича. Даже если студентам понятно, *что* спрашивать, понятен текст, обращенный к ним, они могут испытывать коммуникативные или психологические затруднения в переводе внутренней ясности в модус, например, проблематичного вопрошания: «Но перейти от интуитивного понимания, от собственной внутренней ясности к высказыванию <...> – очень трудно» [Мамардашвили 1995, 270]. К сказанному добавим, что неразвитость внутреннего диалога ведет к пассивности во внешних интеракциях, в том числе отражается и на культуре вопрошания.

Как избежать подобной коммуникативной неудачи, по крайней мере стремиться к этому? Программа-минимум развития культуры вопрошания, настройки себя на модус спрашивания может выглядеть следующим образом:

- учиться проявлять интерес к Другому как к познающему субъекту;
- найти в информационном окружении пример грамотно вопрошающего;
- внимательно изучать разные типы вопросов (открытые, закрытые, альтернативные, эмпирические, метатеоретические, провокационные, прогностические и мн. др.), «отрицательный материал» в спрашивании, то есть

случаи, когда вопросы оказались неуместными, агрессивными или манипулирующими;

– постоянно практиковаться в их задавании, актуализировать в себе почему-вопросание;

– постепенно переходить от количества задаваемых вопросов к качеству задавания, от техники к искусству (хотя бывает сложно установить, когда заданный вопрос оказывается делом техники, а когда – искусства, искусности);

– проводить взаимную экспертизу образовательного потенциала вопросов;

– переходить от вопрошания по востребованию к вопрошанию как внутренней потребности.

Итак, перед студентом должен быть пример субъекта (будь то преподаватель, YouTube-блогер или персонаж книги, сериала, игры): 1) гносеологически озабоченного; 2) доверяющего интеллектуальным способностям партнеров по коммуникации; 3) рискующего в спорах своим «я», то есть допускающего возможность изменения собственных взглядов; 4) считающего практику спрашивания свободной от каких-либо властных дискурсов; 5) интересующегося не только результатами когнитивной деятельности, но и способами, которыми она осуществляется, самим процессом мышления другого человека; 6) ориентированного на проблемное, глубокое, интерактивное вопрошание, ясного в артикулировании идей и постановке вопросов. Опора на такую модель – лишь один из первых шагов на пути к овладению компетентностью вопрошания. И нет гарантии, что такой человек, даже вычлененный сознанием из действительности как образец вопрошающего, поможет учащимся. Подойти к развитию умения задавать вопросы следует так, как обычно подходят к расширению своего лексикона. У Мартин Идена, главного героя одноименного романа Дж. Лондона, было правило ежедневно увеличивать словарный запас на 20 слов. Так и студенту вполне по силам дисциплинировать себя на каждодневное изобретение 20 вопросов, обращенных к тому содержанию, с которым он взаимодействует, слушая лекцию на паре, участвуя в семинаре, готовясь к занятиям, занимаясь самообразованием или просто отдыхая за просмотром сериалов или погружаясь в

миры компьютерных игр. Необходимым для него также будет изучение различных опросников, запоминание и выписывание из прочитанных книг и статей, прослушанных лекций и плейкастов удачных, на его взгляд, вопросов.

Не стоит думать, что только студенту необходимо повышать культуру спрашивания, преподавателю также нужно ее развивать; к примеру, на лекциях и практических заданиях постоянно поощрять учащихся задавать вопросы, предлагать задания на постановку вопросов. Подчеркнем: нежелание, часто неумение задавать вопросы преподавателю или друг другу – это не очередной упрек в адрес поколения Z, а только фиксация некоторой тенденции. Инвариантная часть программы-минимум – это «изобретение» заинтересованности к Другому, если она не возникает естественным путем, нахождение напарника по вопрошанию, анализ типов спрашивания, ежедневное изобретение вопросов и экспертиза их эвристического потенциала, заведение словаря / промптуария (promptarium – ‘кладовая’) грамотных, искусных вопросов. Вариативная часть зависит от предметной ориентированности, предпочтений, возможностей преподавателя и студента, конкретных условий их взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бренифье 2016 – *Бренифье О.* Искусство обучать через дискуссию. М.: Мозаика-синтез, 2016.
- Балашова-Куканова 2009 – *Балашова-Куканова Л.Б.* Психологическая составляющая дискурса вопрошания // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 94–97.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гетманова, Щеглова 2015 – *Гетманова М.Д., Щеглова Л.В.* Сократический эксперимент школы Рабиндраната Тагора // Наумов И.Н. (ред.). Социокультурные исследования: межвуз. сб. науч. тр. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015. Вып. 20. С. 139–144.
- Гоноцкая 2013 – *Гоноцкая Н.В.* Связи: Философское исследование взаимопонимания. Изд. стер. М.: ЛКИ, 2013.
- Данилова, Карастелев 2018 – *Данилова В.Л., Карастелев В.Е.* Искусство работы с вопросами – грамотность XXI века // Идеи и идеалы. 2018.

- Т. 2, № 2. С. 113–127. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-113-127
- Данилова, Елизарова, Карастелев 2020 – Данилова В.Л., Елизарова Е.М., Карастелев В.Е. Интерактивное вопрошание как одна из технологий современного образования // Интерактивное образование. 2020. № 2. С. 12–18.
- Джонстоун-мл. 2021 – Джонстоун-мл. Г.У. К вопросу об аргументации / пер. с англ. Е.Н. Лисанюк, Н.В. Перовой // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 278–289. DOI: 10.17223/1998863X/59/25
- Донских 2018 – Донских О.А. Почему студенты перестали задавать вопросы? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 110–117. DOI: 10.17223/1998863X/42/11
- Карасик 2000 – Карасик В.И. О типах дискурса // Карасик В.И., Слышкин Г.Г. (ред.). Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Каримов 2019 – Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей: науч. моногр. СПб.: Алетейя, 2019.
- Кель 2021 – Кель М.Р. Время и собака. Актуальность депрессий. М.: Горизонталь, 2021.
- Липовецки 2001 – Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.
- Лоренц 1998 – Лоренц К. 8 смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 4–60.
- Мамардашвили 1995 – Мамардашвили М.Е. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
- Муртазин 2023 – Муртазин С.Р. Эпистемическая справедливость: доверие другому в познании как теоретическая и практическая проблема // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 43–66. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_43
- Норман 2018 – Норман Б.Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию. 3-е изд. М.: URSS, 2018.
- Норман 2024 – Норман Б.Ю. Грамматика слушающего. М.: Флинта, 2024.
- Оно 2005 – Оно Т. Производственная система тойоты. Уходя от массового производства. М.: Ин-т комплексных стратегических исследований, 2005.
- Петросян 2012 – Петросян А.Э. Природа вопроса: классический взгляд. Ч. 1. От эристики к майевтике // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 4 (47). С. 23–28.
- Прокопенко 2021 – Прокопенко Л.А. Культура вопрошания: когнитивно-развивающая роль вопросов в организации образовательного процесса при изучении иностранного языка // Гураль С.К. (ред.). Язык и культура: сб. ст. XXXI Междунар. науч. конф. (11–14 октября 2021 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 268–271.
- Роботова 2015 – Роботова А.С. О диалоге, монологе и молчании в образовании // Высшее образование в России. 2015. № 8/9. С. 122–128.
- Розин 2016 – Розин В.М. Что такое вопрошание: сущность и типы? // Педагогика и просвещение. 2016. № 2 (22). С. 159–165. DOI: 10.7256/2306-434X.2016.2.18709
- Ряшенцева 2011 – Ряшенцева А.Ю. Педагогический вопрос: от правил к искусству // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 57–64.
- Соловьев, Кудряшов web – Соловьев А., Кудряшов И. Смертные грехи современности // <https://insolarance.com/modern-deadly-sins/>
- Уайт 2021 – Уайт М. Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. 2-е изд. М.: Генезис, 2021.
- Reda 2009 – Reda Mary M. Between Speaking and Silence: A Study of Quiet Students. New York: State University of New York Press, 2009.
- Kurzon 1998 – Kurzon D. Discourse of Silence. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Walton 2013 – Walton D. Methods of Argumentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

REFERENCES

- Brenifier O., 2016. *Art of Teaching Through Discussion*. Moscow, Mosaica-synthes Publ.
- Balashova-Kukanova L.B., 2009. Psychological Component of the Questioning Discourse. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, no. 4, pp. 94-97.
- Gadamer H.-G., 1988. *Truth and Method: Basis of Philosophical Hermeneutics*. Moscow, Progress Publ.
- Getmanova M.D., Shheglova L.V., 2015. Socratic Experiment of the Rabindranath Tagore School. Naumov I.N (ed.). *Sociokulturnye issledovaniya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Volgograd, Volgograd nauch. izd-vo, iss. 20. pp. 139-144.
- Gonotskaya N.V., 2013. *Connections: A Philosophical Study of Mutual Understanding*. Moscow, LKI.
- Danilova V.L., Karastelev V.E., 2018. Art of Asking Questions – Literacy of the 21st Century. *Idei i idealy*, vol. 2, no. 2, pp. 113-127. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-113-127
- Danilova V.L., Elizarova E.M., Karastelev V.E., 2020. Interactive Questioning as One of the Technologies

- of Modern Education. *Interaktivnoe obrazovanie*, no. 2, pp. 12-18.
- Johnstone Jr. G.U., 2021. On the Issue of Argumentation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 59, pp. 278-289. DOI: 10.17223/1998863X/59/25
- Donskikh O.A., 2018. Why Did the Students Stop Asking Questions? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 42, pp. 110-117. DOI: 10.17223/1998863X/42/11
- Karasik V.I., 2000. About the Types of Discourse. Karasik V.I., Slyshkin G.G. (eds.). *Yazykovaya lichnost: institucionalnyj i personalnyj diskurs: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-20.
- Karimov A.R., 2019. *Virtue Epistemology: A Scientific Monograph*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Kehl M.R., 2021. *Time and the Dog. The Relevance of Depression*. Moscow, Horizontal Publ.
- Lipovetsky G., 2001. *The Era of Emptiness. Essays on Contemporary Individualism*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ.
- Lorenz K., 1998. Civilized Man's Eight Deadly Sins. *Behind the Mirror*. Moscow, Respublica Publ., pp. 4-60.
- Mamardashvili M.E., 1995. *Lectures on Proust (Psychological Topology of the Path)*. Moscow, Ad Marginem.
- Murtazin S.R., 2023. Epistemic Justice: Trusting the Other in Cognition as a Theoretical and Practical Problem. *Antinomii*, vol. 23, iss. 4, pp. 43-66. DOI: 10.17506/26867206_2023_23_4_43
- Norman B.Yu., 2018. *Speaker's Grammar: From Idea to Utterance*. Moscow, URSS.
- Norman B.Yu., 2024. *Grammar of the Listener*. Moscow, Flinta Publ.
- Ohno T., 2005. *Toyota Production System. Beyond Large-Scale Production*. Moscow, In-t kompleksnykh strategicheskikh issledovaniy.
- Petrosyan A.E., 2012. Nature of the Question: Classical View. Part 1. From Eristics to Maieutics. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*, no. 4 (47), pp. 23-28.
- Prokopenko L.A., 2021. Culture of Inquiry: Cognitive Developing Role of Questioning in the Foreign Language Classroom. Gural S.K. (ed.). *Yazyk i kultura: sb. st. XXXI Mezhdunar. nauch. konf. (11-14 oktyabrya 2021 g.)*. Tomsk, Izd-vo Tom. gos. un-ta, pp. 268-271.
- Robotova A.S., 2015. About Dialogue, Monologue, and Silence in Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 8/9, pp. 122-128.
- Rozin V.M., 2016. What Is Questioning: Essence or Types? *Pedagogika i prosveshhenie*, no. 2 (22), pp. 159-165. DOI: 10.7256/2306-434X.2016.2.18709
- Ryashentseva A.Yu., 2011. Pedagogical Question: From Rules to Art. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 57-64.
- Solovyov A., Kudryashov I. *Mortal Sins of Modernity*. URL: <https://insolarance.com/modern-deadly-sins/>
- White M., 2021. *Maps of Narrative Practice. Introduction to Narrative Therapy*. Moscow, Genesis Publ.
- Reda Mary M., 2009. *Between Speaking and Silence: A Study of Quiet Students*. New York, State University of New York Press.
- Kurzon D., 1998. *Discourse of Silence*. Amsterdam, John Benjamins.
- Walton D., 2013. *Methods of Argumentation*. Cambridge, Cambridge University Press.

Information About the Author

Vladislav V. Dashchinsky, Assistant, Department of Russian Language and Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russian Federation, dashchinsky.vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8738-0218>

Информация об авторе

Владислав Викторович Дашинский, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, dashchinskiy.vlad@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8738-0218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.8>

UDC 141.4
LBC 87.12

Submitted: 11.05.2024
Accepted: 15.06.2024

RELEVANCE OF PHILOSOPHY AS KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD AS A WHOLE

Petr M. Kolychev

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The relevance of knowledge about the world as a whole is considered in historical retrospective. The aspect taken in knowledge is a spiritual instrument of life-support activities. The side of dependence of a spiritual instrument on activity is considered. The necessity and nature of this activity determine the content of knowledge about the world as a whole. Retrospect begins with magical knowledge about the world at whole. It is a spiritual instrument of a communal collective strategy of activity that is aimed at preserving the integrity of the world. The primitive community considered itself an inseparable part of this world. Therefore, magical knowledge to the greatest extent was knowledge about the world as a whole. The fair production strategy is replaced by an unfair producing strategy, which then quickly turns into an exploitative-producing strategy. One of the spiritual tools of this strategy is religion, in which knowledge about the world as a whole is formed. Since the productive strategy is aimed at changing the world, fundamental changes occur in knowledge about the world as a whole. The world is now represented by its separate parts. Growing needs turning into super-needs lead to the separation of science and philosophy from religious knowledge about the world as a whole. Religious knowledge about the world as a whole is knowledge for the vast majority of society. Philosophy is knowledge about the world as a whole for a small part of society: scientists. Science is developed by the principle of verifiability. Philosophy develops through theoretical and speculative methods. The difference in methods gradually distances philosophy from science. This leads to a decline in the relevance of philosophy as knowledge about the world as a whole. Philosophy is being replaced by a physicalist picture of the world. The modern relevance of philosophy can be associated with: 1 – the collapse of the hypothesis of physicalism and its replacement with the hypothesis of holism; 2 – the justification for changing the exploitative production strategy to a communal non-exploitative production strategy, an example of which is socialism. The model of new philosophy is a systemic-conceptual knowledge of the world as a whole, consisting of four parts: 1 – theory of philosophy; 2 – philosophy of natural science; 3 – philosophy of socio-anthropology; and 4 – philosophy of religion.

Key words: philosophy as knowledge about the world as a whole, theory of philosophy, philosophy of natural science, philosophy of socio-anthropology, philosophy of religion, magical knowledge about the world as a whole, religious knowledge about the world as a whole.

Citation. Kolychev P.M. Relevance of Philosophy as Knowledge About the World as a Whole. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 69-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.8>

УДК 141.4
ББК 87.12

Дата поступления статьи: 11.05.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ КАК ЗНАНИЯ О МИРЕ В ЦЕЛОМ

Петр Михайлович Колычев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В исторической ретроспективе рассмотрена актуальность знания о мире в целом. В знании взят аспект, связанный с его функционированием в качестве духовного инструмента деятельности по жизнеобеспечению. Показано, что необходимость и характер этой деятельности определяют содержание знания о мире в целом. Ретроспектива начинается с магического знания о мире в целом. Оно является духовным

инструментом общинной присваивающей деятельности, которая направлена на сохранение целостности мира. Первобытная община считала себя неотделимой частью этого мира, а магическое знание было знанием о мире в целом. В дальнейшем неэксплуатационная производящая деятельность сменяется эксплуатационной производящей деятельностью. Одним из духовных инструментов этой деятельности становится религия, в которой формируется знание о мире в целом. Поскольку производящая деятельность направлена на изменение мира, происходят принципиальные изменения в знании о мире в целом. Мир отныне представлен своими отдельными частями. Растущие потребности, переходящие в сверхпотребности, приводят к отделению от религиозного знания о мире в целом философии и науки. Религиозное знание о мире в целом остается знанием для подавляющей части общества, тогда как философия является знанием о мире в целом для небольшой части общества – ученых. Философия развивается теоретико-спекулятивными методами. Различие методов постепенно отдаляет философию от науки, ориентированную на принцип верифицируемости знания. Это приводит к снижению актуальности философии как знания о мире в целом. На смену философии приходит физикалистская картина мира. Современная актуальность философии может быть обоснована, во-первых, крушением гипотезы физикализма и заменой ее на гипотезу холизма; во-вторых, необходимостью смены эксплуататорской производящей деятельности на общинную неэксплуататорскую производящую деятельность, примером которой является социализм. Модель новой философии представляет собой системно-понятийное знание о мире в целом, состоящее из четырех частей: 1 – теория философии, 2 – философия естествознания, 3 – философия социо-антропологии, 4 – философия религии.

Ключевые слова: философия как знание о мире в целом, теория философии, философия естествознания, философия социо-антропологии, философия религии, магическое знание о мире в целом, религиозное знание о мире в целом.

Цитирование. Колычев П. М. Актуальность философии как знания о мире в целом // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 69–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.8>

Введение. Термин «философия» в настоящее время используется очень широко. И речь вовсе не о повседневном значении этого термина, а речь идет именно о философском значении этого термина. В данной статье под философией понимается знание о мире в целом, которое имеет теоретическую, системно-понятийную форму. Это определение следует понимать не как отрицание иных определений философии, а либо как разделение предметов знания, либо как разделение частей философии, в которой знание о мире в целом является лишь одной из составляющих. В представлении философии как знания о мире в целом следует обозначить не только характер этого знания (системно-понятийная форма), но и то, что понимается под миром. В разные исторические периоды понимание мира менялось кардинально. Каждому из этих вариантов понимания мира соответствует свое знание о мире в целом, и философия есть только один из видов такого знания. Поэтому оказывается важным показать место и актуальность философии в этом историческом ряду знаний о мире в целом.

1. Магическое знание о мире в целом. В отношении далекого прошлого наблюдается устойчивая актуальность знания об

устройстве и развитии мира в целом, о чем убедительно свидетельствуют мифы о сотворении мира у различных народов [Петрухин 2005]. Но зачем людям, которые вели первобытный образ жизни, это знание? Почему для них оно было актуально? Отвечая на этот вопрос, следует обратить внимание на то, что подобные мифы распространены буквально по всему миру. Следовательно, ответ связан не со спецификой, а с общностью в их деятельности. Первый признак общности заключается в собирательном (присваивающем) характере первобытного хозяйства. Вторая общность состоит в повсеместном использовании магии, которая по своим функциям [Токарев 1990] является духовным инструментом жизнедеятельности первобытной общины.

Первобытная община осознавала то, что она и все ее окружение представляет собой единое целое [Колычев 2005, 11], которое в современной терминологии представлено понятием «мир». В частности такое единение с миром проявляется в том, что главная деятельность первобытной общины состоит в сохранении мира, а не в его преобразовании [Элкин 1994, 139]. Эффективность первобытной деятельности, состоящей в присваивании элементов окружающего мира, определяется

знанием об этом мире, который, как уже было сказано выше, представлялся целостным. Поэтому знание о мире в целом было для первобытной общины предельно практически повседневным знанием. Это резко контрастирует, например, с современной актуальностью знания о мире в целом, ведь для нас наша практическая, повседневная жизнь не зависит от этого знания. Таким образом, актуальность знания о мире в целом была обусловлена непосредственной практической жизнедеятельностью первобытной общины. Такое знание обозначим как магическое знание о мире в целом, которое есть лишь часть всего комплекса магического знания. В силу отражения максимального единства мира такое знание есть частный случай континуального (континуума) знания о мире в целом. В отношении актуальности такого знания важно и то, что оно было всеобщим, то есть им обладал каждый взрослый член первобытной общины.

2. Религиозное знание о мире в целом. С переходом части первобытных общин к производящей деятельности, которая направлена на преобразование мира, трансформируется и знание о мире в целом. Производящая деятельность остается основной вплоть до современности, пройдя путь от неэксплуатационной производящей деятельности до деятельности эксплуатационной. Стало быть, актуальность знания о мире в целом первобытной общины является непревзойденной до сих пор. Оценить глубину и масштабность такого перехода, находясь внутри современной культуры, непросто. Для этого, как минимум, следует вообразить себя на месте того, кто ведет присваивающий образ жизни, то есть вообразить использование для своей жизнедеятельности только то, что имеется в естественной внешней среде. Но главное не в этом, а в том, чтобы вообразить, что такое положение не является страданием, а является не только нормальным, но и единственно возможным, то есть вообразить, что отказ от присваивающей деятельности воспринимается как трагедия «конца света».

Если в магическом знании о мире в целом понимание единого мира констатируется как практический факт жизнедеятельности, то во всех последующих знаниях о мире в целом, в том числе и в философии, знание о мире

в целом конструируется из знаний о разделенных (разделенных практической деятельностью) регионах мира. Производящая деятельность является производящей во всем, в том числе и в отношении духовных инструментов, которые она (деятельность) производит подобно тому, как она производит материальные инструменты.

Производящая деятельность снижает зависимость от внешней среды. Это привело к формированию субъект-объектного отношения к миру. В соответствии с этим происходит изменение понимания мира. Если присваивающей деятельности соответствует представление о едином мире, то производящая деятельность делит (дифференцирует) мир на три части. Первая часть – это мир, который не используется в деятельности производящей общины. Переходя к оседлому образу жизни, производящая община теряет связь со значительной частью региона предыдущего своего кочевого обитания. Вторая часть – это мир, который меняется общиной с целью своего жизнеобеспечения: поля, которые они обрабатывают; участки леса, которые они расчищают под будущие посевы: изменение водных потоков, которые они используют для орошения. Третья часть – это мир, который они уже изменили, например, поселения, в которых они живут. Это первое кардинальное изменение знания о мире. Поскольку дифференцирование составляет сущность такого понимания, само это знание следует обозначить как дифференциальное знание о мире. В дальнейшем историческом развитии степень дифференцирования только увеличивалась.

Если в деятельности первобытной общины основными были не материальные, а духовные инструменты, в том числе и магическое знание о мире в целом, то с переходом к производящей деятельности главными становятся материальные инструменты, а также те духовные инструменты, которые обеспечивают совершенство материальных инструментов. Поэтому основное направление трансформации магии – это ее секуляризация: некоторые части магии трансформируются, другие исчезают вовсе, а также появляются новые, которые связаны не с естественным проявлением теологических феноменов, а с запросами к ним производящей деятельности. Эти

трансформации оказали влияния на появление религии [Колычев 2023], где, в том числе, искусственные запросы общества в преобразовании внешней среды были представлены как естественный ход теологических феноменов. Такие искусственные трансформации становятся, в частности, причиной возникновения спекулятивной тенденции конструирования знания о мире в целом.

Магия, и религия являются инструментами жизнедеятельности, изменение которой влечет за собой и изменение инструмента. Если магия была естественным инструментом первобытной общины, то религия становится искусственным инструментом. Поэтому естественность магии есть прямое (неискаженное) отражение теологического региона мира. Это неискаженность отражения обусловлена присваивающей деятельностью. Религия как инструмент жизнедеятельности является отражением противоестественного (искусственного) изменения мира.

Все эти изменения в значительной степени затронули и знание о мире в целом. Поскольку производящая деятельность была связана с предельно конкретной практикой, на основе чего и формировались практические повседневные знания-навыки, которые не являлись составной частью знания о мире в целом, то знание о мире в целом сосредоточилось в религиозном знании. Эту часть религиозного знания следует обозначить как религиозное знание о мире в целом.

Кроме этого снижение связи религии с производящей практикой постепенно привело к преимущественно спекулятивному характеру религиозного знания о мире в целом, куда входили и спекулятивные знание о различных регионах мира. Поэтому знание о мире в целом составляло незначительную часть всего религиозного знания. Яркий пример тому начальный фрагмент Библии, где излагается не только сотворение мира, но и описан переход к производящей деятельности [Библия 2014, 5–7]. Религиозное знание играло значительную роль вплоть до возникновения науки, развитие которой запустило процесс секуляризации.

3. Философия и наука. Увеличение производства средств жизнеобеспечения постепенно из знаний-навыков сформировало такой духовный инструмент производящей

деятельности, как научное знание. Рождается такой духовный инструмент, как наука. Вначале это был комплекс несвязанных между собой знаний о специфических регионах мира. Главным критерием науки является ее количественная верификация, в ходе которой как предсказываемое явление, так и результаты проверки данного предсказания должны быть выражены количественно, а сама проверка должна состоять в сравнении этих количеств. Именно по этому критерию постепенно из религиозного знания о мире в целом выделяются две части: наука и философия (точнее та часть философии, которая осталась после отделения от нее науки; далее термин «философия» будет использоваться для обозначения именно этой части философии). Философия продолжает спекулятивный характер религиозного знания о мире в целом, например, «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля [Гегель 1997]. Однако успехи науки заставляют философию снижать свой спекулятивный уровень, что приводит к изменению ее содержания.

Когда происходит разделение на науку и философию, в философию попадает не только знание о мире в целом, но и протонаучные знания, которые в силу своей конкретности не входят в знание о мире в целом. Поскольку предметом философии является мир в целом, то знание о нем должно учитывать (именно учитывать, а не включать в себя) не только научные знания, но и то, что выходит за рамки науки, в том числе протонаучное знание и знание о теологических феноменах. В соответствии с этим в философии частные знания представлены не в своем собственном виде, а как «воплощение» теории философии. Примером элегантного воплощения этого плана может быть «Энциклопедия философских наук» Г.В.Ф. Гегеля [Гегель 1974; Гегель 1975; Гегель 1977]. Сегодня этот план, в основном, представлен четырьмя частями: теория философии, философия естествознания, философия социо-антропологии, философия религии. В этом делении философии на четыре части легко увидеть сочетание континуального и дифференциального знаний о мире в целом, где теория философии соответствует континуальному знанию, а философия естествознания, философия социо-антропологии и философия религии соответствуют дифференциальному

знанию о мире. В условиях развивающегося конкретного знания философии пришлось взять на себя роль знания, конструировавшего целостность мира. В этом и состояла актуальность философии в период ее отделения от науки.

Философия так же, как и наука, не является достоянием всего общества. Ведь философию и науку изучала только та часть общества, которая непосредственно не была связана с практикой производящей деятельности. В этом кроется ее коренное отличие как от магического, так и от религиозного знания о мире в целом, которые являются достоянием всего общества. Философия связана с практической деятельностью опосредованно через науку. Отчасти это является причиной сосуществования философии и религиозного знания о мире в целом, они по-разному существуют для разных сообществ, в частности, это зависит от степени вовлеченности их в производство.

Предметом различных конкретных наук являются различные регионы мира. Если исходить из положения о единстве мира, то есть из того, что все регионы мира связаны между собой, то должны быть связаны и предметы этих наук. Знание о связях между регионами мира может быть различно. История науки развивалась таким образом, что доминирующей концепцией стал физикализм, когда знания об исследуемых наукой регионах мира выстраиваются в последовательность, которая начинается с физических наук, далее следуют химические науки, потом биологические и социо-антропологические науки. При этом выдвигается гипотеза, что каждая последующая наука может быть сведена к предыдущей, то есть в конечном счете каждая наука может быть сведена к физике. Такая концепция связей регионов мира является наследницей пифагорейской концепции, в которой знание обо всех регионах мира были сведены к геометрии, а точнее к четырем геометрическим телам: тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр [Платон 2007].

С учетом сказанного, философия как знание о мире в целом актуальна лишь для научного сообщества. При этом актуальность науки непосредственно обусловлена производящей деятельностью. Стало быть, актуальность философии опосредована через науку.

Развитие наук связано с развитием экспериментального метода, в то время как философия продолжает развиваться за счет теоретико-спекулятивного метода, к которому наука прибегает редко. Поэтому развитие наук слабо связано с философией. Различие значимости этих методов в философии и науке, с развитием последней, приводит к снижению актуальности философии для науки. Ее место как знания о мире в целом занимает физикалистская концепция связи исследуемых наукой регионов мира. Наиболее ярко эту концепцию сформулировал Нобелевский лауреат по физике Д. Гросс [Попов, Сергеев web]. Эту концепцию мы обозначаем как физикалистскую картину мира в целом.

Заключение. Перспективы актуальности философии в современном мире. Слабость физикалистской картины мира в целом состоит в главном ее положении, которое констатируется не как научный факт, а «в принципе». Поэтому в лучшем случае эта картина мира является лишь гипотезой. Кроме того она основана на гипотезе о всепоглощении последующим регионом мира всех предыдущих регионов мира, то есть недопустимо появление такого региона мира, который не вбирал бы в себя все предыдущие регионы, включая физический регион.

Однако теоретически, не нарушая принципа связанности регионов мира, можно допустить существование таких регионов мира, которые связаны лишь с некоторыми (не со всеми) предшествующими регионами мира. Тогда ситуация с целостностью мира принципиально меняется. Высказанное здесь предположение основано на холистическом подходе, который в применении к предметам наук означает несводимость последующего члена упорядоченного ряда наук, к предыдущему члену этого ряда. В этом случае физикалистская картина мира оказывается неверной. Холизм вместе с положением о единстве мира и связанности его регионов вновь актуализирует философию как знание о мире в целом. Кроме этого, в истории философии был период социальной актуализации философии, имеется в виду материалистическая диалектика, которая обосновывала перспективность справедливой производящей стратегии. Более подробно об этом пойдет речь в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Библия 2014 – Библия. М.: Российское библейское общество, 2014.
- Гегель 1974 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
- Гегель 1975 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975.
- Гегель 1977 – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.
- Гегель 1997 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997.
- Колычев 2005 – Колычев П.М. Понимание мифа. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 2005.
- Колычев 2023 – Колычев П.М. Культурология: происхождение магии как предтечи религии. СПб.: ГУАП, 2023.
- Петрухин 2005 – Петрухин В.Я. Мифы о сотворении мира. М.: Астрель: АСТ: ЛЮКС, 2005.
- Платон 2007 – Платон. Тимей // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 495–588.
- Попов, Сергеев web – Попов С., Сергеев А. Дэвид Гросс: «Держу пари, что суперсимметрия будет открыта» // https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430285
- Токарев 1990 – Токарев С.А. Сущность и происхождение магии // Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. С. 404–506.
- Элкин 1994 – Элкин А.П. Австралийские аборигены // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1994. С. 128–178.

REFERENCES

- Bible*, 2014. Moscow, Rossijskoe biblejskoe obshchestvo.
- Gegel G.V.F., 1974. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic*. Moscow, Mysl Publ.
- Gegel G.V.F., 1975. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of Nature*. Moscow, Mysl Publ.
- Gegel G.V.F., 1977. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of Spirit*. Moscow, Mysl Publ.
- Gegel G.V.F., 1997. *Science of Logic*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Kolychev P.M., 2005. *Understanding the Myth*. Saint Petersburg, Izd-vo SPb GU.
- Kolychev P.M., 2023. *Culturology: The Origin of Magic as the Forerunner of Religion*. Saint Petersburg, GUAP.
- Petruhin V.Ya., 2005. *Myths About the Creation of the World*. Moscow, Astrkl Publ., AST Publ., LYuKS Publ.
- Platon, 2007. *Timaeus. Platon. Works in Four Volumes. Vol. 3. Part 1*. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, pp. 495-588.
- Popov S., Sergeev A. *David Gross: "I Bet That Supersymmetry Will Be Discovered"*. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430285
- Tokarev S.A., 1990. *Essence and Origin of Magic*. Tokarev S.A. *Early Forms of Religion*. Moscow, Politizdat, pp. 404-506.
- Elkin A.P., 1994. *Australian Aborigines. Magic Crystal: Magic Through the Eyes of Scientists and Sorcerers*. Moscow, Respublika Publ., pp. 128-178.

Information About the Author

Petr M. Kolychev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Advertising and Modern Communications, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67A, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

Информация об авторе

Петр Михайлович Колычев, доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67А, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.9>

UDC 1(540):23
ЛБС 87.3(5Инд)3

Submitted: 25.03.2024
Accepted: 15.06.2024

**BUDDHIST EPISTEMOLOGICAL TURN AND MODERN NEUROPSYCHOLOGY:
REFLECTIONS ON THE BOOK BY V.G. LYSENKO
“INDIAN PHILOSOPHERS ON THE NATURE OF PERCEPTION”¹**

Tatiana S. Samarina

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is a review and reflection on V.G. Lysenko’s monograph, “Indian Philosophers on the Nature of Perception: Dignaga and His Opponents”, published in 2022. The article considers the specifics of publishing translations of philosophical texts as well as the features of Lysenko’s work. It is shown that her chosen path is the most original form of publishing philosophical classics. Despite the fact that the book is based on the translation of classical Buddhist treatises, the monograph presents a complex multidimensional reconstruction of the philosophical context of Indian discussions on the nature of cognition. It includes translations from Sanskrit of three treatises: The “Twenty Verses” by the founder of the Buddhist school, Yogachar Vasubandhu, and the works of his disciple, Dignaga, “The Study of the Subject of Cognition” and “A Set of Tools for Reliable Cognition”. In the first part, an excursion into Indian epistemology and Buddhist-Brahmanist polemics on perception issues is conducted. The second part focuses on historical and philosophical reconstructions of the context surrounding the issues raised in these treatises. The importance of a translator acting as a philosopher, creating a complex historical and philosophical reconstruction, and conducting a specialized study, the aim of which is to elucidate the meaning of a translated text, is stressed. However, shortcomings have also been identified, which can be divided into formal and substantial ones. The former include the disorganized structure of the publication and the repetition of individual passages from the text. The latter are related to addressing an extremely important issue of correlation between modern neuroscience and Buddhist thought.

Key words: Buddhism, Brahmanism, neuroscience, epistemology, cognition, philosophy of consciousness, Vasubandhu, Dignaga.

Citation. Samarina T.S. Buddhist Epistemological Turn and Modern Neuropsychology: Reflections on the Book by V.G. Lysenko “Indian Philosophers on the Nature of Perception”. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 75-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.9>

УДК 1(540):23
ББК 87.3(5Инд)3

Дата поступления статьи: 25.03.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

**БУДДИЙСКИЙ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ
И СОВРЕМЕННАЯ НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ
В.Г. ЛЫСЕНКО «ИНДИЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ О ПРИРОДЕ ВОСПРИЯТИЯ»¹**

Татьяна Сергеевна Самарина

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой рецензию-размышление над монографией В.Г. Лысенко «Индийские философы о природе восприятия: Дигнага и его оппоненты», вышедшей в 2022 г. в издательстве «Восточная литература». Рассматривается специфика издания переводов философских текстов и особенности монографии В.Г. Лысенко, показывается, что избранный ею путь является наиболее оригинальной формой издания философской классики. Несмотря на то что основу книги составляет перевод классических буддийских трактатов, монография является сложной многоплановой реконструкцией философского контекста развития индийских дискуссий о природе познания, в которую встроены переводы с санскрита трех трактатов: «Двадцатистишия» основателя буддистской школы йогачара Васубандху (IV в.) и трудов его ученика Дигнаги (480–540) «Исследование предмета познания» и «Свод инструментов достоверного познания». В первой ее части проводится экскурс в проблематику индийской эпистемологии и буддийско-брахманистской полемики по проблемам восприятия, здесь же даны переводы трактатов. Вторая часть посвящена историко-философским реконструкциям контекста поднятых в трактатах вопросов. Подчеркивается значимость того, что переводчик выступает как философ, создающий сложную историко-философскую реконструкцию и проводящий специальное исследование, целью которого становится прояснение смысла переведенного текста. Делается вывод, что книга представляет собой ценный вклад в изучение проблемы сознания в восточной философии. Несмотря на это выявляются и недостатки, разделяющиеся на формальные и содержательные. К формальным относится хаотичность композиции издания, повтор отдельных фрагментов текста. Содержательные связаны с затрагиванием чрезвычайно важной темы соотношения современных нейроисследований с достижениями буддийской мысли. В статье дается краткий экскурс в состояние исследований этой проблемы на западе и демонстрируется, что в монографии В.Г. Лысенко лишь намечены подходы к рассмотрению темы, но сами проблемы не получили должного развития.

Ключевые слова: буддизм, брахманизм, нейронауки, эпистемология, познание, философия сознания, Васубандху, Дигнага.

Цитирование. Самарина Т. С. Буддийский эпистемологический поворот и современная нейропсихология: размышления о книге В.Г. Лысенко «Индийские философы о природе восприятия» // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 75–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.9>

В современной российской традиции книгоиздания можно встретить два типа переводов классических философских трудов. Первый базируется на идее неприкосновенности оригинального текста – переводчик не дерзает комментировать ставший классическим труд, не стремится написать к нему предисловия или послесловия, редко (и всегда в сносках) поясняет свою специфику работы с текстом и обосновывает выбор тех или иных терминов. Второй тип идет по противоположному пути: в нем классический текст помещается в сложную интерпретативную систему, выстроенную переводчиком, обрамляется вступительными статьями, предисловиями и послесловиями, в которых рассматривается не только исторический контекст переводимого труда и биографические подробности его возникновения, но обсуждаются и возможные варианты перевода сложных мест, обосновываются предпочтительные и т. п. Книга Виктории Георгиевны Лысенко «Индийские философы о природе восприятия: Дигнага и его оппоненты» принадлежит как раз к последнему типу. Несмотря на то что ее основу со-

ставляет перевод классических буддийских трактатов, это сложная многоплановая реконструкция философского контекста развития индийских дискуссий о природе познания, в которую встроены переводы с санскрита трех трактатов: «Двадцатистишия» основателя буддистской школы йогачара Васубандху (IV в.) и трудов его ученика Дигнаги (480–540) «Исследование предмета познания» и «Свод инструментов достоверного познания». Предваряется текст введением, в котором доказывается, что Дигнага совершил в буддийской философии эпистемологический поворот, и раскрывается актуальность буддистского учения о сознании для современных когнитивных дискуссий. Основной текст разделен на две части. В первой проводится экскурс в проблематику индийской эпистемологии и буддийско-брахманистской полемики по проблемам восприятия, здесь же даны переводы трактатов. Вторая часть посвящена историко-философским реконструкциям контекста поднятых в трактатах вопросов. Завершает текст глоссарий внушительных объемов, в котором представлены все основные буддийские

и индуистские термины, понимание смысла которых необходимо для полноценного восприятия книги. Потребность многоплановой работы с переводимыми текстами обосновала сама переводчица: эпистемологическая и логическая традиция буддийской философии периода Васубандху-Дигнаги чрезвычайно сложна и «...бросает серьезный вызов интеллектуальным возможностям человека, особенно человека западной культуры, привыкшего к значительно меньшему разнообразию в своем интеллектуальном ландшафте и часто просто неготового погружаться в разверзающиеся перед ним бездны чужой традиции» [Лысенко 2022, 31]. Дело в том, что индийская философская мысль за сравнительно короткий срок, благодаря плюральному миру индийской религиозности, сумела создать огромное количество школ и традиций, различие в системах мысли которых значительно превосходит достаточно единое поле западной интеллектуальной жизни, сначала подчиненное греческой философской культуре, а затем христианской.

Обращение автора к Дигнаге и Васубандху вполне обосновано. Роль Дигнаги в буддистской и индийской философской традициях уникальна. В.Г. Лысенко несколько раз проводит параллель между Дигнагой и Кантом [Лысенко 2022, 35]. Оправданность сравнения подтверждена обширными экскурсами в историю индуистско-буддистской полемики. В.Г. Лысенко доказывает, что именно Дигнага стал первым индийским философом, направившим философскую рефлексию на инструментарий познания, поставив задачу критики неэффективных инструментов познания с целью выработки новой наиболее оптимальной эпистемологической системы. Поскольку вся традиция индийской мысли полемична, то Дигнага не просто излагал свой вариант эпистемологии, он делал это через полемику с существующими до него философскими традициями, прежде всего с индуистскими. Именно его критика стимулировала индийскую мысль к усиленной рефлексии над проблемами познания, катализировав процессы образования новых философских традиций как в буддизме, так и в индуизме. Фактически все авторы после Дигнаги вынужденно отвечали на его критику, что привело к выделению двух

стадий в процессе восприятия: неконцептуализирующей и концептуализирующей. Второй уникальной особенностью Дигнаги представляется его философичность по преимуществу. В стремлении к разработке проблем эпистемологии он столь углубился в рефлексию, что почти ничего не писал о религиозных вопросах, эта особенность его текстов даже заставила некоторых классиков буддологии считать Дигнагу самым арелигиозным философом буддийской традиции. Так, Эдвард Конзе расценивал увлечение проблемами логики и эпистемологии противоположным самому духу буддизма и лишь из необходимости учета исторического контекста вынужден был ссылаться на труды Дигнаги и его школы. Заметим, что совмещение в книге В.Г. Лысенко трактатов Васубандху и Дигнаги свидетельствует в пользу такой оценки. Текст Васубандху религиозен и строится вокруг разрешения эпистемологических проблем, которые имеют первостепенное значение для буддийской космологии, Дигнага же пишет только о познании, и лишь вступительная фраза, в которой он отдает дань уважения всем буддам и бодхисатвам, придает его сообщению некоторую связь с религиозной традицией.

Сами переводы трактатов выполнены очень тщательно, для них использовались последние санскритские реконструкции, сделанные ведущими западными специалистами. Текст сопоставлялся с существующими вариантами перевода на китайский, тибетский, французский, английский, немецкий языки. Для уточнения смысла трактата Васубандху автор прослушала курс лекций в Пунском университете в Индии, а для перевода второго трактата Дигнаги работала в Центральном университете тибетских исследований, где читала его вместе с тибетским монахом. Кроме того, во время работы над переводом автор стажировалась в мировом центре изучения буддийской эпистемологии в Вене. Такой основательный подход обусловлен тем, что буддистская проблематика сознания чрезвычайно сложна и тексты первоисточника почти невозможно понять без разъясняющего комментария.

В рассматриваемой книге полностью новым является перевод трактата Дигнаги «Свод инструментов достоверного познания»,

другой его трактат, как и текст Васубандху, уже переводился В.Г. Лысенко в 2008 году. Для нового издания старые переводы были сверены с оригиналом и отредактированы в свете современных достижений в буддологии. Особенности перевода специально обсуждаются во введении к книге, там же дается краткий экскурс в вариативность понимания ключевых для проблемы сознания терминов, обосновывается авторский вариант их перевода.

Основная часть книги посвящена не переводам, а реконструкциям, поскольку до нас дошли лишь крупницы информации о том круге текстов, с которым работал Дигнага. Автором-переводчиком проводятся детальные экскурсии в философию индуистских школ: ньяи, вайшешики, санкхьи, мимансы. Каждый из этих экскурсов представляет собой небольшое высокопрофессиональное исследование, для которого привлекаются первоисточники этих школ, что почти всегда требует непростой идентификации фрагментов полемики и их критического анализа. Фактически объект критики Дигнаги постоянно воссоздается на основании разрозненных свидетельств. В ходе исследования тексты Дигнаги не только помещаются в исторический контекст с целью подтверждения мысли о том, что Дигнага стал инициатором эпистемологического поворота в буддийской философии, но и прослеживается его роль в последующей буддистской традиции. Помимо обширной реконструкторской работы в текстах второй части поднимаются ключевые философские вопросы, касающиеся природы и механизмов восприятия и познания, дается содержательный анализ их осмысления в индуизме и буддизме.

Очевидно, что издание выполнено на высоком профессиональном уровне и не имеет аналогов в России. Но можно указать на некоторые минусы.

Во введении автор ставит перед собой две цели: 1) «познакомить российских философов и заинтересованных нейрочелюв с проблематикой индийских классических теорий восприятия, чтобы расширить горизонты их философской эрудиции, обогатить “базу данных”, которую они могут задействовать для создания своих теорий»; 2) «ввести в научный оборот санскритские тексты по проблемам восприятия, которые до сих пор не переводились

на русский язык, а также привлечь внимание к современным зарубежным исследованиям этих текстов, малоизвестным в России» [Лысенко 2022, 9]. Представляется, что вторая цель была успешно достигнута, но по поводу первой цели можно высказать некоторые сомнения.

Знакомство неиндологической публики с дискуссиями о философии познания предполагает популяризацию, о чем говорит и автор книги, замечая, что ее «первая задача – это фактически популяризация, нацеленная на преодоление барьеров узкой специализации» [Лысенко 2022, 9]. Для решения этой задачи текст должен легко восприниматься и читаться. Книга написана хорошим стилем, но ее композиция затрудняет чтение. Вводная часть резко обрывается, тексты переводов появляются без переходов и вводных комментариев так, что неясно, когда, кем и почему написаны трактаты. Вторая часть как бы дублирует структуру первой: каждому переведенному трактату посвящается отдельная глава, в которой на этот раз даются краткие биографии Васубандху и Дигнаги и указываются исторические условия написания трактатов. Вновь, но уже основательнее разбирается проблема познания в эпоху написания текстов, затем идет медленное чтение каждого текста, представляющее собой развернутый и снабженный разнообразными экскурсами комментариев к переведенным и уже кратко откомментированным в первой части трактатам. Воспринимается такая композиция достаточно тяжело, складывается ощущение, что несколько раз читаешь текст с одним и тем же содержанием. Структурирование материала, таким образом, с неизбежностью приводит к буквальным повторам. Например, описание типичной оптической иллюзии раздвоенной луны впервые появляется в комментарии к переводу трактата Васубандху [Лысенко 2022, 145], потом дословно воспроизводится в тексте второй части два раза [Лысенко 2022, 252, 322]. Есть и другие подобные повторы, например, про буддийскую космографическую систему текст впервые появляется на странице 75, затем повторяется на странице 212 и еще раз воспроизводится уже в глоссарии – страница 559. Не совсем понятно, чем обусловлена такая композиция книги, не вернее ли

было убрать лишние повторы, совместив первую и вторую части, убрать подстрочный комментарий и ограничиться развернутым, идущим после трактата.

С содержательной стороны в тексте также не все удачно. В начале книги автор пишет, что «пытается показать, что некоторые идеи, к которым приходят индийские философы, могут быть представлены в терминах проблем, обсуждаемых сегодня учеными и философами-когнитивистами» [Лысенко 2022, 15]. Для этого в большей части введения разбираются вопросы значимости буддийских теорий познания для современных нейронаук. В этой связи автор специально упоминает деятельность известного американского института «Ум и жизнь», учрежденного совместно с Далай-ламой. Подобные рассуждения есть и в заключении к книге, но основная часть почти полностью лишена отсылок к современным исследованиям в этих сферах. В ней автор иногда упоминает о близости отдельных идей Дигнаги современным теориям восприятия и нейроисследованиям, но никакого анализа и тем более сопоставления не проводится, все ограничивается лишь констатацией возможно существующей схожести. Текст не позволяет оценить, может ли такое сопоставление быть в принципе осуществлено.

Здесь стоит сделать отступление. Обращение В.Г. Лысенко к сопоставлению буддийской традиции с современными нейропсихологическими исследованиями можно только приветствовать. Недаром она начинается книгу с предисловия, в котором рассказывает, какой эффект у российских нейропсихологов вызывали ее выступления начала 2000-х, когда она продемонстрировала близость современных открытий нейронной структуры мозга с буддийской философской традицией. Возможно, благодаря советскому наследию российские психофизиологи с большим подозрением смотрят на сопоставления подобного рода, видя в них разновидность Нью Эйдж. На Западе же само развитие нейронаук шло рука об руку с исследованием эффекта медитаций. В этом плане институт «Ум и жизнь» стал уникальной организацией, основанной при сотрудничестве антрополога и нейропсихолога Франсиско Варелы и Далай-ламы. Долгое время институт играл большую

роль в продвижении и спонсировании проектов, стоящих на границе исследований мозга и религии. Достижения выходцев из его кругов хорошо заметны в мировом масштабе. Нынешняя мода на осознанность, сопряженная с солидной базой экспериментов, подтверждающих ее нейропсихологический эффект, – прямое следствие исследований «Ума и жизни». Вообще на Западе тема соотношения нейропсихологических открытий и восточной религиозности уже прошла пиковую фазу популярности и сейчас становится предметом сложной научной рефлексии, ставящей вопросы не только о возможности соотношения достижений естественных наук и концепций религиозной философии, но и о границах нейропсихологических исследований, их достижениях и провалах, о проблеме конструирования психиатрических и психологических категорий, о культурной обусловленности психических состояний и т. п.² В этом плане рецензируемый труд делает шаг в верном направлении, но, к сожалению, не развивает заявленную тему.

Близкая ситуация и с обещанием во введении к книге показать, что буддийская философская мысль пришла ко многим значимым открытиям в сфере познания до западной философии. В основном тексте эти утверждения сводятся к редким параллелям между философией Дигнаги и Кантом, философией Васубандху, Оккамом и Декартом, при этом ни одна из этих параллелей не раскрывается подробно, они выполняют иллюстративную, а не аналитическую функцию.

Не совсем верным представляется и убеждение В.Г. Лысенко в безрелигиозности современной аналитической философии. Для иллюстрации процитируем ее слова: «...аналитическая философия с ее “фирменным” сциентизмом (позитивизмом) и жесткой цензурой по отношению к любым религиозным и метафизическим темам наиболее упорно сопротивляется открытию иных культурных горизонтов» [Лысенко 2022, 8]. Эти утверждения идут вразрез с богатой традицией христианской аналитической философии, насчитывающей уже не одно десятилетие, традицией, в рамках которой было изучено немало эпистемологических и логических проблем, имеющих общенаучное значение.

Несмотря на отмеченные недоработки, книга В.Г. Лысенко «Индийские философы о природе восприятия: Дигнага и его оппоненты» является интересной формой работы с переводом классического философского текста. Фактически переводчик здесь выступает как философ, создающий сложную историко-философскую реконструкцию и проводящий специальное исследование, целью которого становится прояснение смысла переведенного текста. Масштаб затрагиваемых проблем, широта вовлеченных в проблематику трактатов школ и традиций показывают сложность и многообразие индийской философии. Поэтому труд В.Г. Лысенко можно рекомендовать всем интересующимся темой индийской и буддийской философии, для неспециалиста он может восприниматься сравнительно нелегко, но усилия, затраченные на освоение сложного материала, окупаются новым видением эпистемологической проблематики и расширением знаний об индийской культуре мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рецензия на книгу: [Лысенко 2022].

² Среди основных работ по теме, вышедших в последние годы, см.: [McMahan, Braun (eds.) 2017; Helderman 2019; McMahan 2023].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лысенко 2022 – *Лысенко В.Г.* Индийские философы о природе восприятия: Дигнага и его оппоненты. М.: Наука, 2022. 598 с.
- Helderman 2019 – *Helderman I.* Prescribing the Dharma: Psychotherapists, Buddhist Traditions, and Defining Religion. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2019.
- McMahan 2023 – *McMahan D.L.* Rethinking Meditation: Buddhist Meditative Practice in Ancient and Modern Worlds. New York: Oxford University Press, 2023.
- McMahan, Braun (eds.) 2017 – McMahan D.L., Braun E. (eds.). Meditation, Buddhism, and Science. N. Y.: Oxford University Press, 2017.

REFERENCES

- Lysenko V.G., 2022. *Indian Philosophers on the Nature of Perception: Dignaga and His Opponents*. Moscow, Nauka Publ. 598 p.
- Helderman I., 2019. *Prescribing the Dharma: Psychotherapists, Buddhist Traditions, and Defining Religion*. Chapel Hill, University of North Carolina Press.
- McMahan D.L., 2023. *Rethinking Meditation: Buddhist Meditative Practice in Ancient and Modern Worlds*. New York, Oxford University Press.
- McMahan D.L., Braun E. (eds.), 2017. *Meditation, Buddhism, and Science*. New York, Oxford University Press.

Information About the Author

Tatiana S. Samarina, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St, 12, Bld. 1, 109240 Moscow, Russian Federation, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Самарина, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

www.volsu.ru

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

UDC 316.42

LBC 60.524

Submitted: 15.05.2024

Accepted: 15.06.2024

FORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIOLOGY: INTERVIEW WITH PROFESSOR VLADIMIR KOZLOVSKIY

Vladimir V. Kozlovskiy

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. We had a conversation with Vladimir Kozlovskiy in April 2024, coinciding with the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Vladimir Kozlovskiy is a Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Director of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS), Head of the Department of Sociology of Culture and Communication, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, and Chief Co-Editor of the Journal of Sociology and Social Anthropology. During the interview, the influence of culture and social processes on the development and institutionalization of Russian sociology was discussed. Vladimir Kozlovskiy is one of the leading experts in the field of the history of sociology and was awarded the II-class Medal of the Order “For Merit to the Fatherland”; he is the Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation. His studies of civilizational development models of modern societies have made a great contribution to modern sociology. The relevance of research conducted under the leadership of Vladimir Kozlovskiy is especially high in the context of the modern development of Russian society.

Key words: Russian Academy of Sciences, scientific school, history of sociology, modernization of Russian society, social processes, civilizational development.

Citation. Kozlovskiy V.V., Vasilieva E.N. Formation of Modern Russian Sociology: Interview with Professor Vladimir Kozlovskiy. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 81-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

УДК 316.42
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 15.05.2024

Дата принятия статьи: 15.06.2024

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ВЛАДИМИРОМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧЕМ КОЗЛОВСКИМ

Владимир Вячеславович Козловский

Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Екатерина Николаевна Васильева

Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Беседа с Владимиром Вячеславовичем Козловским, доктором философских наук, профессором, директором Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН), заведующим кафедрой социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), главным редактором «Журнала социологии и социальной антропологии» прошла в апреле 2024 г. и посвящена 300-летию Российской академии наук. В ходе интервью обсуждалось влияние культуры и социальных процессов на развитие, институционализацию отечественной социологии. Владимир Вячеславович является одним из ведущих специалистов в области истории социологии, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, является Почетным работником высшего образования РФ, его труды по исследованию моделей цивилизационного развития современных обществ внесли большой вклад в современную социологию. Актуальность исследований, проведенных под руководством В.В. Козловского, особенно высока в контексте современного развития российского общества.

Ключевые слова: Российская академия наук, научная школа, история социологии, модернизация российского общества, социальные процессы, цивилизационное развитие.

Цитирование. Козловский В. В., Васильева Е. Н. Становление современной российской социологии: интервью с профессором Владимиром Вячеславовичем Козловским // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 81–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.10>

Екатерина Николаевна Васильева: Уважаемый Владимир Вячеславович, в 2024 этом году мы празднуем юбилей – 300 лет Российской академии наук! Наверное, можно сказать, что социология институционализировалась в России не поступательно, а с некоторыми перерывами, обусловленными историческими событиями. Только в 1908 г. по личному разрешению Николая II на базе частного Психоневрологического института (руководитель академик В.М. Бехтерев) была открыта первая в России кафедра социологии. В октябре 1918 г. был организован Социобиблиографический институт. В 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований

Академии наук СССР (ИКСИ). Закономерно, что дисциплинарная матрица, исследовательские программы социологии существенно трансформировались. Скажите, пожалуйста, как менялось отечественная социологическая наука?

Владимир Вячеславович Козловский: Социология как таковая в России возникла не так давно, во второй половине XIX века. Целая плеяда имен известных социологов представляет историю становления различных направлений и школ социологии в России. Эта история знаменательна тем, что она развивалась в тесном сотрудничестве с европейскими и американскими социологами. До рево-

люции социология развивалась в различных публичных форматах, прежде всего в многочисленных журнальных и книжных публикациях, то есть вне академических стен, и гораздо реже в университетах. Институционально она была представлена прежде всего оригинальными статьями, переводами, рецензиями, дискуссиями, обсуждениями, мощным потоком разных материалов, собираемых официальными органами власти, в частности, Министерством народного просвещения и внутренних дел. Помимо этого, накапливались материалы различных экспедиций, например, по программе В.Н. Тенишева¹. В Российской академии наук, получившей это название в феврале 1917 г. (со времени учреждения в 1724 г. называвшаяся Императорская Санкт-Петербургская академия наук), социология появилась только лишь благодаря Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому, портрет его вы видите в моем кабинете СИ РАН в Санкт-Петербурге. Лаппо-Данилевский предложил создать социологический академический институт, однако воплотить идею в жизнь не удалось из-за его кончины в 1919 году. Он был одним из основателей вместе с Питиримом Александровичем Сорокиным в 1917 г. Русского социологического общества им. Максима Максимовича Ковалевского, скончавшегося 5 апреля 1916 года. Инициатором продвижения социологии в академической среде был П.А. Сорокин, по проекту которого и его усилиями в Петроградском университете в 1920 г. был создан факультет общественных наук. В 1922 г. Сорокин был изгнан из страны по решению властей, лично В.И. Ленина, разрешившего ему покинуть страну, иначе его судьба была иной.

Следует отметить, что социология в России в дореволюционный период долгое время не признавалась официальными органами государства. Немало известных социологов, таких как М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Н.И. Кареев и ряд других вынуждены были уехать за границу. Социология считалась общественно вредным учением, пропагандировавшим социалистические учения. Частично она была представлена в университетах, например, в курсах по праву Л.И. Петражицкого и курсах самообразования Н.И. Кареева (до его отъезда из России в 1899 г.). Социоло-

гические идеи обсуждались и постепенно проникали в интеллектуальную и общественную среду. Публично социология была активно представлена русскими учеными с 1901 г. в Русской высшей школе общественных наук в Париже. Лишь в 1905 г. по возвращении русских ученых в Россию в результате либеральных перемен первой русской революции была учреждена в 1908 г. первая кафедра социологии в частном Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева (1907). Социологическое образование и исследования стали продвигаться, но тем не менее очень тяжело. Таким образом, профессиональных социологов в царской России и в СССР не готовили.

Полноценная история российской и советской социологии, несмотря на многочисленные имеющиеся различные научные и учебные материалы, отсутствует. В частности, есть учебное пособие по истории русской социологии (1995 г.), подготовленное крупным историком социологии И.А. Голосенко с моим участием. В нем отражены имена и школы в аспекте развития позитивистского направления. На мой взгляд, история российской социологии может быть рассмотрена как широкое научное поле исследования спектра общественно значимых и актуальных проблем, для практического решения которых социологией предлагались различные проекты и программы.

Сложившаяся у меня концепция и накопленные материалы направлены именно на раскрытие роли и места социологии в проблематизации и проектировании развития российского общества. Сложность подобной задачи состоит в определении и обосновании разными школами и социологами различных ключевых проблем общества на протяжении драматической, даже трагической российской истории. На основе истории социологических моделей и проектов решения фундаментальных проблем российского общества по-иному предстает и сама социальная история страны. В начале XXI столетия российский социум столкнулся с фундаментальными вопросами существования и выбора пути развития. Ответов готовых нет. Например, ответ на вопрос о роли личности, данный еще во второй половине XIX в. представителями целого направления субъективной школы –

Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, С.Н. Южаков – едва ли устроит нас сегодня. Они полагали ведущей силой в изменении России критическую личность, критически мыслящих людей, героев, творцов истории и культуры. Ни власть, ни экономика, ни право, ничто иное как критически мыслящие личности, к которым была причислена интеллигенция, революционеры-демократы, просвещающие и направляющие народ к светлому будущему, способны вести русское общество к прогрессу. После установления советской власти в 1922 г. социология имела возможности для утверждения и развития, однако установилась идеологическая монополия коммунистической партии на общественные науки в духе марксистско-ленинского и сталинского понимания, закрывшего другие варианты развития социологии.

Е.Н.: Как Вы считаете, в связи с чем социология в этот период и позже воспринималась властью неоднозначно?

В.В.: Социология – это социальное самопознание и познание общества, настроений, мнений, структурных перемен, движений, перспектив и трудностей развития. Благодаря социологии есть шанс знать реальную ситуацию в расстановке общественных сил, готовность разных слоев общества к предлагаемым органами государственной и партийной власти жизненно важным реформам, программам и проектам. Осторожное отношение к социологическим исследованиям проявлялось и проявляется не только представителями власти, но и на административном, экономическом, хозяйственном уровнях. Примером может служить мой опыт изучения трудовых конфликтов на одном из ведущих современных предприятий индустрии строительных материалов «КНАУФ» в 1997–1998 годах. Реакция на предложение провести анкетный опрос на предприятии была весьма неоднозначной и даже негативной: «Своим опросом вы у нас можете возбудить интерес к конфликтам и спровоцировать их». Пришлось переформулировать цель опроса в социологическое изучение трудовых отношений, условий труда, настроений, морального климата и т. п. С трудом удалось убедить руководство предприятия в нейтральности проекта и отсутствии причин для беспокойства по поводу

возможного разжигания конфликтности. Таким было отношение руководства компании к социологическому исследованию 25 лет назад, поскольку оно считало, что допускать социологов на предприятие чревато негативными последствиями. Для социолога такие оценки и установки представителей бизнеса представляются странными предубеждениями. Тем более они характерны для представителей разных уровней власти и управления, которые сами создавали социологические службы для отслеживания текущих проблем. Публичная социология в силу возможного информационного воздействия на общественное мнение была у государственной власти в зоне внимания и контроля. Стоит подчеркнуть, что официально социология в СССР была допущена по решению Центрального комитета КПСС в 1989 г.², то есть 35 лет назад. Для полутора столетней науки это весьма симптоматичный факт признания обществом и государством.

Е.Н.: Даже 1968 год нельзя назвать годом легализации социологии?

В.В.: Легализация социологии как науки происходила не просто. В 1965 г. в Ленинградском госуниверситете (ЛГУ) был учрежден научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), в задачи которого входило широкое изучение человека, его поведения, социальной среды методами социогуманитарных и естественных наук. В 1968 г. существовавший в Институте философии АН СССР отдел конкретных социологических исследований был преобразован в Институт конкретных социальных исследований АН СССР.

Этому предшествовало смягчение отношения партийно-государственного аппарата к социологии во второй половине 1950-х гг., то есть после критики культа личности, начало оттепели. Советские ученые, в частности, ныне здравствующий Геннадий Васильевич Осипов, и другие получили возможности ездить на международные социологические конгрессы и представлять советскую социологию. В 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация (ССА). Ведущую роль в трансляции и продвижении достижений зарубежной социологии в СССР сыграли Владимир Александрович Ядов, Игорь Семено-

вич Кон, которые побывали на заграничных стажировках и смогли как положено в советское время в критическом ключе представить западную социологию. Стали доступны контакты с представителями американской и западноевропейской социологии, например, с российско-американским социологом П.А. Сорокиным, которого, к сожалению, не пустили в страну, несмотря на его неоднократные просьбы. Между тем как один из лидеров американской социологии, Толкотт Парсонс, приезжал в Советский Союз.

Позднее, в 1960–1970-е гг. стали создаваться социологические лаборатории, группы, при партийных органах и на крупных предприятиях. Сформировалась промышленная, производственная, заводская социология, которая бурно развивалась. В начале 1970-х гг. активно проходило изучение социальной структуры общества, примером чего на моем столе является солидный том отчета около 800 страниц об изменяющейся социальной структуре в городах советского общества. Этот обстоятельный отчет о проведенном исследовании социальной структуры городов под руководством одного из основоположников советской социологии О.И. Шкаратана выполнен в 1976 году. По его словам, он сам создавал инструментарий и проводил данное исследование независимо от западных методик и методологий. Исследования классической тематики социальной структуры постепенно расширялись, но до ключевой проблематики социального неравенства было еще далеко. Отраслевая и эмпирическая социология в Советском Союзе постепенно набирала силу.

Российская социология в XXI в. обрела новое дыхание после создания Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2017 г. под руководством академика Михаила Константиновича Горшкова. В 2023 г. отмечали 55 Институту социологии ФНИСЦ РАН, вошедшего в него в качестве обособленного подразделения. Социологический институт РАН, находящийся в Санкт-Петербурге, вошел в состав ФНИСЦ РАН в качестве филиала. В него входят еще три института: Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт социально-эко-

номических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, и несколько региональных филиалов: Западно-Сибирский, Крымский, Приволжский, Северо-Кавказский, Южно-Российский³. Таким образом, процесс легализации социологии в постсоветский период привел к созданию мощного профессионального центра, в котором ведутся исследования по важнейшей социологической тематике.

Е.Н.: Вы являетесь ведущим специалистом по истории отечественной социологии, у Вас были публикации по ленинградской мозаике советской социологии...⁴

В.В.: Это интересный вопрос об истоках и местах формирования советской социологии. Во многих публикациях про ленинградскую школу отмечается, что ленинградская школа – это школа В.А. Ядова. Вместе с тем есть основания полагать, что ленинградскую школу представляют, может быть, не столь именитые, но известные внесшие вклад в развитие социологии ученые: А.О. Бороноев, А.А. Галактионов, С.И. Голод, И.А. Голосенко, А.Г. Здравомыслов, В.Я. Ельмеев, И.С. Кон, В.И. Клушин, О.И. Шкаратан и ряд других. Не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах СССР, Свердловске, Уфе, Перми, Казани, Киеве, Минске активно развивались разные весьма продуктивные направления социологических исследований. Таков был значимый период советской социологии, в котором, казалось бы, ничего не предвещало будущего распада страны. Однако отечественным социологам не удалось усмотреть грядущий кризис советского общества, предвидеть новые вызовы и пути развития.

Профессионально историко-социологические изыскания у меня прошли в счастливом творческом союзе и дружбе с Игорем Анатольевичем Голосенко, который глубоко занимался историей русской социологии. Он изучал творчество и наследие П.А. Сорокина, с которым он переписывался в 1960-е годы. В своей докторской диссертации мне пришлось привлечь материалы по истории российской социологии, для обоснования тезиса об ангажированности дореволюционных отечественных социологов в решение аналитических и практических задач переустройства российского общества. Проективная функция рус-

ских социологов воплотилась в изучении ценностных оснований модернизации российского общества, тех оснований на которых совершалось и/или могло измениться российское общество и государство. Ключевое положение моего исследования состояло в утверждении, что все школы или направления в российской, русской, дореволюционной социологии были формулировали ценностную картину современного им общества и проект его укрепления или модернизации: либеральный, консервативный, либерально-консервативный, консервативно-либеральный, радикальный, включая марксистский, революционно-демократический, анархистский. Русская социология в отличие от западной, по справедливому суждению ряда исследователей, это вовлеченная в российскую действительность социология. Она направлена не только на описание, объяснение и понимание, но на преобразование, развитие – модернизацию общества.

Е.Н.: В чем специфика российской социологии?

В.В.: Выше я отметил особенность российской социологии, состоящую в укорененности в общественной и даже общественно-политической жизни, направленности на ее обустройство и преобразования. Можно выделить два аспекта. Во-первых, дореволюционная российская социология самостоятельна и оригинальна. Во-вторых, надо отметить особую гуманитарную нравственную сфокусированность российской социологии на изучении общественных проблем. Изучение общества – предмет множества социальных и гуманитарных наук, в том числе социологии. Есть обществоведение или обществознание. Есть природоведение и спектр его наук: биология, зоология, ботаника и т. д. Есть литература и есть литературоведение. Религия и религиоведение, но есть и теология. Следует различать социологию и обществоведение? Накопление научных знаний и популярных сведений об обществе, его сферах, аспектах, отраслях предлагает определенную картину, панораму, общее представление. Социология в отличие от обществознания нацелена на выявление целостности, причинных связей, зависимостей, закономерностей социального и социетального характера. Например, понимание структурных особенностей различных об-

ществ, взаимодействий и взаимоотношений разных слоев и групп.

Социология в России, начиная с 1860-х, а может и еще раньше с 1840-х гг., формировалась в рамках контовской, то есть позитивистской традиции. На данном факте настаивал И.А. Голосенко⁵, освещая позитивистскую канву русской социологии. В дискуссиях с ним мною был выделен более широкий спектр теоретико-методологического поля русских социологов, изучавших российское общество. Это были не только концепции О. Конта, Г. Спенсера и других социальных ученых, идеи которых активно обсуждались в журналах, в книгах, публицистике, о чем имеется обстоятельная библиография. Проводились обследования разных сословий и социальных групп, (дворянство, крестьянство, рабочие), социальных явлений (алкоголизм, бюрократия, быт, проституция), промышленности, сельского труда. Социология была как раз направлена не просто на какое-то освещение проблем, а на их глубокое изучение с целью решить отдельные важные вопросы общественной жизни, экономики, культуры и т. д. В этом проявлялась ее ангажированность и ответственность отечественных социологов за возможные решения социально значимых проблем. В позитивистской социологии европейского образца важнее дать картину, описание, оценки реальности. Российские социологи стремились помимо констатации положения вещей дать проективные ответы для разных социальных групп, как жить, в каком направлении менять человека и общество. Например, суть либеральной модели устройства общества состояла в определении прежде всего форм участия населения во власти: парламентаризм, республиканизм, отказ от сословности, земство, формы местной власти, выборность. В радикальной модели социологами народничества и марксизма отстаивалась идея устранения монархии, самодержавия, утверждения народоправства и т. д.

После революций 1917 г., уже в советский период, общественные науки (марксистская, марксистско-ленинская философия и ряд других) стали инструментами партийной, партийно-политической работы, идеологическими инструментами. Общественные науки были представлены такими академическими

учреждениями, как: Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), созданный позднее институт философии и другие институты РАН. Наряду с исследовательской частью их работы они занимались подготовкой идеологических документов для разработки программ и проектов партийно-государственного строительства социализма, экономического, хозяйственного, культурного развития, управления на разных уровнях. В середине 1980-х гг. общественные науки включились в обсуждение насущных вопросов перестройки советского общества. Реальная практика диктовала новые задачи, решение которых оказалось в ловушке идеологических догматических построений. К сожалению, теоретических и научно-аналитических ресурсов советской социологии было явно недостаточно для их решения. Социология была представлена в университетах, академических институтах и центрах, но ей предстояло пройти собственную перестройку в поисках новых теоретических оснований. Исторический материализм в качестве основы общесоциологической теории оказался мало пригоден для постижения новой общественной реальности, поскольку он был выстроен дисциплинарно и идейно под те самые критерии или принципы, которые предлагались партийно-идеологическим аппаратом КПСС.

Начавшийся в 1950–1970 гг. трансфер социального и гуманитарного знания в советскую обществоведческую среду, знакомство с западными социологиями под видом критики буржуазной социологии, буржуазной социальной науки, в частности через ИНИОНовские издания ⁶, оказали свое влияние на советских обществоведов. Доступными стали структурно-функциональный анализ, веберизм, феноменологические и другие концепции. Однако их применение к изучению советского общества требовало серьезных коррекций, поскольку они были выстроены на совершенно иной общественной реальности капиталистических стран. Ориентированная на реальность советского и российского общества теоретическая социология практически отсутствовала и очень слабо развивалась в рамках исторического материализма и социальной философии.

Социологическое образование возникло организационно в 1984 г. как отделение при-

кладной социологии на базе экономического факультета Ленинградского государственного университета. С 1989 г. оно стало параллельно развиваться в других городах Советского Союза, где сформировались социологические школы. Явочным порядком достаточно активно социология развивалась прежде всего в области эмпирических и прикладных исследований, в той или иной мере с использованием инструментария, методологии и концепций западной социологии.

В 1990-е гг. произошла экспансия социологического образования и социологических исследований. На них возлагались большие надежды в изучении новой России, новых вызовов и раскрытии перспектив российского общества. Контакты с западными социологами стали обычным делом. Они приезжали в Россию, проводили в Москве и других городах школы, семинары, дискуссии. Среди имен видных социологов М. Кастельс, Э. Гидденс, У. Бек и другие. Многие мои коллеги учились у них. Тогда же 1990-е гг. на факультет социологии СПбГУ по программе «Социология на немецком языке» и при поддержке ДААД и программы Темпус приезжали ведущие европейские, прежде всего немецкие социологи. Продвижение современной западной социологии, западных социологических учений М. Вебера, Н. Лумана, П. Бурдьё и многих других воспринималось как само собой разумеющееся международное научное сотрудничество. Активное применение западных теорий приветствовалось. Несколько моих аспирантов написали свои диссертации на основе социального конструктивизма в духе концепции Бурдьё. В настоящее время в условиях геополитического и ценностного противостояния России и западного мира назрел теоретико-методологический и даже мировоззренческий кризис. Российские социологи оказались своего рода заложниками западных концепций и теорий, с помощью которых изучалось российское общество. Подобная ситуация демонстрирует определенную растерянность отечественной социологии в поиске теоретических, методологических, концептуальных оснований исследований проблем российского общества. Базовым теоретическим инструментом для нас были западные концепты, включая марксизм, исторический материализм в его совет-

ском варианте. Коллизия современной российской социологии заключается в необходимости разобраться в реалиях своего общества с помощью теоретических подходов, сформулированных в ином социокультурном пространстве. Молчаливой предпосылкой данной дилеммы является убеждение и позиция, что западные концепции применяются, поскольку это некий опыт и результат изучения собственных обществ, сходных с российским. Однако в случае применения зарубежных теорий к изучению российского общества обнаруживается своего рода слепота, близорукость и поверхностность в понимании происходящих скрытых процессов и действий. Логос как природа своего общества, по сути, не поддается раскрытию и камуфлируется. Остается обществоведение и обществознание в виде накопления массива разнообразных сведений. Проблема адаптации привлеченного концептуального социологического инструментария не решается путем простого некритического привлечения в арсенал исследований иного общественного пространства. Требуется фундаментальная перенастройка всего понятийного аппарата, языка описаний, способов анализа, методов интерпретации и понимания реалий российского общества.

Тематика научно-исследовательских программ активно изучалась в Институте философии РАН в 1980-е гг. в русле философии науки, социальной философии и методологии научного знания. В социологии эта проблематика ушла на задний план. В частности, для меня аксиомой в изучении истории русской дореволюционной социологии было допущение, что социологическое наследие досоветских предшественников в социологии можно просто взять и применить к текущим процессам рубежа XX–XXI веков. Между тем дореволюционная российская социология была прекрасна и продуктивна в своих находках по отношению к обществу совсем иной эпохи. Была совершенно другая социальная структура, культура, религия, государство, повседневность, хотя какие-то черты и основы остались, безусловно – язык, культурные коды, стереотипы. Нынешнее российское общество – это кардинально иное общество, познание которого требует собственной концептуализации и теоретического постижения в усло-

виях нынешнего кризиса. При этом нельзя просто отказаться от собственных и зарубежных достижений в социологии, например, изолироваться от Запада, исключить западные концепции и обособленно от них создавать свои самобытные концепции социологии, которые могут оказаться периферийными и малопродуктивными. Такие концепты уже были в 1990–2000-е гг., к примеру, социология жизненных сил С.И. Григорьева, концепция служебно-домашней цивилизации П.И. Смирнова и ряд других. Есть немало попыток построить подобные теоретические конструкции. Но остается вопрос соответствия их реальности российского общества. В частности, концепция жизненных сил апеллирует к витальности народов России, но как ее научно замерять и оценить.

Конечно, в постсоветской социологии возникли концептуальные разработки, особенно в 1990-е годы. Т.И. Заславская руководила проектом «Куда идет Россия?» (Т.И. Заславская была председателем Международного симпозиума «Куда идет Россия?») в русле теоретических концепций в решении проблематики трансформации, транзита, модернизации российского общества. В дореволюционной России и Русском Зарубежье существовала христианская социология (С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) в попытках осознать и понять Россию как страну религиозную. В многоконфессиональной стране как Россия – это направление имеет узкую применимость. Теоретический багаж современной российской социологии скуден и требует существенных усилий.

Е.Н.: Российская академия наук сегодня позволяет укреплять поле российских исследований?

В.В.: Академия наук в России за 300 лет своей истории пережила необычную эволюцию. Она была создана как особое учреждение Академии наук с включенными в нее двумя учебными заведениями – университетом и гимназией. Среди ученых прежде всего были иностранцы, европейские ученые, российских ученых не было. Позже Михаил Васильевич Ломоносов боролся за включение русских ученых. Развитие императорской академии поддерживалось императором и правительством в течение последующих столетий,

в том числе особенно при Екатерине II. Академия наук существовала большей частью за счет приглашения именитых иностранных ученых. Вместе с тем весьма заслуженный русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев так и не стал академиком⁷. 8 февраля 2024 г. Российской академии наук исполняется 300 лет. Поддержка РАН со стороны Президента РФ В.В. Путина и правительства придает новое направление ее деятельности в качестве ведущего экспертного центра. В 2013 г. специально созданное ФАНО (Федеральное агентство научных организаций 2013–2018 гг.) упразднило экономическую, финансовую и хозяйственную самостоятельность академии. С 2018 г. РАН перешла в подчинение Министерству науки и высшего образования РФ. Произошла серьезная реорганизация РАН. Возникли новые интегральные научно-исследовательские центры, в частности, наш Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН), который объединил московские институты, наш институт региональные филиалы.

Е.Н.: Расскажите, пожалуйста, какие социологические проблемы сегодня наиболее обсуждаемы научными школами СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН?

В.В.: Социологический институт РАН в 2024 г. работает по трем государственным заданиям Министерства науки и высшего образования РФ: 1) «Властно-гражданские отношения в процессах стабилизации и трансформации социального порядка в современной России», включает два подпроекта (руководители Александр Владимирович Дука, Елена Валерьевна Тыканова); 2) «Культурные и институциональные основания социального структурирования и воспроизводства населения в современной России» включает два подпроекта (руководители чл.-корр. РАН Ирина Ильинична Елисеева, Нина Львовна Русинова); 3) «Механизмы цивилизационных изменений российского общества в условиях глобальных и локальных трансформаций современности» (руководитель В.В. Козловский). СИ РАН имел несколько государственных заданий, теперь только три. Бюджетное финансирование привязано к выполнению госзаданий. Помимо обязательных планов по госзаданию сотрудники нашего института пишут заявки на кон-

курсы РФФИ и нередко получают гранты. Среди полученных грантов есть разные исследовательские проекты: по городской тематике («Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий»); о старении («Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности»); исследование Республики Алтай («Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания»); социально-философский проект – Византийский ренессанс («Византийский Ренессанс: институциональные основания и теолого-метафизические истоки религиозно-политического дискурса второй половины XI–XV вв.»), по цивилизационной теме («Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества»).

Последний проект по проблематике цивилизационного анализа российского общества представляет собой одно из ключевых направлений исследований СИ РАН. В феврале 2024 г. я изложил на заседании Ученого совета ФНИСЦ РАН результаты наших работ по данной тематике. Цивилизационный анализ современных обществ в течение последних пятнадцати лет стал приоритетной темой исследований сектора истории российской социологии. В силу разных причин поворот к цивилизационной тематике произошел у меня и моих коллег в ходе исследований истории российской социологии, в которой этот вектор постепенно становился одним из ведущих. В моих научных исканиях шло движение от темы социальной справедливости к проблематике модернизации российского общества. Были размышления как возможно переустроить советское и постсоветское общество на пути модернизации, либерализации, приватизации, капитализма и рынка. Казалось, что рыночные отношения позволят гражданам России, элитам выстроить желаемое «хорошее» общество. Эйфория приобретаемой в либерально устроенном обществе свободы миновала, цена социального, экономического и культурного переворота оказалась слишком высокой.

Годы после перестройки – это неременный предмет и поле изучения радикальных перемен российского общества, цивилизаци-

онного выбора развития. Модернизация общества в социально-структурном аспекте свелась к стратификационной трансформации, к социальной поляризации, социальному неравенству. Вопросов к социологам накопилось существенно больше, чем раньше. Они вынуждены направить свое внимание на изучение животрепещущих социальных проблем общества

Е.Н.: В Российском научном фонде есть целое направление грантовой поддержки междисциплинарных исследований, это актуально и востребовано. Какие направления междисциплинарных исследований сегодня, по Вашему мнению, возможны? Проводятся ли на базе СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН междисциплинарные исследования?

В.В.: У меня двойственное отношение к этому принципу междисциплинарности. Если есть объект и предмет социологического изучения, например, в нашем проекте это цивилизационный потенциал локальных территорий, регионов, местных сообществ на Северо-Западе РФ, который состоит из 11 областей и 2 республик. Задача выявить особенности цивилизационного уклада, цивилизационной идентичности, своеобразие этих локальных территорий на региональном и местном уровне. Богатство и своеобразие этих мест и сообществ требует комплексного целостного, а не междисциплинарного исследования. Проведенные нашей группой экспедиции по некоторым малым городам Северо-Запада: Архангельская, Вологодская, Ленинградская Калининградская области, Республика Карелия, дали крайне интересные результаты о многообразии местных территорий, экономической активности, промышленном и аграрном секторах, разной культурной жизни, миграционных настроениях, уникальном укладе и образе жизни жителей. Этот уклад включает множество качеств: трудовое, социальное, религиозное, поведение, разные привычки, повседневность и т. д. Дисциплинарно изучать это разнообразие означает дробить объект на части и потом соединять их. Требуется целостное изучение живого процесса социокультурной жизни, выстраивания и реализации людьми своих жизненных путей. Именно цивилизационный анализ позволяет объединить разнородные характеристики социума, соци-

альной структуры, культуры, институтов и акторов. В каждом местном сообществе, локальной территории люди совершенно по-разному ведут себя. Каждое местное сообщество, его представители, будучи патриотами, или не патриотами, сильно или слабо привязанными к месту развития, либо пестуют это место свое и свою жизнь, как это было и в России в разных регионах, либо мигрируют и уезжают. В этом существе цивилизационного анализа и взгляда на текущую жизнь глазами социолога. Речь идет не о метафизическом рассуждении о типе, смысле и кодах цивилизации, а о текущем цивилизационном своеобразии российского общества, о моделях цивилизационного развития современной России. Безусловно, есть российская или русская модель цивилизационного развития, встроенная в общемировой цивилизационный процесс. Это целостное видение с разных ракурсов, разных аспектов, поэтому здесь присутствует множественное цивилизационное измерение.

Мне думается, что изучение объекта в целостности, жизни людей с разных ракурсов, то вопроса о междисциплинарности даже не возникает. Нужен интегральный подход к объяснению живой ткани общественной жизни с учетом научных достижений разных наук. В междисциплинарности сложно найти органическую связку, слияние, поэтому необходимо найти обобщенные инструменты, которые бы включали в себя многие дисциплинарные видения – экономические, психологические, культурные. Таков, на мой взгляд социологически ориентированный цивилизационный подход в изучении и понимании современности российского общества.

Е.Н.: Вы были в экспедициях, какие методы Вы использовали для сбора данных?

В.В.: Были использованы стандартные методы сбора данных: наблюдения, биографические интервью, экспертные интервью, фокус-группы. В городе Сокол Вологодской области был проведен анкетный опрос на 600 респондентов. Все материалы обрабатываются и будут опубликованы. Сделаем по Северо-Западу, хочу эти материалы опубликовать. Осенью 2023 г. провели исследование (три фокус-группы и анкетный массовый опрос) в трех районах Калининградской области ($N = 600$). Исследования особенностей ци-

визационного развития российских регионов продолжаем.

Е.Н.: Какие задачи стоят перед современной российской социологией?

В.В.: Само определение российской социологии состоит в том, что необходимо искать концептуальные новые выходы и направления. Я не говорю, что цивилизационный подход единственный, но он по крайней мере позволяет целостным образом смотреть на то, что происходит. На ту реальность, что в нашей стране, на ту динамику, что происходит и на живую жизнь можно сказать, потому что можно отслеживать как люди сами формируют свой, если угодно, образ жизни, свои жизненные планы, траекторию, как реализуют. Но какая-то типологизация нужна, конечно, уникальности. Мы не можем каждого индивида через рентген снять цивилизационный, это невозможно. Но какая-то классификация, типология есть. Она неизбежна. Проблема в том, чтобы это, во-первых, понять, разобраться с этим, описать. И, соответственно, может быть спрогнозировать. Если мы разные модели выделяем как некие реальные способы существования и реализации собственных устремлений каких-то, установок, планов, то понятно, что если какой-то один из планов, одна из моделей доминирует, то мы получаем какое-то одностороннее сосуществование. Даже не сосуществование, а некое принуждение и подавление. А это опасно. Единство на чем основано? На признании чего-то общего. А что это общее? Как эту гармонию построить? Социология в этом смысле стремиться понять, как обустроить общество? Это все-таки задача серьезная. Поэтому, конечно, я что-то придумываю, откуда-то черпаю. Например, использую термин «полиморфизм цивилизационной идентичности», выступал с докладом на XXVI Международной конференции «Культура, личность, общество в эпоху перемен: новые вызовы, проблемы, перспективы» в рамках Уральского социологического форума к 100-летию Л.Н. Когана (17–18 марта 2023 г.).

Е.Н.: Сегодня не прекращаются дискуссии о том должна ли социология изучать фундаментальные проблемы по заказу властных структур или фундаментальная социологии возможна только без давления сверху, само-

стоятельно формулируя проблемное поле исследований. Как Вы считаете, каковы практики формирования современного социологического знания?

В.В.: Это очень сложный вопрос. Так как социология вглядывается, изучает общество, поэтому может получить какое-то видение общества. Соответствующее взглядам правящей элиты или нет, это вопрос. Если социология служит власти, то она теряет свою меру объективности, к сожалению. Почему? Потому что тогда вы под заказ работаете. В этом смысле государственное задание позволяет нам свободно изучать процессы, которые являются предметом нашего исследования, в рамках институтов РАН. Представители власти так или иначе пользуются интеллектуальными ресурсами, разработанными учеными. Не они сами выдумывают социологические понятия, проводят исследования, получают социологические результаты. Они пользуются плодами социологии, в том числе через своих консультантов, спичрайтеров и т. д. Раньше институт философии писал документы и тексты для ЦК КПСС. Сейчас действуют другие механизмы. По сути дела, речь идет о том, что на региональном уровне власти заказывают исследования, на федеральном уровне Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России) проводит свои социологические исследования и получает необходимую информацию о настроениях, о мнениях, позициях и т. д. Трудно сказать каково должно быть соотношение результативности и востребованности социологической продукции. Но если социология служит власти, тогда она, конечно, превращается в служанку, это известное дело. Как философия, как любое знание. Интеллектуальное видение требует некой свободы. Как государство влияет? Оно в данном случае, слава Богу, помогает. Например, обеспечивает финансовые и материальные ресурсы, образовательные учреждения – подготовку кадров.

Сегодня как никогда актуальна проблема качества социологического образования. Тридцать пять лет социологическому образованию в современной России. Кого и как оно готовит? Сопряжены ли рост социологических знаний, развитие социологических теорий, теоретического уровня социологии с прогрессом

в профессиональной подготовке социологов? Расширяется ли, углубляется ли наше понимание российского общества и взаимопонимание с другими обществами. Надежда на то, что мы, изучая свое общество, как современное общество, фактически даем некий новый инструмент и знания для продвижения в мировом социологическом сообществе и зарубежной общественности, в том числе европейским, китайским, японским, африканским исследователям, которые изучают современность своих обществ с помощью накопленного социологического арсенала. Поскольку мы все живем в современности, эта современность очень разная. Если концептуальные, какие-то новые вещи создавать, в том числе подтверждаемые эмпирически, то тогда может быть компаративистика. Компаративистика позволит нам знакомиться с тем, что там происходит. Компаративистика внутри России в том числе. Она как бы особый метод, а на самом деле целое направление научное. И проблема цивилизационная хорошо ложится. Существует даже Международное общество сравнительного изучения цивилизаций. Там все, не только социологи, мультидисциплинарность – историки, этнографы, лингвисты и т. д.

Книга «Российское общество: архитектура цивилизационного развития»⁸ попала в основной список курса «Основы российской государственности». Мы в ней размышляем о том цивилизационном развитии, которое я назвал архитектурой. Коллеги не возражали против данного имени и концепта. Что такое архитектура? Это построение, уклады жизни, поддерживающие уникальность и самостоятельность этих локальных территорий, местных сообществ как субъектов цивилизационного развития? Не оторванного от общероссийского цивилизационного пути, а уникального своего выражения и реализации этого пути. Это обогащает наше российское общество в своих проявлениях, самореализации, творчестве и повседневности. В этом проявляется единство, разнообразие и богатство

российского общества, обеспечивающие нам возможность полноценного существования и самореализации. Например, в стремлении решить в каком-то приближении проблему справедливости, справедливого устройства общества, которая является вечной острейшей повесткой современного российского общества. Отношения между властью, государством, обществом и социологией исторически складывались трудно. От социологии ожидается понимание мнений, помыслов, пружин и действий людей ради стабильности, благополучия и процветания большинства общества. Опора на результаты научных исследований, разных социальных и гуманитарных наук дает основания для относительно гармоничного решения текущих и долгосрочных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России / сост. князь В.Н. Тенишев. Смоленск, 1898.

² Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 15 и след.

³ Источник: <https://www.fnisc.ru>

⁴ Козловский В.В., Браславский Р.Г. Ленинградская мозаика советской социологии // Россия реформирующаяся. 2019. № 17. С. 61–82.

⁵ Голосенко И.А. Буржуазная социология в России на рубеже двух веков: дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1980. 286 с.

⁶ Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий: указ. лит. соц. стран Европы / АН СССР, ИНИОН; редкол.: Т.В. Владиславлева (отв. ред.) [и др.]. М.: [б. и.], 1977–1984.

⁷ Кудрина Ю.В. Развитие научных знаний в России в период царствования императора Александра III // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 5. С. 467–473.

⁸ Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 340 с.

Information About the Authors

Vladimir V. Kozlovskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Scientific Head, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Krasnoarmeyskaya St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, v.kozlovskiy@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Информация об авторах

Владимир Вячеславович Козловский, доктор философских наук, профессор, научный руководитель, Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, v.kozlovskiy@socinst.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4825-2640>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, к. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.11>

UDC 001.007:331.108.43(476)

LBC 72.6(4Бен)

Submitted: 15.05.2024

Accepted: 15.06.2024

**THE SYSTEM OF CERTIFICATION OF SCIENTIFIC
AND SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL WORKERS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS:
THE FORMATION OF ITS INSTITUTIONAL BASIS
AND DEVELOPMENT PROSPECTS¹**

Mikhail I. Artyukhin

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Ella M. Shchurok

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Siarhey A. Pushkevich

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the features of the formation of the institutional basis of the Belarusian certification system for scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualifications. It is shown that in many ways it has maintained continuity with the Soviet system of certification of scientific personnel and its basic principles. It is shown that, unlike Russia, where the Higher Attestation Commission is built into the state governing body – the Ministry of Science and Higher Education – and does not itself have this status, in Belarus the Higher Attestation Commission (hereinafter referred to as the HAC) is a republican government body subordinate to the President of the Republic of Belarus, pursuing an independent state policy and implementing the function of state regulation in the field of certification of highly qualified scientific and scientific-pedagogical workers. The article analyzes the dynamics of the number of academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences awarded annually by the Higher Attestation Commission of Belarus for the period 1994–2023, which showed that from 2010 to 2023. There has been a relative stabilization in the number of doctoral dissertation defenses annually approved by the Higher Attestation Commission and even a certain increase. At the same time, in the last decade there has been a sharp drop in the annual number of Candidate of Sciences degrees approved by the Higher Attestation Commission. The authors attribute this negative trend to the low efficiency of graduate school in terms of the rate at which graduate students defend their dissertations during the course of study, which over a long period of time amounts to an average of 5% of the annual output. The article shows that the existing sectoral structure of HAC-approved doctoral and candidate dissertations is far from optimal. This especially applies to the sectoral structure of candidate dissertations, where for a long time the prevalence of the share of social sciences and humanities has remained to the detriment of the natural and technical sciences. In this regard, it was concluded that the state order for training highly qualified scientific personnel, primarily in the field of technical sciences, and its target indicators for the near future should be adjusted.

Key words: Belarusian model of the system of certification of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualifications, Higher Attestation Commission, council for the defense of doctoral and candidate dissertations, academic degree of Doctor and Candidate of Sciences, the effectiveness of postgraduate and doctoral studies, sectoral structure of HAC-approved doctoral and candidate dissertations, state order for training highly qualified scientific personnel.

Citation. Artyukhin M.I., Shchurok E.M., Pushkevich S.A. The System of Certification of Scientific and Scientific-Pedagogical Workers in the Republic of Belarus: The Formation of Its Institutional Basis and Development Prospects. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 94-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.11>

**СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ
НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТАНОВЛЕНИЕ
ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹**

Михаил Иванович Артюхин

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Элла Михайловна Щурок

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Сергей Александрович Пушкевич

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассмотрены особенности формирования институциональной основы белорусской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Показано, что во многом она сохранила преемственность с советской системой аттестации научных кадров и ее базовыми принципами. Показано, что в отличие от России, где Высшая аттестационная комиссия встроена в государственный орган управления – Министерство науки и высшего образования и сама не имеет этого статуса, в Беларуси Высшая аттестационная комиссия (далее – ВАК) является подчиненным Президенту Республики Беларусь республиканским органом государственного управления, проводящим независимую государственную политику и реализующим функцию государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации. В статье проведен анализ динамики количества ежегодно присуждаемых ВАК ученых степеней доктора и кандидата наук за период 1994–2023 гг., который показал, что с 2010 по 2023 г. наблюдается относительная стабилизация числа ежегодно утверждаемых ВАК защит докторских диссертаций и даже определенный рост. Вместе с тем в последнее десятилетие отмечается резкое падение ежегодного числа утверждаемых ВАК ученых степеней кандидата наук. Авторы связывают этот негативный тренд с низкой эффективностью деятельности аспирантуры по показателю защиты аспирантами диссертаций в срок обучения, который в течение продолжительного времени составляет в среднем 5% от ежегодного выпуска. В статье показано, что существующая отраслевая структура утвержденных ВАК докторских и кандидатских диссертаций далека от оптимальной. Особенно это относится к отраслевой структуре кандидатских диссертаций, где на протяжении длительного времени сохраняется превалирование доли общественных и гуманитарных наук в ущерб естественным и техническим наукам. В этой связи сделан вывод о том, что государственный заказ на подготовку научных кадров высшей квалификации прежде всего в области технических наук и его целевые показатели на ближайшую перспективу должны быть скорректированы.

Ключевые слова: белорусская модель системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, Высшая аттестационная комиссия, совет по защите докторских и кандидатских диссертаций, ученая степень доктора и кандидата наук, эффективность деятельности аспирантуры и докторантуры, отраслевая структура утвержденных ВАК докторских и кандидатских диссертаций, государственный заказ на подготовку научных кадров высшей квалификации.

Цитирование. Артюхин М. И., Щурок Э. М., Пушкевич С. А. Система аттестации научных и научно-педагогических работников в Республике Беларусь: становление ее институциональной основы и перспективы развития // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 94–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.11>

Распад СССР повлек за собой дезинтеграцию общесоюзной системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. В новых независимых государствах началось формиро-

вание национальных органов аттестации с учетом базовых принципов, на которых строилась советская система аттестации научных работников высшей квалификации. Начальный этап формирования национальной системы

аттестации научных научно-педагогических работников высшей квалификации в Беларуси и ее институциональную основу определили постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18.09.1992 г. № 564 «О создании Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь» [Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992 г. № 564... web] и постановление Совета Министров Республики Беларусь № 563 от 18.09.1992 г. «О временном порядке присвоения ученых званий в Республике Беларусь» [Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992 г. № 563... web]. Эти нормативные документы наметили главные задачи Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК) по реализации государственной политики в области аттестации научных и научно-педагогических работников в части присуждения ученых степеней в переходный период, а также временный порядок присвоения ученых степеней и ученых званий в Республике Беларусь в переходный период.

В Беларуси по состоянию на конец 1992 г. действовали 129 (64 докторских и 65 кандидатских) специализированных советов по защите диссертаций [Гулько, Морозевич, Шаршунов 2003]. Перед Высшей аттестационной комиссией стояла задача осуществить координацию деятельности этих советов по защите диссертаций, а также научно-методическое обеспечение деятельности научно-исследовательских и высших учебных заведений в области аттестации научных и научно-педагогических работников с учетом приоритетных направлений развития научных исследований в суверенном государстве.

Поворотным нормативным документом для белорусской системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации стал Декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002 г. № 7 «О совершенствовании государственного управления в сфере науки», согласно которому Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь была наделена статусом и компетенциями республиканского органа государственного управления, проводящего государственную политику и реализующего функцию государственного регулирования в области

аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации. Особо было подчеркнуто, что ВАК подчиняется Президенту Республики Беларусь [Декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002... web].

Последующим шагом в становлении институциональной основы деятельности Высшей аттестационной комиссии стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 17.11.2004 № 560 «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий», в котором определены правовые основы и порядок присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий, признания иностранных документов о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, лишения (восстановления) ученых степеней и ученых званий, а также требования, предъявляемые к квалификационным научным работам (диссертациям) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук и соискателям ученых степеней и ученых званий, а также закреплено положение о том, что государственное регулирование в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации осуществляется Президентом Республики Беларусь и Высшей аттестационной комиссией. При этом акцентируется недопустимость вмешательства государственных органов, иных организаций, граждан, в том числе должностных лиц, в деятельность ВАК по вопросам, связанным с присуждением ученых степеней и присвоением ученых званий, признанием иностранных документов о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, лишением (восстановлением) ученых степеней и ученых званий [Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004... web].

Основополагающими нормативными правовыми актами, определяющими деятельность ВАК в настоящее время, являются Указ Президента Республики Беларусь от 16.10.2013 г. № 560 «О Высшей аттестационной комиссии» (в ред. от 23.06.2023 г. № 180), Положение о Высшей аттестационной комиссии (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 02.06.2022 г. № 190) и Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий (в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 23.06.2023 г. № 180).

Согласно этим правовым актам, Высшая аттестационная комиссия является подчиненным Президенту Республики Беларусь республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику и реализующим функцию государственного регулирования в области аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации. ВАК в своей деятельности руководствуется Конституцией Республики Беларусь, правовыми актами Президента Республики Беларусь, в том числе Положением о Высшей аттестационной комиссии и иными актами законодательства. ВАК независима при осуществлении своей деятельности по вопросам аттестации научных работников [Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013... web].

Основными задачами ВАК являются: обеспечение функционирования национальной системы аттестации научных работников; координация деятельности республиканских органов государственного управления, научных организаций, учреждений высшего образования, учреждений научно-ориентированного образования и учреждений дополнительного образования в области аттестации научных работников независимо от подчиненности этих организаций и учреждений; обеспечение единых требований к уровню научной и научно-педагогической квалификации соискателей ученых степеней и ученых званий; содействие повышению эффективности подготовки научных работников с учетом потребностей в них научно-производственной и социальной сфер; информирование Президента Республики Беларусь о состоянии и перспективах развития национальной системы аттестации научных работников; развитие международного сотрудничества в области аттестации научных работников.

ВАК в соответствии с возложенными на нее основными задачами осуществляет следующие функции: анализирует состояние и прогнозирует развитие национальной системы аттестации научных работников, принимает меры по ее совершенствованию; разрабатывает и утверждает номенклатуру специальностей научных работников Республики Беларусь и перечень специальностей, по которым присваиваются ученые звания в Респуб-

лике Беларусь; создает в установленном порядке советы по защите диссертаций, утверждает их состав, проводит их регистрацию, предоставляет им методическую помощь, осуществляет контроль за их деятельностью, приостанавливает или прекращает их деятельность; рассматривает в установленном порядке квалификационные научные работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, поступившие из советов по защите диссертаций; утверждает в установленном порядке решения советов по защите диссертаций о присуждении ученой степени кандидата наук либо отменяет их; присуждает в установленном порядке ученую степень доктора наук на основании ходатайств советов по защите диссертаций либо отклоняет эти ходатайства; присваивает в установленном порядке ученые звания доцента и профессора либо отклоняет ходатайства о присвоении соответствующих ученых званий; проводит в установленном порядке нострификацию документов о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, выданных аттестационными органами государств, с которыми Республикой Беларусь заключены договоры о признании и эквивалентности документов о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий; согласовывает вопросы открытия и прекращения подготовки по специальностям для получения научно-ориентированного образования [Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013... web].

В настоящее время в Беларуси сложилась достаточно эффективная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. Динамичное функционирование этой системы основано на сочетании деятельности ВАК как органа государственного управления, подчиненного непосредственно Главе государства, что обеспечивает независимость процедуры рассмотрения в ВАК диссертационных работ, и деятельности ее коллегиальных экспертных органов (экспертных советов, которые формируются с учетом предложений государственных органов, Национальной академии наук Беларуси, научных организаций, учреждений высшего и дополнительного образования). Экспертные советы создаются по отраслям науки или группам

специальностей соответствующей отрасли науки сроком на 4 года с последующим обновлением их состава не менее чем на одну четверть [Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013... web].

Основным звеном системы аттестации научных и научно-педагогических работников высшей квалификации являются советы по защите диссертаций, которые создаются при вузах и научных организациях. Эти специализированные научные советы проводят экспертизу представленных соискателями докторских и кандидатских диссертаций и их публичную защиту. По состоянию на 9 апреля 2024 г. в республике действовало 142 совета по защите диссертаций, из них 117 докторских советов и 25 кандидатских. В вузах страны функционировал 101 совет по защите диссертаций, из них 83 докторских и 18 кандидатских советов [Действующие в Республике Беларусь советы... web]. Доля вузовских советов по защита диссертаций составила 71,1 % от общего числа советов по республике, докторских (70,9 %) и кандидатских советов (72,0 %). Следует отметить, что за период 2010–2024 гг. количество советов по защите докторских диссертаций уменьшилось с 122 в 2010 г. до 117 в 2024 г., а советов по защите кандидатских диссертаций – с 45 до 25 [Действующие в Республике Беларусь советы... web].

За период 1994–2023 гг. ВАК присудила 1 906 соискателям докторскую степень и 14 291 соискателям – степень кандидата наук по всему спектру отраслей науки. Это весомый вклад в интеллектуальный потенциал белорусской нации. Об этом говорят данные Национального статистического комитета Беларуси, согласно которым по состоянию на 1 января 2022 г. численность остепененных высококвалифицированных специалистов, занятых в национальной экономике, составила 14 127 человек, из них 1844 доктора и 12 283 кандидата наук [Наука и инновационная деятельность... 2023, 59]. Как видим, основным источником восполнения и развития интеллектуального ресурса страны является национальная система подготовки и аттестации научных и научно-педагогических работников и специалистов высшей научной квалификации.

Анализ динамики количества ежегодно присуждаемых ВАК Беларуси ученых степе-

ней доктора и кандидата наук за период 1994–2023 гг. показывает, что в первое десятилетие деятельности ВАК с 1992 по 2001 г. наблюдался рост ежегодного числа утвержденных докторских и кандидатских диссертаций. Так, количество присужденных ВАК ученых степеней доктора наук выросло с 3 в 1994 г. до 117 в 2001 г., а кандидатских – с 43 до 603. В последующие годы с 2007 г. до 2018 г. ежегодное количество утвержденных кандидатских диссертаций в среднем составило 450–550 единиц, а докторских – от 45 до 50. В настоящее время ежегодная защита докторских диссертаций стабилизировалась на уровне от 40 до 50 единиц, а кандидатских – от 300 до 350 (см. рис. 1).

Анализ динамики числа присужденных ВАК докторских диссертаций показывает, что с 2010 по 2023 гг. наблюдается относительная стабилизация числа ежегодно утверждаемых ВАК защит докторских диссертаций и даже определенный рост. Так, в 2015 г. ВАК утвердил 48 докторских диссертаций, в 2018 г. – 50, в 2020 г. – 40, в 2022 г. – 48, в 2023 г. – 51. Этот положительный тренд явился следствием значительного роста численности республиканской докторантуры, наблюдаемого за период с 2012 по 2022 г. За этот период общая численность докторантов увеличилась в 3,2 раза и составила в 2022 г. 703 человека. Причем есть все предпосылки для того, чтобы этот тренд получил свое развитие и в последующие годы. Последнее свидетельствует о том, что результативность деятельности ВАК и его коллегиальных экспертных органов во многом зависит от состояния и эффективности национальной системы подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (в данном случае докторантуры), а также государственной кадровой политики в научно-образовательной сфере. В этом плане следует отметить Указ Президента Республики Беларусь от 18 октября 2019 г. № 386 «О стимулировании научной деятельности и совершенствовании оплаты труда», согласно которому с 1 сентября 2019 г. были почти в два раза увеличены размеры стипендий аспирантов и докторантов.

В последние годы наблюдается резкое падение ежегодного числа утверждаемых ВАК ученых степеней кандидата наук: в 2018 г. –

488, в 2020 г. – 307, в 2022 г. – 308, в 2023 г. – 293. Этот негативный тренд, по нашему мнению, явился следствием кумулятивного воздействия негативных факторов в деятельности республиканской аспирантуры на подготовку молодых кандидатов наук. Мониторинг деятельности республиканской аспирантуры показал, что значительное влияние на ее низкую эффективность оказывают следующие факторы: отсутствие должного контроля со стороны республиканских органов государственного управления за условиями реализации программ послевузовского образования в подчиненных им учреждениях образования и научных организациях; формальный подход к набору в аспирантуру, утверждению научных руководителей и тем диссертационных исследований в учреждениях послевузовского образования; недостаточная заинтересованность, в том числе материальная, докторов наук в осуществлении научного руководства диссертационными исследованиями, что ведет к отсутствию с их стороны действенного сопровождения и контроля над выполнением

аспирантами индивидуального плана работы; несформированная мотивация поступающих в аспирантуру и недостаточная преемственность в работе с одаренными учащимися на разных уровнях образования, что не позволяет эффективно использовать результаты их дипломных и магистерских исследований при подготовке диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата наук [Пальчик 2017]. Все эти факторы приводят к тому, что на протяжении десятилетий такой важный показатель результативности аспирантуры, как защита диссертации в срок обучения составляет в среднем 5 % от ежегодного выпуска. В результате с каждым годом уменьшается число представленных в советы по защите диссертаций квалификационных работ на кандидатскую степень и соответственно снижаются и аттестационные показатели ВАК. В этой связи назрела необходимость принятия на государственном уровне действенных мер, направленных на повышение эффективности республиканской аспирантуры.

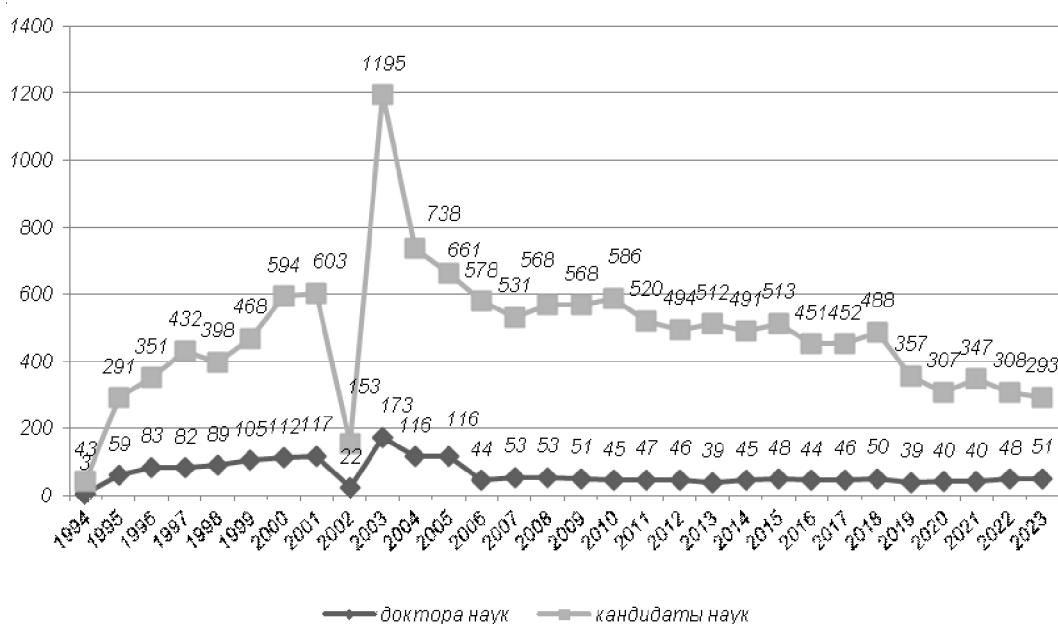

Рис. 1. Динамика количества присужденных ВАК Беларуси ученых степеней доктора и кандидата наук за период 1994–2023 годов

Примечание. Показатели, относящиеся к 2003 г., в связи с происходившей реорганизацией ВАК фактически относятся к 2-летнему периоду (2002–2003).

Источник: [Лесникович, Волотовский (ред.) 2001, 50; Матюшков, Войтов, Мясникович (ред.) 2006, 82; Войтов, Русецкий (ред.) 2011, 61; Шумилин, Гусаков (ред.) 2017, 95; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 94; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 120; Шумилин, Гусаков (ред.) 2020, 162; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 112; Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 123].

Негативные тенденции снижения числа защит кандидатских диссертаций наблюдались и по областям науки. Так, с 2010 г. по 2022 г. число защищенных кандидатских диссертаций по естественным наукам стабильно уменьшалось – с 131 до 43, или на 67,2 %, по техническим наукам – с 110 до 47, или на 57,3 %, по медицинским наукам – с 103 до 51, или на 50,5 %, по сельскохозяйственным наукам – с 47 до 12, или на 74,5 %, по общественным и гуманитарным наукам – с 192 до 109, или на 43,2 % (табл. 1).

За период 2010–2022 гг. наблюдался рост количества защищенных докторских диссертаций по двум группам отраслей науки: по естественным с 4 в 2010 г. до 8 в 2022 г., или в два раза, а также по общественным и гуманитарным – с 13 до 17, или на 30,8 %. По всем другим отраслям науки за этот период отмечен отрицательный тренд. Так, количество защищенных докторских диссертаций по тех-

ническим наукам сократилось с 7 до 4, или на 42,9 %, по медицинским наукам с 17 до 14, или на 17,6 %. Число ежегодных утвержденных ВАК докторских диссертаций в области сельскохозяйственных наук осталось на уровне 2010 г. – 4 диссертации (табл. 2).

Анализ показывает, что существующая отраслевая структура утвержденных ВАК докторских и кандидатских диссертаций далека от оптимальной. Особенно это относится к отраслевой структуре кандидатских диссертаций. Так, если в 2010 г. отраслевая структура кандидатских диссертаций в целом была достаточно сбалансированной по соотношению долей естественных, технических, медицинских, аграрных и гуманитарных наук, то к 2022 г. превалирование доли общественных и гуманитарных наук в ущерб естественным и техническим наукам стало очевидным – 41,3 % (см. рис. 2).

Таблица 1

Динамика утвержденных ученых степеней кандидата наук по отраслям науки за период 2010–2022 годов *

Отрасль науки	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Изменения за 2010–2022 гг.	
						ед.	%
Естественные	131	89	51	63	43	-88	-67,2
Технические	110	68	58	35	47	-63	-57,3
Медицинские	103	81	48	55	51	-52	-50,5
Сельскохозяйственные	47	32	14	23	12	-35	-74,5
Общественные и гуманитарные	192	164	102	138	109	-83	-43,2
Военные	3	4	1	1	2	-1	-33,3
Итого по республике	586	442	274	315	264	-322	-54,9

Примечание. * – без учета иностранных граждан.

Источник: [Войтов, Русецкий (ред.) 2011, 61; Шумилин, Гусаков (ред.) 2017, 113; Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 125; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 121–122; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96].

Таблица 2

Динамика утвержденных ВАК ученых степеней доктора наук по отраслям науки за период 2010–2022 годов *

Отрасль науки	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Изменения за 2010–2022 гг.	
						ед.	%
Естественные	4	8	3	9	8	+4	+100,0
Технические	7	9	3	4	4	-3	-42,9
Медицинские	17	12	16	8	14	-3	-17,6
Сельскохозяйственные	4	1	2	2	4	–	–
Общественные и гуманитарные	13	16	15	14	17	+4	+30,8
Военные	0	0	0	0	0	–	–
Итого по республике	45	46	39	37	47	+2	+4,4

Примечание. * – без учета иностранных граждан.

Источник: [Войтов, Русецкий (ред.) 2011, 61; Шумилин, Гусаков (ред.) 2017, 113; Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 125; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 121–122; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96].

За период 2010–2022 гг. в отраслевой структуре утвержденных ВАК ученых степеней доктора наук также наблюдались негативные тренды. Так, доля защищенных докторских диссертаций по техническим наукам сократилась в два раза с 15,6 до 8,5 %, по медицинским с 37,8 до 29,8 %, по сельскохозяйственным наукам с 8,9 до 8,5 %. Положительный рост доли защищенных кандидатских диссертаций за этот период отмечен только по естественным наукам с 8,9 % в 2010 г. до 17,0 % в 2022 г. (рис. 3).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что отраслевая структура докторских и кандидатских защит не в полной мере отвечает запросам ускоренного развития наукоемких отраслей национальной экономики и не способствует достижению технологического суверенитета. В этой связи государственный заказ на

подготовку научных кадров высшей квалификации прежде всего в области технических наук и его целевые показатели на ближайшую перспективу должны быть скорректированы.

Динамика распределения удельного веса утвержденных ВАК ученых степеней кандидата наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации, представлена в таблице 3.

Как следует из данных таблицы 3, из всех утвержденных в 2022 г. кандидатских диссертаций 84,2 % выполнены в организациях трех ведомств: Минобразования – 47,0 %, Минздрава – 22,0 % и НАН Беларуси – 15,2 %.

Анализ динамики распределения количества утвержденных ВАК ученых степеней кандидата наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены дис-

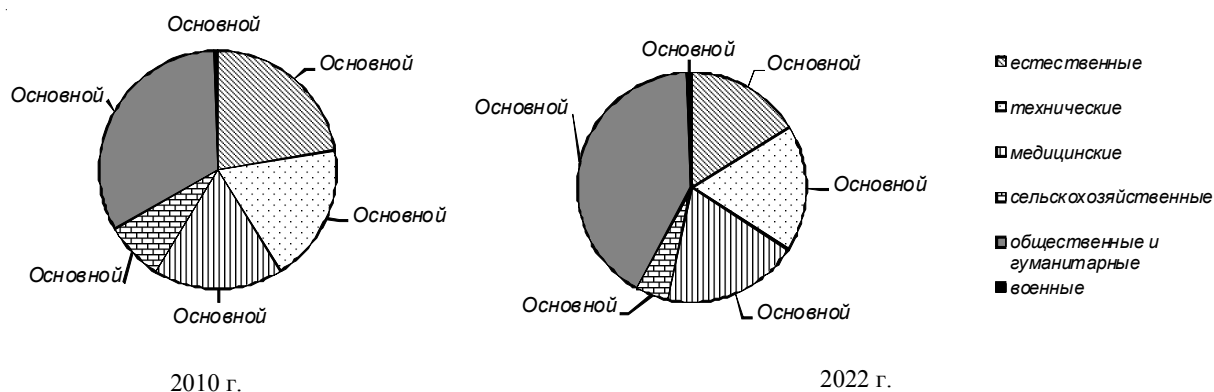

Рис. 2. Динамика отраслевой структуры утвержденных ВАК ученых степеней кандидата наук за период 2010–2022 годов

Примечание. Источник: [Войтов, Русецкий (ред.) 2011, 61; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96].

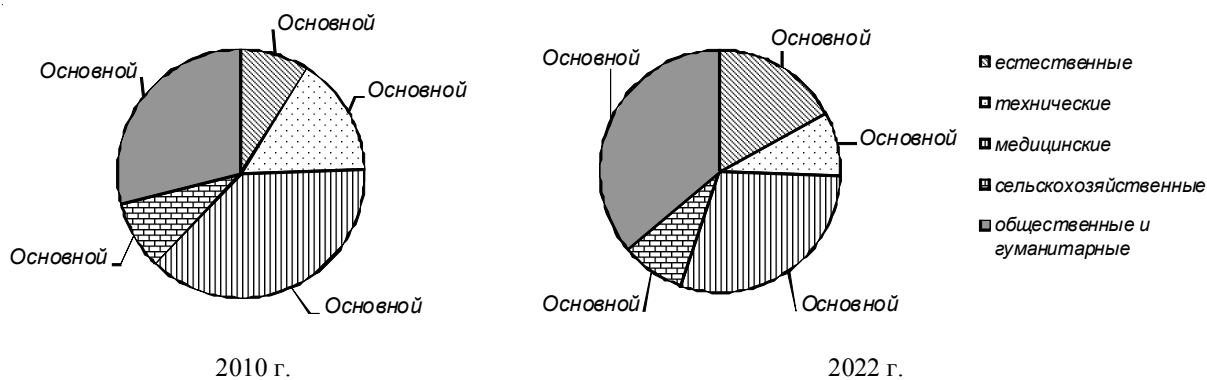

Рис. 3. Динамика отраслевой структуры утвержденных ВАК ученых степеней доктора наук за период 2010–2022 годов

Примечание. Источник: [Войтов, Русецкий (ред.) 2011, 61; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96].

сертаций, показывает, что за период 2015–2022 гг. наибольшее снижение их количества наблюдалось в организациях НАН Беларуси – на 52,4 % с 84 в 2015 г. до 40 в 2022 г., Минсельхозпрода – на 47,1 % с 17 до 9, Минобразования – на 42,6 % с 216 до 124 единиц (табл. 4).

Как следует из данных таблицы 5, в 2022 г. 81,8 % от всех утвержденных ВАК докторских диссертаций выполнены в организациях трех ведомств: Минобразования – 42,6 %, Минздрава – 34,0 % и НАН Беларуси – 14,9 % (см. табл. 5).

Анализ динамики количества присужденных ученых степеней доктора наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации за период 2015–2022 гг. показывает, что число присужденных ВАК степеней доктора наук сократилось в НАН Беларуси на 30,0 % (с 10 до 7 диссертаций), в Министерстве образования – на 4,8 % (с 21 до 20 диссертаций). В Минкультуры в 2022 г. защит докторских диссертаций не проводилось, тогда как в 2015 г. – 1 диссертация была утверждена ВАК. И только в организациях Минздрава за рассматриваемый период

Таблица 3

Динамика удельного веса утвержденных ВАК ученых степеней кандидата наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации, за период 2015–2022 годов *

Министерства и ведомства	2015 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Минобразования	216	47,9	140	51,1	146	46,3	124	47,0
Минздрав	89	19,7	49	17,9	62	19,7	58	22,0
НАН Беларуси	84	18,6	35	12,8	55	17,5	40	15,2
Минсельхозпрод	17	3,8	12	4,4	15	4,8	9	3,4
Минкультуры	7	1,6	4	1,5	5	1,6	7	2,7
Минобороны	9	2,0	11	4,0	4	1,3	7	2,7
МВД	7	1,6	2	0,7	3	1,0	2	0,8
Минспорта	4	0,9	1	0,4	4	1,3	1	0,4
МЧС	2	0,4	4	1,5	2	0,6	2	0,8
Другие организации	16	3,5	16	5,8	19	6,0	14	5,3
<i>Всего</i>	451	100,0	274	100,0	315	100,0	264	100,0

Примечание. * – без учета иностранных граждан.

Источник: [Шумилин, Гусаков (ред.) 2017, 114; Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 126–127; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 123; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 97].

Таблица 4

Динамика количества присужденных ученых степеней кандидата наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации, за период 2015–2022 годов *

Министерства и ведомства	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Изменения за 2015–2022 гг.	
					ед.	%
Минобразования	216	140	146	124	-92	-42,6
Минздрав	89	49	62	58	-31	-34,8
НАН Беларуси	84	35	55	40	-44	-52,4
Минсельхозпрод	17	12	15	9	-8	-47,1
Минкультуры	7	4	5	7	–	–
Минобороны	9	11	4	7	-2	-22,2
МВД	7	2	3	2	-5	-71,4
Минспорта	4	1	4	1	-3	-75,0
МЧС	2	4	2	2	–	–
Другие организации	16	16	19	14	-2	-12,5

Примечание. * – без учета иностранных граждан.

Источник: [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 97; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 123; Шумилин, Гусаков (ред.) 2020, 126–127; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 113].

наблюдался значительный рост количества присужденных ВАК ученых степеней доктора наук: с 12 в 2015 г. до 16 в 2022 г., или на 33,3 % (табл. 6).

Как следует из официальной статистики, Высшей аттестационной комиссией ежегодно отклоняется около 11 % диссертационных работ, представленных советами по защите диссертаций. Примерно 4 % работ отклоняется Президиумом ВАК, а остальные 7 % диссертаций соискатели сами снимают с рассмотрения после замечаний экспертного совета ВАК. Кроме того, диссертация может быть отклонена в совете по защите диссертаций, где она проходила публичную защиту.

В 2022 г. ВАК отклонено 14 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, что составило 5,0 % от общего количества рассмотренных кандидатских диссертаций.

Для сравнения в 2015 г. было отклонено 23 кандидатских диссертации. Наибольший процент отклоненных кандидатских диссертаций наблюдается среди диссертаций в области общественных и гуманитарных наук. За период 2015–2022 гг. количество ежегодно отклоняемых ВАК кандидатских диссертаций в этой отрасли науки составило 10–12 квалификационных работ. Однако следует отметить, что в 2022 г. по сравнению с 2015 г. удельный вес отклоненных кандидатских диссертаций по общественным и гуманитарным наукам снизился на 9,4 п.п. с 52,2 до 42,8 %, а в абсолютных числах – в два раза с 12 диссертаций в 2015 г. до 6 в 2022 г. [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 113] (см. табл. 7).

В 2022 г. ВАК отклонено 5 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук,

Таблица 5

Удельный вес количества утвержденных ВАК ученых степеней доктора наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации, за период 2015–2022 годов *

Министерства и ведомства	2015 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Минобразования	21	45,7	17	43,6	18	48,6	20	42,6
НАН Беларуси	10	21,7	3	7,7	9	24,3	7	14,9
Минздрав	12	26,1	16	41,0	9	24,3	16	34,0
Минкультуры	1	2,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Минсельхозпрод	0	0,0	0	0,0	1	2,7	2	4,3
Минприроды	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Другие организации	2	4,3	3	7,7	0	0,0	2	4,3
<i>Всего</i>	46	100,0	39	100,0	37	100,0	47	100,0

Примечание. * – без учета иностранных граждан

Источник: [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 99; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 124; Шумилин, Гусаков (ред.) 2020, 126–127; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 114].

Таблица 6

Динамика количества присужденных ВАК ученых степеней доктора наук по ведомственной подчиненности организаций, в которых выполнены диссертации, за период 2015–2022 годов *

Министерства и ведомства	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Изменения за 2015–2022 гг.	
					ед.	%
Минобразования	21	17	18	20	-1	-4,8
НАН Беларуси	10	3	9	7	-3	-30,0
Минздрав	12	16	9	16	+4	+33,3
Минкультуры	1	0	0	0	-1	-100,0
Минсельхозпрод	0	0	1	2	+2	–
Минприроды	0	0	0	0	–	–
Другие организации	2	3	0	2	–	–

Примечание. * – без учета иностранных граждан.

Источник: [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 99; Шумилин, Гусаков (ред.) 2020, 126–127].

что составило 9,6 % от общего количества рассмотренных докторских диссертаций. В 2015 г. было отклонено 4 диссертации. В 2022 г. удельный вес отклоненных докторских диссертаций по общественным и гуманитарным наукам составил 60 % от общего числа рассмотренных в ВАК докторских диссертаций (3 работы из 5) (табл. 8).

В течение последних лет наблюдается устойчивая тенденция повышения среднего возраста соискателей, защитивших кандидатскую диссертацию. Так, в 2011 г. средний возраст при защите составлял 33,8 года, в 2015 г. – 34,3 года, а в 2022 г. – 38,1 лет. Средний возраст лиц, которым была присуждена ученая степень доктора наук, по сравнению с 2015 г., существенно не изменился и составил в 2022 г. 50,1 лет. Средний интервал между присуждением ученой степени кандидата наук и ученой степени доктора наук сегодня составляет 12 лет.

Среди соискателей докторской степени на протяжении рассматриваемого периода средний возраст практически не изменился.

Так, в 2020 г. средний возраст соискателей при присуждении докторской степени составил 49,8 года (в 2019 г. – 50,9 года, в 2018 г. – 49,8 года) [Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 131].

В заключение следует отметить, что Беларусь является весьма привлекательной страной для иностранцев соискателей ученой степени кандидата и доктора наук. Так, в 2010 г. успешно защитились 32 соискателя ученой степени кандидата и доктора наук из числа иностранных граждан, в 2011 г. – 47, в 2015 г. – 73. И несмотря на то что в последующие годы по ряду причин различного характера ежегодное количество остепененных иностранцев несколько снизилось, все же их количество остается достаточно значимым (см. табл. 9).

Среди остепененных иностранцев наибольший удельный вес имеют представители Китая, Российской Федерации, стран СНГ, Ближнего Востока, Польши, Казахстана, Вьетнама, Ливана и т. д. Всего за период 2015–2022 гг. общая численность остепененных иностранцев составила 377 человек. Эти

Таблица 7

Динамика количества отклоненных ВАК кандидатских диссертаций по отраслям науки за период 2015–2022 годов

Отрасль науки	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Естественные	1	1	0	1
Технические	6	3	5	1
Медицинские	0	4	3	4
Сельскохозяйственные	4	0	0	2
Общественные и гуманитарные	12	12	10	6
Военные	0	0	2	0
Итого по республике	23	29	20	14
В процентах от общего количества рассмотренных диссертаций	4,9	6,8	6,0	5,0

Примечание. Источник: [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 96; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 113].

Таблица 8

Динамика количества отклоненных ВАК докторских диссертаций по отраслям науки за период 2015–2022 годов

Отрасль науки	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Естественные	1	0	0	0
Технические	0	0	0	2
Медицинские	1	1	0	0
Сельскохозяйственные	0	1	1	0
Общественные и гуманитарные	2	3	6	3
Военные	0	0	0	0
Итого по республике	4	5	7	5
В процентах от общего количества рассмотренных диссертаций	8,0	11,3	15,9	9,6

Примечание. Источник: [Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 98; Шумилин, Гусаков (ред.) 2018, 114].

данные говорят о том, что дипломы докторов и кандидатов наук, утвержденные белорусской ВАК, ценятся в зарубежных странах и свидетельствуют о признании высокого качества подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации в Беларуси.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23-135 от 02.05.2023 г. «Сравнительный анализ эволюции институциональной основы функционирования систем подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации Беларуси и России и динамики их развития в рамках Союзного государства».

The article was prepared with the support of the BRFFR within the framework of scientific project No. G23-135 dated 02.05.2023 “Comparative analysis of the evolution of the institutional basis for the functioning of the training and certification systems for highly qualified scientific personnel of Belarus and Russia and the dynamics of their development within the framework of the Union State”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Войтов, Русецкий (ред.) 2011 – *Войтов И.В., Русецкий А.М. (ред.)*. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2010 года и за период 2006–2010 годов: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2011.

Гулько, Морозевич, Шаршунов 2003 – *Гулько Н.В., Морозевич А.Н., Шаршунов В.А.* Подготовка научных кадров в Республике Беларусь: исто-

ги и проблемы // *Высшая школа*. 2003. № 1. С. 10–16.

Действующие в Республике Беларусь советы по защите диссертаций 2024 web – Действующие в Республике Беларусь советы по защите диссертаций // <https://vak.gov.by/node/7848>

Декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002... web – Декрет Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002 г. № 7 «О совершенствовании государственного управления в сфере науки» // <https://etalonline.by/document/?regnum=pd0200007>

Лесникович, Волотовский (ред.) 2001 – *Лесникович А.И., Волотовский И.Д. (ред.)*. Развитие науки Беларуси в 2000 году (Аналитический доклад). Минск: Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь, 2001.

Матюшков, Войтов, Мясникович (ред.) 2006 – *Матюшков В.Е., Войтов И.В., Мясникович М.В. (ред.)*. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2005 года и за период 2001–2005 годов: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2006.

Наука и инновационная деятельность... 2023 – Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. Минск: Белстат, 2023.

Пальчик 2017 – *Пальчик Г.В.* Кадры для страны: системный подход // *Беларуская думка*. 2017. № 7. С. 16–21.

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992 г. № 564... web – Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992 г. № 564 «О создании Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь» // <https://normativka.by/lib/document/500018432>

Таблица 9

Динамика количества утвержденных ВАК Беларуси ученых степеней соискателям иностранцам за период 2015–2022 годов

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Присуждено ученых степеней доктора наук	48	44	46	50	39	40	40	48
из них иностранным гражданам	2	1	1	4	0	1	3	1
Присуждено ученых степеней кандидата наук	513	451	452	488	357	307	347	308
из них иностранным гражданам	71	45	52	43	44	33	32	44
Всего	561	495	498	538	396	347	387	356
из них иностранным гражданам	73	46	53	47	44	34	35	45

Примечание. Источник: [Шумилин, Гусаков (ред.) 2017, 116; Шумилин, Гусаков (ред.) 2021, 129; Шлычков, Гусаков (ред.) 2022, 125–126; Шлычков, Гусаков (ред.) 2023, 99–100].

- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992... web – Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 сентября 1992 г. № 563 «О временном порядке присвоения ученых званий в Республике Беларусь» // <https://normativka.by/lib/document/500033517>
- Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004... web – Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004 г. № 560 «Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий» // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30400560>
- Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013... web – Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 560 «О Высшей аттестационной комиссии» // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300560>
- Шлычков, Гусаков (ред.) 2022 – Шлычков С.В., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2021 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2022.
- Шлычков, Гусаков (ред.) 2023 – Шлычков С.В., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2022 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2023.
- Шумилин, Гусаков (ред.) 2017 – Шумилин А.Г., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2017.
- Шумилин, Гусаков (ред.) 2018 – Шумилин А.Г., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2018.
- Шумилин, Гусаков (ред.) 2020 – Шумилин А.Г., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2019 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2020.
- Шумилин, Гусаков (ред.) 2021 – Шумилин А.Г., Гусаков В.Г. (ред.). О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2020 года: Аналитический доклад. Минск: ГУ «БелИСА», 2021.
- of 2010 and for the Period 2006–2010: Analytical Report. Minsk, GU «BelISA».
- Gulko N.V., Morozevich A.N., Sharshunov V.A., 2003. Training of Scientific Personnel in the Republic of Belarus: Results and Problems. *Vysheishaya shkola*, no. 1, pp. 10-16.
- Councils for the Defense of Dissertations Operating in the Republic of Belarus. URL: <https://vak.gov.by/node/7848>
- Decree of the President of the Republic of Belarus Dated March 5, 2002 No. 7 “On Improving Public Administration in the Field of Science”. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd0200007>
- Lesnikovich A.I., Volotovskiy I.D. (eds.), 2001. *Development of Science in Belarus in 2000 (Analytical Report)*. Minsk, Gosudarstvennyy komitet po nauke i tekhnologiyam Respubliki Belarus.
- Matyushkov V.E., Voitov I.V., Myasnikovich M.V. (eds.), 2006. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2005 and for the Period 2001–2005: Analytical Report*. Minsk, GU «BelISA».
- Science and Innovation Activity in the Republic of Belarus. Statistical Collection*, 2023. Minsk, Belstat.
- Palchik G.V., 2017. Personnel for the Country: A Systematic Approach. *Belaruskaya dumka*, no. 7, pp. 16-21.
- Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated September 18, 1992 No. 564 “On the Creation of the Higher Certification Commission Under the Council of Ministers of the Republic of Belarus”. URL: <https://normativka.by/lib/document/500018432>
- Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus Dated September 18, 1992 No. 563 “On the Temporary Procedure for Conferring Academic Titles in the Republic of Belarus”. URL: <https://normativka.by/lib/document/500033517>
- Decree of the President of the Republic of Belarus Dated November 17, 2004 No. 560 “On Approval of the Regulations on the Awarding of Academic Degrees and the Conferment of Academic Titles”. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30400560>
- Decree of the President of the Republic of Belarus Dated December 16, 2013 No. 560 “On the Higher Attestation Commission”. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300560>
- Shlychikov S.V., Gusakov V.G. (eds.), 2022. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2021: Analytical Report*. Minsk, GU «BelISA».

REFERENCES

Voitov I.V., Rusetsky A.M. (eds.), 2011. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results*

Shlychkov S.V., Gusakov V.G. (eds.), 2023. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2022: Analytical Report*. Minsk, State Institution "BelISA".

Shumilin A.G., Gusakov V.G. (eds.), 2017. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2016: Analytical Report*. Minsk, GU «BelISA».

Shumilin A.G., Gusakov V.G. (eds.), 2018. *On the State and Prospects for the Development of Science in*

the Republic of Belarus Based on the Results of 2017: Analytical Report. Minsk, GU «BelISA».

Shumilin A.G., Gusakov V.G. (eds.), 2020. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2019: Analytical Report*. Minsk, GU «BelISA».

Shumilin A.G., Gusakov V.G. (eds.), 2021. *On the State and Prospects for the Development of Science in the Republic of Belarus Based on the Results of 2020: Analytical Report*. Minsk, GU «BelISA».

Information About the Authors

Mikhail I. Artyukhin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Center for Monitoring the Migration of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St, 1, Bld. 2, 220072 Minsk, Republic of Belarus, art47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4458-5576>

Ella M. Shchurok, Researcher, Center for Monitoring the Migration of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St, 1, Bld. 2, 220072 Minsk, Republic of Belarus, ella_1@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-4395-300X>

Siarhey A. Pushkevich, Researcher, Center for Monitoring the Migration of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St, 1, Bld. 2, 220072 Minsk, Republic of Belarus, pushkevich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3087-3876>

Информация об авторах

Михаил Иванович Артюхин, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 г. Минск, Республика Беларусь, art47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4458-5576>

Элла Михайловна Щурок, научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 г. Минск, Республика Беларусь, ella_1@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-4395-300X>

Сергей Александрович Пушкевич, научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 г. Минск, Республика Беларусь, pushkevich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3087-3876>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.12>

UDC 316.4, 314.04
LBC 60.7

Submitted: 15.05.2024
Accepted: 15.06.2024

INSTITUTIONALIZATION OF DEMOGRAPHIC SCIENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION (ACTOR-NETWORK MODEL)

Chulpan I. Ildarhanova

Regional Medical Research Institute of State Autonomous Institution of Health
“Interregional Clinical Diagnostic Center”, Kazan, Russian Federation

Gulshat M. Rustamova

Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Yulia N. Ershova

Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Abstract. The creation of the Institute for Demographic Research in the Russian Academy of Sciences in 2020 became one of the key stages in the process of institutionalization of demographic science at the current stage of development of the Russian Federation. This event played an important role and became an impetus for updating the most problematic issues in the development of academic demography in Russia. The urgent need for the development of demographic science at the level of the constituent entities of the country, the territorial scale of the Russian Federation, and the exclusivity of demographic problems in the regions of the Russian Federation determine the need for their systematic monitoring and research, and therefore the development of academic demography in the regions. The article systematizes data on the institutional development of demography in modern Russia and shows that a significant stage was the approval of the professional standard “demographer”. The paper proposes to use actor-network theory to analyze the processes of formation of the scientific community and institutionalization of demography in the context of aggravation of demographic problems in modern Russia. A scheme (model) of institutionalization is proposed, including actors-objects and actors-processes; an excursion into the history of the formation of demography is given (world practice, Russian practice, and the development of demography in the Republic of Tatarstan). Today, regional institutions that monitor the demographic situation are formed only through the interaction of government, universities, and the academic community. At the same time, it was stated that despite the relevance of the institutionalization of demography, a unified approach to the formation of appropriate institutions in the regions has not been formed in scientific discourse. The actor-network theory made it possible to determine the role of actors-objects and actors-processes in the development and strengthening of professional cooperation with the Russian academic community (using the example of an analysis of the activities of the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan).

Key words: demographic science, institutionalization of demographic science, regional demographic science, actor-network theory, actors, demographic potential.

Citation. Ildarhanova Ch.I., Rustamova G.M., Ershova Yu.N. Institutionalization of Demographic Science in the Russian Federation (Actor-Network Model). *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 108-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.12>

УДК 316.4, 314.04
ББК 60.7

Дата поступления статьи: 15.05.2024

Дата принятия статьи: 15.06.2024

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АКТОРНО-СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ)

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова

Региональный медицинский исследовательский институт ГАУЗ
«Межрегиональный клинико-диагностический центр», г. Казань, Российская Федерация

Гульшат Махмудовна Рустамова

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Юлия Николаевна Ершова

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Создание в 2020 г. в Российской академии наук Института демографических исследований стало одним из ключевых этапов процесса институционализации демографической науки на современном этапе развития Российской Федерации. Данное событие сыграло важную роль и стало импульсом для актуализации наиболее проблемных вопросов развития академической демографии в России. Актуальна потребность развития демографической науки на уровне субъектов страны, территориальные масштабы Российской Федерации и эксклюзивность демографических проблем в регионах Российской Федерации обуславливают необходимость их системного мониторинга и исследования, а значит и развития академической демографии в регионах. В работе систематизированы данные об институциональном развитии демографии в современной России, показано, что значимым этапом стало утверждение Профессионального стандарта «Демограф». В работе предложено использовать акторно-сетевую теорию для анализа процессов становления научного сообщества, институционализации демографии в условиях обострения в современной России демографических проблем. Предложена схема (модель) институционализации, включающая акторы-объекты и акторы-процессы, дан экскурс в историю формирования демографии (мировая практика, российская практика и развитие демографии в Республике Татарстан). Региональные институты, осуществляющие мониторинг демографической ситуации, сегодня формируются только при взаимодействии власти, университетов и академического сообщества. В то же время констатировано, что несмотря на актуальность институционализации демографии, в научном дискурсе не сформирован единый подход к формированию соответствующих институтов в регионах. Акторно-сетевая теория позволила определить роль акторов-объектов и акторов-процессов в развитии и укреплении профессионального сотрудничества с российским академическим сообществом (на примере анализа направлений деятельности Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан).

Ключевые слова: демографическая наука, институционализация демографической науки, региональная демографическая наука, акторно-сетевая теория, акторы, демографический потенциал.

Цитирование. Ильдарханова Ч. И., Рустамова Г. М., Ершова Ю. Н. Институционализация демографической науки в Российской Федерации (акторно-сетевая модель) // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 108–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.12>

Введение

По мере роста актуальности демографических вопросов [Демографический прогноз... web] (см. рис. 1) все большую значимость приобретает дальнейшее развитие и институционализация демографии как академической науки с учетом уникальных особенностей современного общества.

Говоря о процессе институционализации в демографической науке необходимо понимание и процессов институционализации в целом в науке.

Как правило, понятие института обозначается исследователями в двух значениях: устоявшиеся формы поведения, объединившие в себя различные ценности, а также формальные организации [Abraham 1983].

Преобразование науки в устойчивую и самодостаточную систему называется про-

цессом институционализации, который характеризуется легитимизацией со стороны общества аксиологической функции научной деятельности, выработка и внедрение нормативной базы, регламентирующей научную сферу деятельности [Бен-Дэвид 2014].

Среди этапов институционализации науки или говоря шире исследовательской деятельности в научном дискурсе выделяется несколько наиболее ключевых. Прежде всего, процесс приспособления науки к существующим институтам и организациям (на различных исторических этапах это были учреждения государственных, религиозных и общественных институтов). Очередным этапом в институционализации науки стали процессы создания учеными уникальных организаций, занимающихся специфической научной деятельностью, но и на данном этапе нельзя говорить о полноценном становлении науки как

социального института. Именно процессы, связанные с легитимизацией научных знаний, отделением их от других социальных институтов, приобретением большей автономности научного знания, обретения его ценности, окончательного закрепления функции оценки научных методов и результатов лишь в собственном научном сообществе, согласно мнению исследователей, подтверждают процессы институционализации науки [Жмудь 2021].

Важнейшим элементом процесса институционализации в социологической науке исследователи выдвигают формирование особой инфраструктуры для обеспечения воспроизводства и трансляции знаний: «создание системы образования и научных учреждений, развитие специализированной печати, формирование профессиональных научных сообществ, организация и осуществление исследовательской деятельности с выработкой общепринятых критериев выбора проблематики и оценки результативности» [Осипова 2015].

Анализ становления демографической науки подтверждает, что ее системное развитие и появление профессиональных демографов выступает результатом процесса институционализации и демографического знания.

Актуальность исследования институционализации академической демографической науки на региональном уровне определяется дифференциацией демографического потенциала различных территорий Российской Федерации.

Демографический потенциал рассматривается как важнейшая часть национального достояния, в формировании которого определяющим влиянием выступают региональные демографические различия [Агафонов 1982]. В научном дискурсе исследователи говорят о нем как об обобщающем термине, который может включать демографические ресурсы, возможности, резервы развития демографических процессов, протекающих на отдельной территории и за ее пределами в случае миграционных изменений [Рыбаковский 2023].

Исходя из этого демографический потенциал предлагается рассматривать как многоплановый феномен, включающий в себя совокупность аспектов. В научном дискурсе выделяют комплекс основных характеристик демографического потенциала на региональном уровне:

- демографический блок: семейная структура населения, рождаемость, миграция, динамика численности населения, смертность, возрастно-половая структура;
- экономический блок: трудовые ресурсы;
- социальный блок: уровень жизни населения, образовательный уровень населения;
- расселенческий блок: уровень урбанизации;
- этнокультурный блок: этническая структура;
- экологический блок: физическое здоровье населения [Габдрахманов, Рубцов 2012].

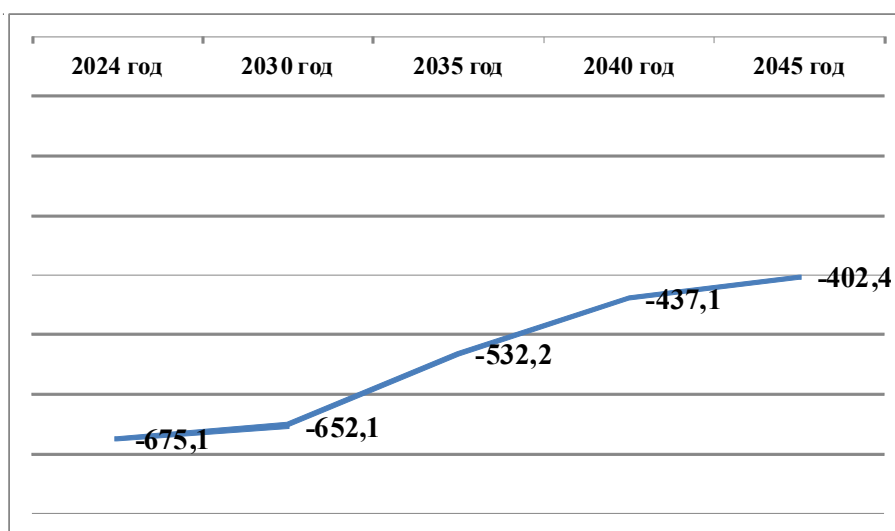

Рис. 1. Естественный прирост населения Российской Федерации по среднему варианту прогноза

Примечание. Построен авторами по данным Росстата: [Демографический прогноз... web].

Согласно мнению авторов, для процессов институционализации академической науки на региональном уровне характерна определенная специфика. Целью статьи является проведение анализа особенностей процесса институционализации демографической науки на региональном уровне на примере деятельности Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (далее – ЦСиДАНРТ).

Методология

Территориальные масштабы страны и эксклюзивность демографических проблем в регионах Российской Федерации подтверждают необходимость их постоянного мониторинга и исследования. Развитие академической демографической науки на общероссийском, федерально-окружном и региональном уровнях способствует концептуальному их решению.

Один из аспектов, который рассматривается в рамках исследования процессов развития демографической науки, является комплексный взгляд на то, как взаимодействие между федеральным академическим сообществом, занимающимся исследованием вопросов демографии, и научно-экспертным сообществом регионов страны, также специализирующихся на демографических исследованиях, влияет на процессы институционализации демографической науки в целом (см. рис. 2).

Именно поэтому *акторно-сетевая теория* выступает одной из подходящих научных парадигм современной науки и наиболее применимой как теоретическая база для анализа *акторов*. С одной стороны, она позволяет провести анализ отдельных акторов-объектов, а, с другой стороны, исследовать отдельные акторы-процессы, каждый из которых играет ключевую роль в институционализации демографической науки России, понять как меняются существующие и складывающиеся отношения между различными акторами и их степень зависимости друг от друга и внешних обстоятельств [Латур 2014].

Таким образом, обзор основных этапов становления демографической науки сквозь призму акторно-сетевой теории предполагает оценку вклада отдельных акторов в ее институционализацию.

Несмотря на то что начало истории развития демографической науки, прежде всего изучение вопросов народонаселения, связано с именами западных исследователей, невозможно не отметить существенный вклад в развитие демографической науки и исследователей России. В научном дискурсе принято считать, что первая научная работа, касающаяся вопросов народонаселения принадлежит англичанину *Дж. Граунту* (XVII в.), первая теория по вопросам народонаселения «теория демографического разрыва» принадлежит авторству *Т. Мальтуса* (1798 г.), в XIX в. в развитии демографической науки значим вклад исследователей *А. Гийара*, *К. Бернулли*, *А. Кетле* [Кетле 1866], *Ж. Бертильон* [Бертильон 1889], а в конце XIX в. получает распространение и признание термин «демография», повышается интерес к вопросам депопуляции, что является основой для зарождения теории демографического перехода *А. Ландри*, усиливается интерес к вопросам миграции, в 1853 г. в Брюсселе проходит первый международный статистический конгресс на котором исследователь *А. Гийяр* [Guillard 1855] выступил с докладом по вопросу регистров населения, а исследователь *Ж. Гарнье* по вопросу переписи населения. Значительному повышению эффективности демографических исследований способствовало внедрение демографических показателей воспроизводства, разработанных исследователями *В. Борткевичем*, *Р. Беком* и *Р. Кучинским*. К данному периоду относится становление и развитие национальных демографических школ. Определяющим научный вклад амбасадора демографической школы США *Р. Пирла* стал разработанный им закон роста народонаселения, представитель данной школы *Р. Лотка* разработал теорию стабильного населения и заложил основы экономической демографии, представителями которого в США являлись *У. Томсон*, *Ф. Лаример*, *У. Уилкокс*. Развитию французской научной школы способствовали работы *Л. Марша*, *А. Ландри* [Landry 1934], *М. Юбера*.

Как и в большинстве стран появление демографической статистики в России связано с мероприятиями по учету населения в целях упорядочения налогообложения. Существенный первоначальный вклад внесен иссле-

дователями-математиками *Д. Бернули* и *Л. Эйлером*, первую характеристику в науке демографической ситуации в стране дал *М.В. Ломоносов*. В то же время как и для других стран для России был характерен этап накопления данных в области демографии и основной круг исследовательских интересов

связан с вопросами смертности (*Н.Е. Зернов*, *К.Ф. Герман*, *К.А. Андреева*, *В.И. Борткевич*) и рождаемости (*В.И. Гребенщиков*, *В.И. Покровский*, *Ю.Э. Янсон*). В XX в. среди советских (российских) ученых, внесших основополагающий вклад в развитие отечественной демографии, выделяются: *А.И. Чупров* –

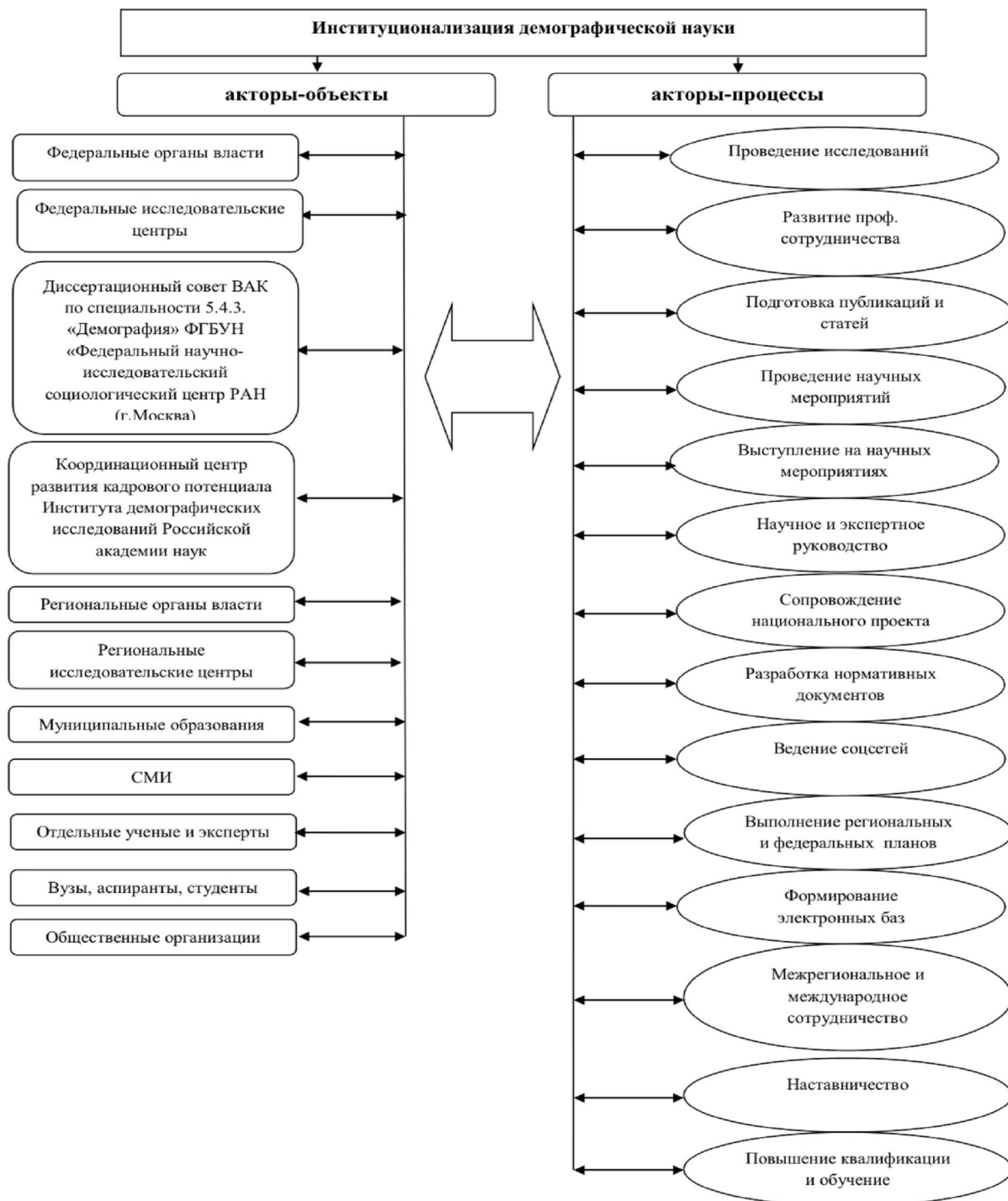

Рис. 2. Система акторов институционализации демографической науки

Примечание. Построен авторами.

который способствовал развитию отечественной демографической статистики и популяризации изучения народонаселения; *А.Я. Боярский* – автор первых отечественных вузовских учебников по демографии, являющийся создателем отдела демографии в НИИ ЦСУ СССР; *С.А. Новосельский* – один из основателей отечественной демографической статистики, основоположник научного направления по комплексному изучению состояния здоровья населения на основе анализа демографических процессов; *В.В. Паевский* – заложивший основы математического направления в отечественных демографических исследованиях, создавший новый метод построения таблиц смертности; *Б.Ц. Урланис* – автор работ по экономической демографии, общей теории статистики, общим проблемам народонаселения; *Д.И. Валентей* – основатель и первый руководитель Центра по изучению проблем народонаселения на экономическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, внесший ключевой вклад в возрождении советской демографии в 1960-е гг.; *А.Г. Вишневский* – одним из первых в СССР, в России развивал концепцию демографического перехода; *Л.Л. Рыбаковский* – рассматривавший миграционные процессы в рамках концепции «демографической безопасности» и др.

На современном этапе развития российской демографии Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИРАН) (создан в 2020 г.) выступает продолжателем научных традиций, его научная деятельность представлена исследовательскими направлениями по изучению вопросов: этнодемографии, религиозных и интеграционных процессов, региональной демографии, рождаемости и репродуктивного поведения населения, семьи и семейно-демографической политики, геоурбанистики и пространственной демографии, исторической демографии, международных демографических исследований, воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения, здоровья и самосохранительного поведения, миграции и миграционной политики, демографической безопасности.

Бруно Латур, М. Каллон, Дж. Ло, А. Мол, А. Рун, М. Акрич и другие исследо-

ватели, ставшие основателями акторно-сетевых концепций, по-разному понимали вопросы рефлексивности исследователей.

В российской науке в развитии акторно-сетевой теории принято разделять Парижскую (*Б. Латур, М. Каллон*) и Ланкастерскую (*Дж. Ло, А. Мол*) научные школы. Парижская школа пыталась дистанцироваться от критических теорий, в свою очередь, Ланкастерская школа постоянно взаимодействовала с дискурсами. В дальнейшем данные условные научные школы распались и исследователи в развитии акторно- сетевого подхода говорят о развитии разных направлений: *М. Акрич* представляет классическую траекторию развития акторно-сетевой теории, *Х. Кассинс* опирается дополнительно на этнометодологию и другие исследователи: *В. Синглтон, Бас ван Хоейр, С. Виатт, Л. Лейдерсдорф*.

Таким образом, в рамках данной статьи авторский подход подразумевает анализ процесса институционализации академической демографической науки на региональном уровне на примере ЦСиДАНРТ и ставится задача выявления основных особенностей процесса его взаимодействия с Институтом демографических исследований Российской академии наук (ИДИРАН) на основе применения подходов акторно-сетевой теории.

Результаты и обсуждение

Успешное развитие Республики Татарстан имеет прямую зависимость не только от совершенствования ее экономического потенциала и инвестиционной привлекательности, но и, прежде всего, обусловлено и качеством и условиями, созданными для развития человеческого ресурса. Таким образом, демографический потенциал претендует на ведущую роль среди показателей, определяющих развитие субъекта. Внутри Республики Татарстан каждый из двух городских округов и 43 муниципальных районов обладают уникальным потенциалом и эксклюзивным комплексом преимуществ, что влияет на развитие и демографического потенциала, как на муниципальном, так и на уровне всей республики. Для каждого городского округа и муниципального района региона характерны специфические демографические проблемы,

которые требуют совершенствования инструментов демографической и семейной политики. Подобная специфика территориального развития ставит вопрос и об актуальности развития региональной демографической науки.

Одним из российских кейсов системного развития демографической академической науки на региональном уровне выступает деятельность ЦСиДАНРТ, на опыте развития которого можно проследить основные этапы институционализации демографической науки на региональном уровне с выявлением основных значимых особенностей.

ЦСиДАНРТ осуществляет демографический мониторинг в Республике Татарстан посредством научного пофакторного анализа, разрабатывает научные концепции и формирует урбанистическое и руралистическое направление в демографии Республики Татарстан.

Основная цель ЦСиДАНРТ – осуществление научной деятельности, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области семьи и демографии, выявление и прогнозирование социально-демографического развития региона, подготовка научных кадров. ЦСиДАНРТ в своей научно-исследовательской деятельности ориентируется на государственные приоритеты «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145... web] и «Концепцию демографической политики Российской Федерации» [Указ Президента РФ от 09.10.2007... web; Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021... web].

В рамках научно-методического сопровождения Национального проекта «Демография» в Республике Татарстан ЦСиДАНРТ разработан долгосрочный научный проект «Демографическая устойчивость Республики Татарстан: вызовы, риски, решения», основными направлениями реализации которого выступают: реализация «Плана мероприятий по реализации семейной и демографической политики в Республике Татарстан на 2022–2025 годы», «Плана мероприятий Республики Татарстан, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года», подготовка «Демографического доклада Республики

Татарстан», организация и проведение «Поволжского демографического форума», грантовая деятельность, научные публикации в научных изданиях, подготовка докладов и выступления на научных мероприятиях, научно-экспертная деятельность, общественная деятельность, информационная и просветительская деятельность, выполнение отдельных поручений Администрации Раиса Республики Татарстан и Правительства Республики Татарстан. Результаты научных разработок Центра интегрируются в практическую деятельность органов государственной власти и управления, общественных объединений и организаций муниципального, регионального и федерального уровней. Совместно с «Межрегиональным клинико-диагностическим центром» (ГАУЗ МКДЦ, г. Казань) формируется научное направление медицинская демография. Впервые разработан и издан оригинальный Демографический лист РТ. ЦСиДАНРТ без преувеличения занимается исследованием вопросов стратегической важности – воспроизводства населения. Демографы могут влиять на управление процессами народосбережения.

В числе ключевых факторов успешного развития и институционализации демографической науки на региональном уровне выступает системное сотрудничество с Институтом демографических исследований Российской академии наук (далее – ИДИРАН) в лице руководителя, а также при непосредственном деятельном участии заместителя директора по научной работе ИДИФНИСЦРАН, руководителя Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии, заместителя председателя Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» ООИ РАН, доктора социологических наук, профессора – Ростовской Тамары Керимовны (см. рис. 3).

ЦСиДАНРТ реализует сотрудничество с ИДИРАН в процессе работы Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России Отделения общественных наук Российской академии наук», начальник ЦСиДАНРТ, д.с.н. Ильдарханова Чулпан Ильдусовна является членом Научного совета¹. Системная работа осуществляется по направлениям: нормативно-правового обеспечения

развития демографической науки в России, развитие демографического образования в России, реализация научно-исследовательской работы.

В целях *нормативно-правового обеспечения* развития демографической науки, как на уровне Российской Федерации, так и региональном уровнях, в рамках Научного совета инициирована масштабная деятельность по разработке следующих стратегических документов:

– Профессионального стандарта «Демограф». Этот нормативный документ устанавливает обобщенные трудовые функции и отдельные трудовые функции профессиональной деятельности демографа [Ростовская 2023а] (см. табл. 1).

– Проект «Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства».

Экспертная деятельность Института демографических исследований Российской

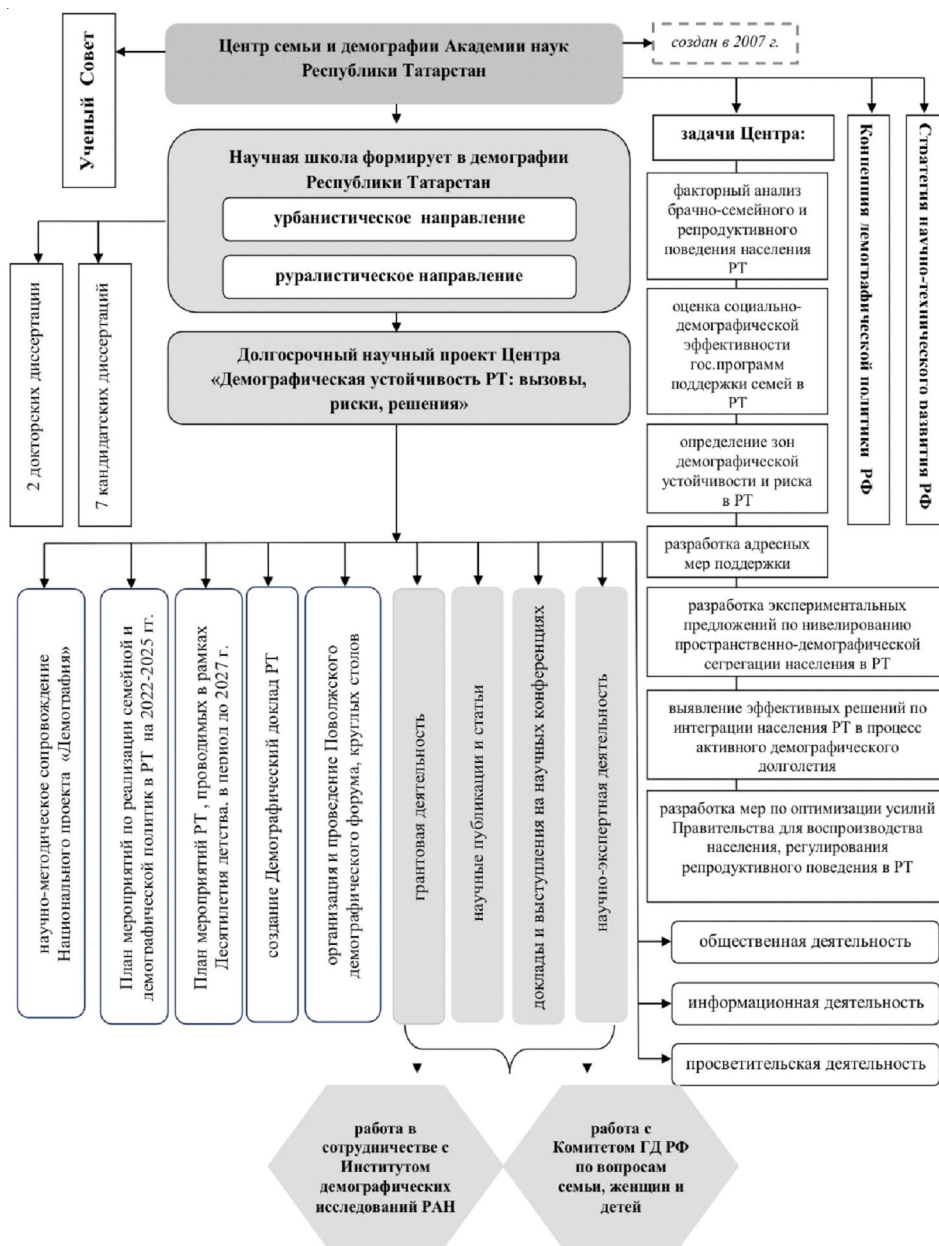

Рис. 3. Приоритетные направления деятельности Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан

Примечание. Построен авторами.

академии наук играет ключевую и решающую роль в развитии *современной системы демографического образования в России*. С точки зрения Т.К. Ростовской, история развития демографического образования в нашей стране (в том числе в СССР) определяется следующей периодизацией (табл. 2).

Институтом демографических исследований Российской академии наук организована образовательная система дополнительного обучения по программе «Демография», за 2022–2023 гг. обучение с получением квалификации «Демограф» прошли директор и ведущие научные сотрудники ЦСиДАНРТ.

Развитие и поддержка профессиональных связей ЦСиДАНРТ с ИДИРАН по *научно-исследовательскому направлению* осуществляется в рамках следующих мероприятий:

- Начиная с 2020 г. в ежегодном формате участие в создании Национального демографического доклада при участии десяти региональных научных центров и исследовательских коллективов [Рязанцев и др. 2020; Ростовская и др. 2021; Ростовская и др. 2022].
- Организация и проведение исследований.
- Создание коллективных монографий.
- Участие в научных мероприятиях и конференциях российского и международного уровня.

Таблица 1

Виды профессиональной деятельности профессионального стандарта «Демограф»

Обобщенные трудовые функции	Трудовые функции
Мониторинг демографических процессов	Формирование демографических баз данных на основе современных цифровых технологий
	Определение демографической конъюнктуры на различных уровнях
Прогнозирование демографических процессов в обществе	Моделирование демографических процессов в обществе
	Разработка сценариев развития демографических процессов в обществе
Демографическая экспертиза и консультирование	Проведение демографической экспертизы проектов и работ
	Информационно-аналитическое обеспечение реализации программ и проектов демографического развития общества

Примечание. Составлено авторами по: [Ростовская, 2023а].

Таблица 2

Периодизация истории развития демографического образования в СССР и России

Временные периоды	Характеристика этапов	Институционализация
1940–1960 гг.	Возникновение научных демографических школ и системы демографического образования в СССР	– в 1945 г. создание кафедры статистики и демографии в МЭСИ
1960–1990 гг.	Становление научных центров и кафедр демографии	– выпуск демографов на базе специалитета (МЭСИ, МГУ); – создание учебно-методических комплексов по демографии
1990–2006 гг.	Стагнация системы демографического образования, связанная с неблагоприятной экономической ситуацией, «разрыв поколений» – отсутствие возможности передачи знаний последующим поколениям	– исключение демографических дисциплин из учебного процесса большинства вузов, в том числе на региональном уровне
2007 – по н.в.	Точечное развитие демографического образования, формирование системы развития кадрового потенциала в области демографии с особой ролью специалистов-демографов в образовательных организациях высшего образования	– создание Института демографии НИУ ВШЭ (2007 г.); – создание Института демографических исследований РАН (2020 г.); – разработка нормативного обеспечения развития демографического образования в России

Примечание. Составлено авторами по: [Ростовская, 2023б].

- Организация издания научных публикаций и статей.
- Грантовая деятельность.
- Межрегиональное сотрудничество.
- Международное сотрудничество.

Заключение

На современном этапе в России осуществляется развитие демографической науки, данная тенденция характерна и для отдельных субъектов страны, которым присуща разнообразность форм институционализации, открытость и внедрение инноваций.

В то же время в научном дискурсе не наблюдается единого подхода к пониманию процессов институционализации демографической науки в регионах, и анализ особенностей данного процесса на примере ЦСиДАНРТ не показал его тождественность с этапами институционализации науки в целом и особую специфику. Проведение исследования на основе применения теоретических основ *акторно-сетевой теории* показало значимую роль в данном процессе, как отдельных акторов-объектов, так и акторов-процессов, среди которых наибольшим синергетическим эффектом обладают актор-процесс: *развитие и укрепление профессионального сотрудничества с российским академическим сообществом*, акторы-объекты: в лице ЦСиДАНРТ и ИДИ РАН.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ На момент публикации статьи Чулпан Ильдусовна Ильдарханова назначена заведующей кафедрой медицинской демографии РМИИ ГАУЗ «МКДЦ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонов 1982 – *Агафонов Н.Т.* Региональная экономика-демографическая обстановка: Основные положения концепции // Социальная география Калининградской области. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1982. С. 25–42.
- Бен-Дэвид 2014 – *Бен-Дэвид Д.* Роль ученого в обществе. М.: НЛЮ, 2014. 344 с.
- Бертильон 1889 – *Бертильон Ж.* Статистика движения населения во Франции = *Statistique humaine de la France*. Спб.: Изд. Н.П. Карбасникова, 1889. 164 с.
- Габдрахманов, Рубцов 2012 – *Габдрахманов Н.К., Рубцов В.А.* Демографический потенциал Республики Татарстан: анализ, оценка, территориальные различия // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2012. № 1. С. 145–155.
- Демографический прогноз... web – Демографический прогноз. Изменение численности населения по вариантам прогноза, 2023 // Росстат // <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
- Жмудь 2021 – *Жмудь Л.Я.* Институционализация, институционализация, институализация науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: XXVII Годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва – Санкт-Петербург, 17–21 мая 2021 года. М.: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2021. С. 30–36.
- Кетле 1866 – *Кетле А.* Социальная система и законы, ею управляющие. Спб., 1866.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Осипова 2015 – *Осипова Н.Г.* Прошлое, настоящее и будущее социологической теории в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 5–28.
- Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021... web – Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://static.government.ru/media/files/QFHNS7LF3pa7KdeiThGuxg90XpAnvYdh.pdf>
- Ростовская 2023а – *Ростовская Т.К.* Особенности работы специалиста-демографа: обзор профессионального стандарта // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 253–258. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.17
- Ростовская 2023б – *Ростовская Т.К.* Демографическое образование в России: исторический ракурс // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2023. № 4. С. 96–102. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.04.016
- Ростовская и др. 2021 – *Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Абдульязнов А.Р. и др.* Демографи-

- ческое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад – 2021. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021
- Ростовская и др. 2022 – *Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Абдульязнов А.Р. и др.* Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022
- Рыбаковский 2023 – *Рыбаковский О.Л.* Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326
- Рязанцев и др. 2020 – *Рязанцев С.В., Архангельский В.Н., Воробьева О.Д. и др.* – Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020. М.: Объединенная редакция, 2020.
- Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145... web – Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
- Указ Президента РФ от 09.10.2007... web – Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299>
- Abraham 1983 – *Abraham G.A.* Misunderstanding the Merton Thesis: A Boundary Dispute between History and Sociology // *Isis*. 1983. Vol. 74, № 3. P. 368–387.
- Guillard 1855 – *Guillard A.* Elements de statistique humaine ou demographie compare. Paris, 1855.
- Landry 1934 – *Landry A.* La révolution démographique. Paris, 1934.
- REFERENCES**
- Agafonov N.T., 1982. Regional Economic and Demographic Situation: Basic Provisions of the Concept. *Sotsialnaya geografiya Kaliningradskoy oblasti*. Kaliningrad, Izd-vo Kaliningr. un-ta, pp. 25-42.
- Ben-David D., 2014. *The Role of the Scientist in Society*. Moscow, NLO Publ. 344 p.
- Bertillon J., 1889. *Statistique humaine de la France*. Saint Petersburg, Izd. N.P. Karbasnikova. 164 p.
- Gabdrakhmanov N.K., Rubtsov V.A., 2012. Demographic Potential of the Republic of Tatarstan: Analysis, Assessment, Territorial Differences. *Bulletin of the Udmurt University. Biology Series. Geosciences*, no. 1, pp. 145-155.
- Demographic Forecast. Change in Population Size According to Forecast Options, 2023. *Rosstat*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
- Zhmud L.Ya., 2021. Institutionalization, Institutionalization, Institutionalization of Science. *Institute of History of Natural Science and Technology Named After S.I. Vavilov: The 27th Annual Scientific International Conference of the Institute of the History of Natural Science and Technology Named After S.I. Vavilov of the RAS, Moscow – Saint Petersburg, May 17–21, 2021*. Moscow, In-t istoriyi estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN, pp. 30-36.
- Quetelet A., 1866. *The Social System and the Laws That Govern It*. Saint Petersburg, 1866.
- Latour B., 2014. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly economici.
- Osipova N.G., 2015. Past, Present and Future of Sociological Theory in Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 2, pp. 5-28.
- Order of the Government of the Russian Federation Dated September 16, 2021 No. 2580-r. “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2021–2025 of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025, Approved by Decree of the President of the Russian Federation” of October 9, 2007 No. 1351 “On Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025”*. URL: <http://static.government.ru/media/files/QFHNS7LF3pa7KdeiThGuxg90XpAnvYdh.pdf>
- Rostovskaya T.K., 2023a. Features of the Work of a Demographer: Review of the Professional Standard. *DEMIS. Demographic Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 253-258. DOI: 10.19181/demis.2023.3.3.17
- Rostovskaya T.K., 2023b. Demographic Education in Russia: Historical Perspective. *Bulletin of the National Research Institute of Public Health Named After N.A. Semashko*, no. 4, pp. 96-102. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.04.016
- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Abdulzyanov A.R. et al., 2021. *Demographic Well-Being of Russian Regions: National Demographic Report – 2021*. Moscow, Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA». 138 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021
- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Abdulzyanov A.R. et al., 2022. Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report – 2022.

- Moscow, Izdatelsko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA». DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022
- Rybakovsky O.L., 2023. Demographic Potential: Essence, Structure and Main Factors. *Living Standards of the Population of Russian Regions*, vol. 19, no. 3, pp. 319-326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326
- Ryazantsev S.V., Arkhangelsky V.N., Vorobyova O.D. et al., 2020. *Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures. National Demographic Report – 2020*. Moscow, Obyedinennaya redaktsiya Publ.
- Decree of the President of the Russian Federation Dated February 28, 2024, No. 145, “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>
- Decree of the President of the Russian Federation Dated October 9, 2007, No. 1351, “On Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299>
- Abraham G.A., 1983. Misunderstanding the Merton Thesis: A Boundary Dispute Between History and Sociology. *Isis*, vol. 74, no. 3, pp. 368-387.
- Guillard A., 1855. *Elements de statistique humaine ou demographie compare*. Paris.
- Landry A., 1934. *La révolution démographique*. Paris.

Information About the Authors

Chulpan I. Ildarhanova, Doctor of Sciences (Sociology), Head of the Department of Medical Demography, Regional Medical Research Institute of State Autonomous Institution of Health “Interregional Clinical Diagnostic Center”, Karbysheva St, 12A, 420101 Kazan, Russian Federation, chulpanildusovna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>

Gulshat M. Rustamova, Postgraduate Student, Junior Researcher, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, Levo-Bulachnaya St, 36A, 420021 Kazan, Russian Federation, gailj_07@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9631-4932>

Yulia N. Ershova, Researcher, Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences, Levo-Bulachnaya St, 36A, 420021 Kazan, Russian Federation, ershova1985@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9447-8010>

Информация об авторах

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова, доктор социологических наук, зав. кафедрой медицинской демографии, Региональный медицинский исследовательский институт ГАУЗ «Межрегиональный клинико-диагностический центр», ул. Карбышева 12А, 420101 г. Казань, Российская Федерация, chulpanildusovna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3992-0336>

Гульшат Махмудовна Рустамова, аспирант, младший научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, ул. Лево-Булачная, 36А, 420021 г. Казань, Российская Федерация, gailj_07@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9631-4932>

Юлия Николаевна Ершова, научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, ул. Лево-Булачная, 36А, 420021 г. Казань, Российская Федерация, ershova1985@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9447-8010>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.13>

UDC 316.444
LBC 60.546.7

Submitted: 29.03.2024
Accepted: 15.06.2024

**MOBILITY IN THE MODERN WORLD:
APPROACHES TO UNDERSTANDING AND NEW FORMATS**

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Natalia N. Semochkina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Currently, mobility studies have begun to cover a wider range of mobility formats, including not only the social and territorial movements of individuals and groups but also their readiness for them and adaptation mechanisms to upcoming, ongoing, or already past social, economic, and cultural changes. The emergence of new and diverse formats of mobility requires their further sociological understanding. The advanced development and complications of objective reality emphasize not only the relevance but also the obvious necessity of its scientific study and description. Our research is aimed at identifying and characterizing the specifics of the new forms of mobility that have emerged, assessing their scale in society and their role in the everyday lives of individuals and social groups. Using the methods of analyzing statistical data and data from scientific works, the article critically examines the evolution of the concept of “mobility” in sociology. Particular attention is paid to modern concepts such as the “mobile turn” and “multi-dimensional mobility”. The results obtained include the identification of new formats of mobility in various spheres of society, including characteristics and prospects for their development in the future. The authors include the concepts of mobility-as-a-service, infrastructure mobility, global labor mobility, and managed migration mobility, the development of digital tourism and travel, and new forms of digital academic mobility as new formats. The article offers an integrated approach to the sociological understanding of mobility as well as an analysis of modern social processes through the prism of the mobile world. The article particularly emphasizes the individualization of sociocultural life in the context of the subjective experience of mobility and its consequences.

Key words: mobility, mobile turn, multi-dimensional mobility, multimodal mobility, forms of mobility.

Citation. Yudina T.N., Semochkina N.N. Mobility in the Modern World: Approaches to Understanding and New Formats. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 120-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.13>

МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ

Татьяна Николаевна Юдина

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Николаевна Сёмочкина

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время исследования мобильности стали охватывать более широкий спектр форматов мобильностей, включающий не только социальные и территориальные перемещения индивидов и групп, но и их готовность к ним, адаптационные механизмы к предстоящим, идущим или уже прошедшим социальным, экономическим, культурным изменениям. Порождение новых разнообразных форматов мобильности требует их дальнейшего социологического осмысления. Опережающее развитие и усложнение объективной реальности подчеркивает не только актуальность, но и очевидную необходимость ее научного изучения и описания. Наше исследование направлено на выявление и описание специфики появившихся новых форм мобильности и оценку их масштабов в обществе и роли в повседневной жизни индивидов и социальных групп. Методами анализа статистических данных и анализа данных научных работ в статье критически рассмотрена эволюция понятия «мобильность» в социологии. Особое внимание уделено современным концепциям, таким как «мобильный поворот» и «многомерная мобильность». Полученные результаты включают выделение новых форматов мобильности в различных сферах жизни общества, включающее характеристики и перспективы их развития в будущем. К новым форматам авторы относят концепцию Mobility-as-a-Service (мобильность как услуга), инфраструктурную мобильность, глобальную трудовую мобильность, управляемую миграционную мобильность, развитие цифрового туризма, тревеливинг и новые формы цифровой академической мобильности. Статья предлагает комплексный подход к социологическому пониманию мобильности, а также анализ современных социальных процессов через призму мобильного мира. В статье особо подчеркивается индивидуализация социокультурной жизни в контексте субъективного переживания мобильности и ее последствий.

Ключевые слова: мобильность, мобильный поворот, многомерная мобильность, мультиимодальная мобильность, формы мобильности.

Цитирование. Юдина Т. Н., Сёмочкина Н. Н. Мобильность в современном мире: подходы к осмыслению и новые форматы // Logos et Praxis. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 120–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.13>

Введение

Мобильность всегда рассматривалась социологической наукой как одно из важнейших направлений анализа. Как отмечал Э. Гидденс, мобильность один из «краеугольных» концептов классической социологии [Giddens, Sutton 2017]. Сегодня проблемы современности, такие как развитие глобализационных процессов, миграция и поиск механизмов регулирования миграционных процессов, космополитизм, нео- и постколониализм, «подвижная» городская жизнь и среда, поиск и создание новых форм контроля и сле-

жения [Шеллер 2018], порождают необходимость исследования мобильности в более широком контексте.

Мобильность, как и все социальные процессы, имеет изменяющийся характер, не стоит на месте, а развивается вслед за развитием общества, занимая важное место в жизни современного человека. Сегодня «быть современным» означает «быть мобильным». Учитывая опыт пандемии, развитие технологий, новых форм занятости, смещение ценностей в молодых поколениях с коллективизма к индивидуализму, можно утверждать, что в ближайшем будущем мобильность станет

самоценностью [Miraftabzadeh, Longo, Foiadelli 2024]. Это уже дает толчок к развитию новых форматов мобильности, которые требуют социологического осмысления, и можно с уверенностью говорить, что эти же процессы будут продолжаться в будущем.

Методология

Представленное исследование ставит своей целью выявление специфики новых форматов социальной мобильности. Для достижения поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи:

- критический анализ научного дискурса в классических и современных социологических подходах к изучению мобильности;
- изучение современных социальных процессов с точки зрения формирования новых мобильных практик;
- обоснование социальных последствий, связанных с развитием новых форматов мобильности в разных сферах жизнедеятельности.

Для выявления и осмысления существенных характеристик мобильности послужил анализ публикаций ведущих международных и российских ученых, анализирующих сущность, причины и социальные последствия мобильности. Материалами для характеристики, оценки и прогноза развития новых форматов мобильности стали открытые данные статистики, а также результаты современных исследований; отчеты компаний; данные официальных интернет-ресурсов отечественных государственных и бизнес-структур, аналитические доклады, исследования международных организаций; опубликованные материалы научно-исследовательских мероприятий (круглых столов, конференций), материалы средств массовой информации по результатам социологических и экономических исследований; прочие данные.

Результаты

Социологическая традиция изучения мобильности

Еще классики социологии обращали внимание на взаимосвязь между социальными изменениями, социальной стабильностью и

социальной мобильностью. В своем известном труде «Социальная мобильность» П.А. Сорокин указывал на то, что мобильность представляет собой изменение положения индивида или группы в системе социальной стратификации. Он также отмечал, что современные общества становятся все более «текущими» [Сорокин 2005]. Американские социологи С. Липсет и Р. Бендикс продолжили развитие идей П. Сорокина в своей работе «Социальная мобильность в индустриальном обществе». Авторы определяют мобильность в схожем с П.А. Сорокиным ключе. Эти выводы они сделали по итогам международного исследования в девяти странах, имеющих примерно одинаковые темпы роста восходящей мобильности [Lipset, Bendix 1991].

Изучение мобильности было продолжено американскими и западноевропейскими исследователями, стоящими на других теоретических позициях, что отразилось и на их подходах к анализу социальной мобильности.

В американской социологии следует упомянуть работу Блау и Данкана [Blau, Duncan 1967], которые разработали иерархию профессий и регрессионную модель для оценки позиции индивида или группы по уровню дохода и образования в социальном пространстве общества равных возможностей. Критический подход к исследованию мобильности представлен американскими социологами Д. Фетерманом и Р. Хаузером, предложившими концепцию «базовой» мобильности для определенных обществ [Featherman, Hauser 1978].

Исследования мобильности европейских социологов чаще базировались на классовых подходах.

Французский исследователь П. Бурдьё развенчивает миф о равных возможностях, предоставляемых образованием, рассматривая его как «еще один резервуар для конвертации основных капиталов». Он также предлагает «теорию трансмиссии социального статуса» и его воспроизводства [Bourdieu 1973].

Необходимо отметить, что до недавнего времени в исследованиях мобильности классовый подход оставался доминирующим. Однако, Э. Гидденс, У. Бек и З. Бауман осуществили социокультурный поворот в сторону индивидуализации, что концептуально из-

менило понимание социальной позиции в исследованиях социальной мобильности. Они возложили на индивида ответственность за формирование своей идентичности в современном мире [Giddens 2002; Beck 2007; Bauman 2013].

В современных исследованиях мобильность приобретает первостепенное, самостоятельное значение. Такой «мобильный поворот» (mobility turn) совершил Дж. Урри. Его исследование охватывает не только социальные перемещения, но и физические и материальные практики движения, коммуникативные и цифровые перемещения, а также инфраструктуру и системы управления, которые способствуют или препятствуют этим перемещениям. Он также рассматривает представления, идеологию и значения, связанные с движением и неподвижностью [Urry 2000]. Внимание сосредоточено на взаимосвязи различных форм мобильности и неподвижности (immobilities). Вот почему стали говорить о «новой парадигме мобильностей» [Sheller, Urry 2006] – «мобильном повороте».

Этот подход расширяет предыдущие рамки путем включения анализа «пространственной мобильности» людей и объектов, передвижения информации (включая изображения), денежных и технических средств, а также инфраструктуры, обеспечивающей различные виды перемещений (таких как транспорт и программные комплексы, облегчающие поездки и коммуникацию) [Шеллер 2018, 96]. Кроме того, он устанавливает связь между каждым типом мобильности и реляционной онтологией взаимодействия субъектов, пространства и смыслов в совместном конструировании.

Дальнейшим развитием концепции Дж. Урри, стал комплексный, целостный (холистический) подход, в котором современные форматы мобильности анализируются по направлениям микромобильности, услуги мобильности на базе автомобилей (car-based mobility services) и цифровые онлайн-платформы. Исследователи приходят к выводу, что эти направления имеют отличительные особенности: это городские или пригородные виды транспорта, которые обычно используются обеспеченными и образованными людьми, чаще всего молодыми, и они обязательно

учитывают экологическую повестку [Mubiru, Westerholt 2024]. В российском социологическом дискурсе разработан похожий концепт «многомерной (мультимодальной) мобильности». Концепция мобильности как широких жизненных изменений рассматривается ими в единстве объективной и субъективной мобильности [Семенова, Черныш, Сушко (ред.) 2019].

Мультимодальность в концепциях мобильности

Мобильность как услуга. Концепция Mobility-as-a-Service (MaaS) появилась порядка десяти лет назад вместе с массовым распространением смартфонов [What is MaaS? web].

Новые возможности мобильных телефонов дали толчок развитию самых разных цифровых платформ, в том числе цифровой мультимодальной транспортной сети. В основе этой идеи лежит подключение поставщиков перевозок к единой платформе, аккумулирующей данные. Пользователи в смартфоне должны иметь приложение, через которое можно будет спланировать свой маршрут, арендовать практически любой транспорт, в том числе вызвать такси, купить билет на метро или трамвай.

MaaS определяется как «бесшовная интеграция транспорта, удобных платежных платформ и улучшенного клиентского опыта» [Sachin, Rumde, Nithin 2023, 2]. Пилотные проекты MaaS в настоящее время тестируются во многих городах и регионах по всему миру с различными бизнес-моделями и архитектурой.

Исследователи MaaS говорят, что такой «подход позволит разгрузить городские дороги, избавиться от пробок, снизить объемы выхлопов. А в перспективе, за счет анализа получаемых от пользователей данных, – оптимально развивать транспортную и не только инфраструктуру городов» [Коробченко 2021, 28].

У данной цифровой платформы появилось и название – «мобилити». Реализация концепции многокомпонентной мобилити позволит отказаться от частного автотранспорта. Можно сказать, что MaaS бросает вызов как решению экологических проблем, так и

проблем с заторами и бесперебойному функционированию пассажирской мобильности.

Инфраструктурная мобильность.

По мере роста населения городов критической проблемой становится мобильность граждан в них. Согласно прогнозу ежегодной программы ООН по содействию устойчивому развитию населенных пунктов UN-Habitat, к 2050 г. количество пассажиро-километров увеличится в 3–4 раза по сравнению с 2000 г. [Программа ООН web]. Соответственно цель развития – создание более удобного, эффективного и экологичного способа передвижения людей и перевозки грузов. Необходимы транспортные системы с высокой пропускной способностью, являющихся сочетанием метро, трамваев и скоростных автобусов.

Обновленная транспортная инфраструктура должна отвечать следующим требованиям: скорость; комфортабельность; интермодальность; интеллектуальность; экологичность.

Как отмечают исследователи, главными трендами развития инфраструктурной мобильности будут: переход на электротранспорт; появление новых транспортных мобилити-хабов; использование больших данных для выстраивания эффективной транспортной системы; продвинутое гостеприимство; автоматизация и самообслуживание по оплате всевозможных услуг [Дмитриенко web; Пищикова 2021].

Ярким примером формирования инфраструктурной мобильности сегодня служит Москва. В 2010 г. среди мегаполисов по уровню развития транспортной инфраструктуры Москва занимала 8-е место. К 2018 г. Москва уже уступала лишь Токио, а с Лондоном находилась на одном уровне (рис. 1).

Однако после того как в 2018 г. был дан старт проекту «Цифровой городской транспорт» в рамках концепции «Умный город», столица взяла курс на мультимодальную инфраструктурную мобильность, то есть создание такой транспортной интеграционной системы в мегаполисе, которая позволяет строить маршруты с использованием нескольких видов транспорта и цифровых сервисов оплаты и информирования. В 2022 г. эта система получила премию Международного союза общественного транспорта (МСОТ) UITP Awards 2022. В этом же году Москва заняла первое место в Индексе городского процветания программы UN-Habitat сразу по двум показателям: «Качество жизни» и «Развитие городской инфраструктуры».

Опыт Москвы может быть транслирован и в другие крупные города России, а повышение инфраструктурной мобильности между городами позволит решить проблемы российского рынка труда, для которого характерна низкая трудовая мобильность населения.

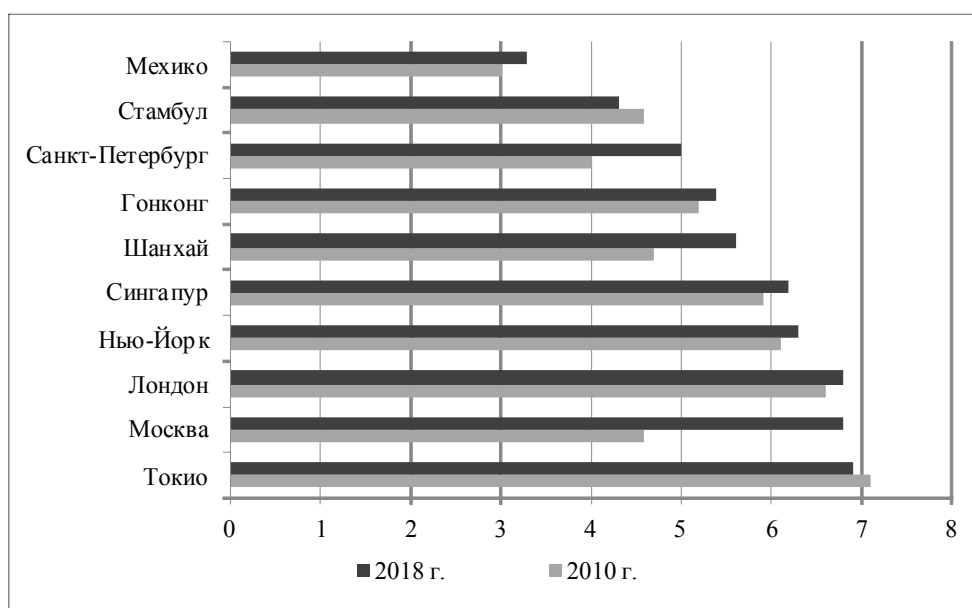

Рис. 1. Динамика Индекса развития транспортного комплекса ведущих мегаполисов мира 2010–2018 годов

Примечание. Составлено авторами по данным МГУ им. М.В. Ломоносова [Федянин и др. 2020, 32].

Исследования показывают [Мкртчян 2018], что в субъектах страны уже много лет существует дисбаланс трудовых ресурсов по тем или иным специальностям и потребностям в них, выровнять который можно за счет внутренней миграции. Если будет высокоскоростная транспортировка кадров между регионами, дисбаланс постепенно будет сглажен. Кроме этого, повышение инфраструктурной мобильности поможет снизить концентрацию населения в крупных агломерациях. Важную роль в развитии внутренней инфраструктурной мобильности играет развитие телекоммуникационной инфраструктуры и повышение скорости передачи данных в регионах [Камари 2023].

Глобальная трудовая мобильность.

Глобальная мобильность персонала как явление перерастает в масштабную тенденцию. По данным компании PwC, в мире еще до пандемии существовала тенденция роста числа специалистов, работающих за границей [Talent Mobility... web]. В 2021 г. в мире насчитывалось 169 млн иностранных работников, среди них 99 млн – мужчин и 670 млн женщин. Чаще всего они были заняты в сфере услуг, промышленности и сельском хозяйстве, но постепенно этот тренд начинает меняться [ILO Global Estimates... web].

Трудовая мобильность прогрессирует не только за счет переезда в другую страну ради трудоустройства. Уже в 2020 г. 17,4 % работников имели удаленный формат работы и соответственно возможность работать из любой точки планеты. В период пандемии это количество выросло до 95 % в некоторых компаниях, в первую очередь сферы ИКТ и дизайна. Таким образом, тренд на удаленную работу, с одной стороны, значительно повысил долю удаленных и гибридных вакансий, с другой стороны, тренд глобализации привел к укреплению ориентаций работников на международную карьеру [From Potential to Practice... web].

Вместе с тем, развитие глобальной мобильности персонала сопряжено с целым рядом барьеров, таких как усложнение трудового и миграционного законодательства, визовые ограничения, а также развитие целого ряда вооруженных и политических конфликтов в 2022–2024 годах.

Несмотря на ограничения, молодое поколение на рынке труда в качестве приоритетов ставит свободу, пространство, личные предпочтения, значит, и будущий тип организации трудовых отношений для молодых сотрудников видится ими в свободном графике, частичной занятости и возможности удаленной работы. Поэтому глобализация трудовой мобильности будет только возрастать.

Управляемая миграционная мобильность. Как отмечается в докладе МОМ, за 2023 г. миграционные потоки достигли рекордного уровня. Количество международных мигрантов в мире составляет порядка 281 млн человек. Меняется и характер миграции. Если раньше мигрант – это чаще мужчина, который едет на заработки или учебу, чтобы поддерживать семью и затем вернуться на родину, то в последние годы активно развивается и семейная мобильность [International Migration Outlook web].

В настоящее время большинство развитых стран мира развивают методы управления миграцией. Признается, что экономики многих стран нуждаются в привлечении новых работников из-за рубежа, так как своих у них попросту нет или их недостаточно для покрытия потребностей рынка труда. Местная молодежь часто имеет завышенные карьерные ожидания и предпочитает не работать вообще, что приводит государство к необходимости замещения вакансий более конформно настроенной рабочей силой. Для этого используются разные методы, например, программы привлечения талантов, оплачиваемых стажировок, визовая поддержка молодежи из развивающихся стран. Например, США и Великобритания выдают специальные визы Global Talent.

В докладе МОМ сказано, что успешность привлечения мигрантов в значительной степени определит экономические и социальные траектории стран и их успешность в будущем [Migrants... web, 41]. Поэтому управляемая миграционная мобильность развивается повсеместно. Разные страны имеют разные приоритеты, но заметно, что образованная молодежь является наиболее предпочитаемым объектом. Обеспечение поддержки членов семьи мигранта – важное конкурентное преимущество страны-реципиента.

В то же время стоит отметить, что пандемия COVID-19, начавшаяся в 2019 г., самым серьезным образом повлияла на территориальную мобильность населения между государствами в сторону снижения. Следует отметить, что управление миграцией тесно связано как с нынешними событиями, характеризующимися усилением мировой напряженности (включая пандемию, политические и экономические кризисы), так и с долгосрочными тенденциями (например, демографическими изменениями, экономическим развитием, прогрессом в области коммуникационных технологий и доступностью средств передвижения).

Цифровой туризм. Еще в начале века З. Бауман писал о «конце географии» (по аналогии с концом истории Ф. Фукуямы): «Расстояния уже не имеют значения, а идею геофизической границы в реальном современном мире становится все труднее поддерживать» [Бауман 2004, 25]. По его мнению, цифровизация является важнейшим техническим фактором мобильности, поскольку позволяет избегать перемещения физического тела и достигать ту точку в пространстве, которая кажется пользователю необходимой здесь и сейчас. «Появление компьютерной «всемирной паутины» положило конец... самому понятию «перемещения» (и «расстояния», которое необходимо преодолеть)» [Бауман 2004, 27].

Виртуальная реальность как способ посетить город мечты уже никого не удивит. И если совсем недавно виртуальное путешествие представляло собой просмотр заранее подготовленного видео на профильной онлайн-платформе, то уже сегодня проводятся онлайн-экскурсии в режиме реального времени с использованием различных стриминговых платформ. Появились и новые формы – цифровые двойники известных личностей в качестве гидов, исторические реконструкции, дополненная реальность. Подобные сервисы требуют проведения соответствующей переподготовки гидов, модерации туристической программы, а также постоянной работы над совершенствованием качества изображения с целью достижения эффекта виртуальной реальности.

Кроме того, возможности интернета привели к созданию и цифровой инфраструктуры

туристической мобильности. Уже достаточно долгое время существуют сервисы по поиску вариантов размещения. Но в настоящее время эти сервисы становятся и информационно-коммуникационными платформами, где можно общаться, оставлять отзывы, связываться с людьми, то есть имеют и функции социальных сетей.

Сетевой характер цифровой инфраструктуры туризма выражается и в создании новых платформ взаимодействия пользователей, например, виртуальные гостевые сети [Махова 2023]. Ярким примером проявления глобального интернет-сообщества может служить международная сеть гостеприимства CouchSurfing.com. Это онлайн-платформа и мобильное приложение, где пользователи со всего мира могут зарегистрироваться и предлагать взаимопомощь во время путешествий, включая бесплатное предоставление жилья.

Цифровая инфраструктура туристической отрасли развивается настолько быстро и эффективно, что упрощает самостоятельные путешествия. Теперь для них самое важное – это наличие устройства с доступом в интернет. Роль же туристического агентства становится незначительной.

Тревеливинг: мобильность как образ жизни. Этот новый вид мобильности в сфере автономных путешествий представляет собой уникальный образ жизни, где передвижение становится главным аспектом. Термин «тревеливинг» обрел популярность недавно, происходя от сочетания английских слов travel (путешествие) и living (жизнь).

Тревеливинг как образ жизни в постоянном движении привлекает все больше последователей из различных социокультурных сфер.

Тревеливинг как жизнь в путешествии становится все более актуальным в наше время, привлекая своих последователей из различных социокультурных групп. Изначально ассоциировавшийся с бродячими музыкантами и актерами, тревеливинг завоевывает популярность среди тех людей, которые выбирают путь постоянных путешествий в одиночку или с семьей. Это понятие возникает как запрос на замедление жизни, развитие осознанности, когда туристическая поездка превращается в детальное изучение местных особенностей – не столько достопримеча-

тельностью, сколько локальной культуры и образа жизни [Pileri, Moscarelli 2021]. В отличие от традиционного туризма, тревеливинг не ограничен временными рамками, и перемещения осуществляются внутри финансово-бытовой модели. Несмотря на существующие ограничения, связанные с концепцией тревеливинга, такие как необходимость пересечения границ, визовой поддержки, трудности адаптации к новым культурным контекстам в каждой локации, такой образ жизни привлекает своей необычностью, возможностью получения глубоких впечатлений вне стандартных сценариев и привычных географических координат.

Развитию тревеливинга также служит и развитие инфраструктурной и транспортной мобильности, доступность удаленной работы, возможности онлайн-заработка, популярность ведения блогов и каналов [Назаренко, Тихонова 2022]. И конечно популярность идей свободы, путешествий по миру и ценность мобильности. С этой точки зрения тревеливинг также может рассматриваться как поворот к индивидуализации жизненных практик.

Цифровая академическая мобильность. Цифровая академическая мобильность получила небывалое развитие в период пандемии и сохранила свои позиции после нее. Это понятие охватывает не только удаленные формы обучения, онлайн-курсы, которые позволяют студентам обретать образовательный опыт в глобальном контексте, не выходя из своих домов. Новые формы – это виртуальные обмены преподавателями, проведение онлайн-защит диссертаций, дистанционные заседания советов. Это открывает новые перспективы для сотрудничества между учебными учреждениями по всему миру. Рабочее время академиков высоко ценится, поэтому его сокращение за счет дороги дает множество возможностей для участия лучших кадров в образовательном процессе разных вузов, особенно если у ученого узкая специализация. В масштабах глобального образовательного сообщества, цифровая академическая мобильность становится неотъемлемым компонентом обучения, предоставляя студентам уникальные возможности для интеграции в мировое образовательное пространство [Певзнер, Петряков, Смертин 2023].

Конечно, в российской академической среде произошли масштабные перемены в 2022 году. С одной стороны, санкции, закрытие программ обмена с недружественными странами, отсутствие доступа к платформам видеоконференцсвязи привели к существенным изменениям. С другой стороны, переориентация образовательной и научной политики сделала эти изменения позитивными и дала старт новым направлениям сотрудничества в евразийском, южноазиатском, латиноамериканском регионах. Приоритетное импортозамещение привело к разработке отечественного ПО и в будущем будет способствовать укреплению лидерских позиций России в сфере цифровой мобильности с заинтересованными партнерами.

Обсуждение

Современный мир с его технологиями и многочисленными сервисами как будто создан для мобильной жизни. Разнообразие новых форм этой мобильности столь велико, что ученые, просто не успевают не только прогнозировать будущие тенденции, но и даже отслеживать то, что происходит в реальности. И тем более охват новых форм мобильности в рамках одной статьи оказывается проблематичным.

Изучение мобильностей уже не ограничивается перемещениями людей. Оно охватывает также перемещения различного рода объектов, информации и изображений, капитала, самих средств передвижения, мобильную связь на нескольких уровнях одновременно. Кроме этого, исследование включает в себя не только реальные, но и потенциальные перемещения, а также различные формы неподвижности, «жительства» и обустройства территории.

Необходимо рассматривать и другую сторону развития разнообразных форм мобильности, которая отражается не только в высокой степени социальной одобряемости и желательности, а иногда и принуждения к мобильности. По мысли бельгийского исследователя К. Минке, «вездесущность и предпринимающий характер превращают мобильность в современную тотальную идеологию» [Mincke 2016].

Современные социотехнические и культурные трансформации мобильности побуждают исследователей к выработке новых теоретических и методологических подходов. Так в своих работах Шеллер и Урри отмечают развитие систем «умной» среды и создание новых видов мобильных устройств, которые способствуют формированию новых форм мобильной связи, таких как, передача человеком с мобильного устройства задачи для ее выполнения техническим устройством. И как следствие новые форматы мобильной коммуникации, порождают новые толчки физической мобильности как людей, а также транспорта и вещей [Sheller, Urry 2003].

Специализированные исследования в области транспортной мобильности набирают обороты. Сегодня внимание ученых сосредоточено не только на средствах передвижения, но и на значимости инфраструктуры в формировании социальных мобильностей. Современная инфраструктура включает не только дороги и системы канализации, но и телекоммуникационные сети, радиовещание, аэропорты, передовые спутниковые технологии и мобильные коммуникации. Эти компоненты «орkestрируют паттерны социального взаимодействия людей и обеспечивают социальную адаптацию в повседневной жизни» [Урри 2012].

Сегодня исследования мобильности ориентированы на индивидуализацию социокультурной жизни, так как мобильность уже не только объективно наблюдаемая, но и субъективно проживаемая, а значит ее исследования будут все более актуальны и популярны.

Безусловно, в одной статье анализ всех новых видов мобильности может носить скорее описательный характер, выявляющий тренды и проблемы в социологическом понимании социальной мобильности. Однако именно такой вид анализ актуализирует дальнейшие исследования и способствует углублению научного дискурса.

Заключение

Социологическое изучение миграции имеет достаточно длинную историю. Она рассматривалась как перемещение человека или группы людей по горизонтальной или верти-

кальной оси. Однако в век миграции мы видим изменение ее смыслов, значения и соответствующее формирование ее новых видов в условиях «текучести» и изменчивости общества, хрупкости социальной структуры и индивидуализации социальных практик. Это приводит к смещению научного дискурса с пространственного понимания перемещений к комплексному мультимодальному подходу, учитывающему множество факторов.

Мультимодальность – это не только сочетание разных условий и факторов, но и развитие разных форм мобильности, которые находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. К таким формам относятся Mobility-as-a-Service, которая представляет собой интегрированную платформу для поставщиков и пользователей транспортных услуг и других услуг по передвижению. На ее основе развивается и инфраструктурная мобильность, которая понимается не просто как развитие транспорта, а соответствие этого развития принципам современной жизни и ценностям общества: сочетание скорости, комфорта, технологий умного города и экологичности. Инфраструктурная мобильность становится основой для развития межрегиональной мобильности и, как следствие, создает условия для кадрового равновесия в регионах.

В целом тренд на глобализацию трудовой мобильности заметен уже длительное время. Но этот тренд сталкивается с развитием удаленных форм занятости, который в сочетании с последствиями геополитических потрясений ведет к вынужденной оседлости трудовых мигрантов в «спокойных» регионах планеты.

В свою очередь, это формирует и кадровый голод во многих странах, проходящих процесс старения населения. Борьба за работников формирует стратегии управляемой миграционной мобильности, предусматривающие создание привлекательных условий не только для самих трудовых мигрантов, но и для их семей. Отсюда и рост семейной миграции, когда работающая молодежь увозит за собой не только своих детей, и но и пожилых родителей.

Новые формы мобильности возникли и в сфере туризма, где активное использование цифровых технологий формирует пространство для онлайн-путешествий и взаимодействий.

Это способствует развитию индивидуально-го туризма, его замедлению с целью погружения в местную культуру. Ценность мобильности формирует устойчивый долговременный характер путешествий, когда они длятся в течение года или нескольких лет, а иногда и в течение всей жизни (тревелвинг).

Еще одной новой формой мобильности стоит назвать академические обмены, которые получили серьезное развитие благодаря пандемии. Удаленная занятость преподавателей, чтение лекций, работа над исследованиями – это не только экономия ресурсов на пространственных перемещениях, но и значимый фактор развития современной науки и научной коммуникации.

Таким образом, специфика новых форматов социальной мобильности обусловлена глобализацией и научно-техническим прогрессом, которые формируют новые социальные практики. Многовекторное развитие мобильностей в свою очередь требует развития междисциплинарного подхода в современных социологических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман 2004 – *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
- Дмитриенко web – *Дмитриенко И.* Мобильность как услуга: что скрывается за новой концепцией городского транспорта [Деловой журнал «Профиль». 16.12.2020] // <https://profile.ru/scitech/mobilnost-kak-usluga-chto-skrivaetsya-za-novoj-koncepciej-gorodskogo-transporta-440429/>
- Камари 2023 – *Камари Д.М.* К вопросу о мобильности и имобильности рабочей силы в России и в мире // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4 (53). С. 171–178. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-171-178
- Коробченко 2021 – *Коробченко А.* Мобильность как сервис // Сибирская нефть. 2021. № 1 (178). С. 28–33.
- Махова 2023 – *Махова К.Б.* Цифровой туризм в России // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. СПб.: Сциентиа, 2023. С. 678–679.
- Мкртчян 2018 – *Мкртчян Н.В.* Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения // Региональные исследования. 2018. № 1. С. 72–81.
- Назаренко, Тихонова 2022 – *Назаренко А.С., Тихонова О.В.* Тревел-блогинг в Instagram и YouTube: влияние пандемии // Меди@льманах. 2022. № 1 (108). С. 68–76. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.6876
- Певзнер, Петряков, Смертин 2023 – *Певзнер М.Н., Петряков П.А., Смертин И.В.* Стратегии интернационализации регионального университета в контексте вызовов современности // Модели и стратегии развития интернационализации регионального вуза в реальном и виртуальном пространстве. Ульяновск: Зебра, 2023. С. 79–113.
- Пищикова 2021 – *Пищикова О.В.* Анализ моделей реализации концепции «Мобильность как услуга» в управлении городским транспортом // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 555–564. DOI: 10.18334/epp.11.3.111742
- Программа ООН web – Программа ООН по населенным пунктам и проект бюджета Фонда ООН для Хабитат // <https://unhabitat.org/sites/default/files/2024/02/russian.pdf>
- Семенова, Черныш, Сушко (ред.) 2019 – *Семенова В.В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. (ред.)*. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. М.: ФНИСЦРАН, 2019.
- Сорокин 2005 – *Сорокин П.А.* Социальная мобильность. М.: Академия, 2005.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Федянин и др. 2020 – *Федянин А.А., Грунин А.А., Карасев О.И., Кривцова А.О., Михайленко Д.А., Петрова Т.А.* Индекс развития транспортного комплекса. Аналитический доклад. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020.
- Шеллер 2018 – *Шеллер М.* Новая парадигма мобильности для «подвижной» социологии // Социология: 4М. 2018. № 47. С. 93–143.
- Bauman 2013 – *Bauman Z.* Liquid Modernity. N. Y.: Wiley, 2013.
- Beck 2007 – *Beck U.* Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World // The British Journal of Sociology. 2007. № 58 (2). С. 679–705.
- Blau, Duncan 1967 – *Blau P., Duncan O.* The American Occupational Structure. N. Y.: Wiley, 1967.
- Bourdieu 1973 – *Bourdieu P.* Cultural Reproduction and Social Reproduction. London: Tavistock, 1973.
- Featherman, Hauser 1978 – *Featherman D.L., Hauser R.M.* Opportunity and Change. N. Y.: Academic Press, 1978.
- From Potential to Practice... web – From Potential to Practice: Preliminary Findings on the Numbers

- of Workers Working from Home During the COVID-19 Pandemic. ILO, 2021 // https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_protect/—protrav/—travail/documents/briefingnote/wcms_777896.pdf
- Giddens 2002 – *Giddens A.* Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. N. Y.: Routledge, 2002.
- Giddens, Sutton 2017 – *Giddens A., Sutton Ph.* Essential Concepts in Sociology. N. Y.: Wiley, 2017.
- ILO Global Estimates... web – ILO Global Estimates on International Migrant Workers. GENEVA: ILO, 2021 // https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—dgreports/—dcomm/—publ/documents/publication/wcms_808935.pdf
- International Migration Outlook web – International Migration Outlook. OECD. 2023 // <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b0f40584-en/index.html?itemId=/content/publication/b0f40584-en>
- Lipset, Bendix 1991 – *Lipset S.M., Bendix R.* Social Mobility and Industrial Society. N. Y.: Transaction Publishers, 1991.
- Migrants... web – Migrants, Refugees, & Societies. A World Bank Group Flagship Report. World Development Report. 2023 // <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023>
- Mincke 2016 – *Mincke Ch.* From Mobility to its Ideology. When Mobility Becomes an Imperative // *The Mobilities Paradigm*. London: Routledge, 2016. P. 11–33. DOI: 10.4324/9781315555515
- Miraftabzadeh, Longo, Foadelli 2024 – *Miraftabzadeh S.M., Longo M., Foadelli F.* Mobility and Future Trends // *Emerging Battery Technologies to Boost the Clean Energy Transition Cost, Sustainability, and Performance Analysis*. Cham: Springer-Nature, 2024. P. 3–12. DOI: 10.1007/978-3-031-48359-2_1
- Mubiru, Westerholt 2024 – *Mubiru I., Westerholt R.* A Scoping Review on the Conceptualisation and Impacts of New Mobility Services // *European Transport Research Review*. 2024. № 16 (1). P. 1–12. DOI: 10.1186/s12544-024-00633-5
- Pileri, Moscarelli 2021 – *Pileri P., Moscarelli R.* From Slow Tourism to Slow Travel // *Cycling & Walking for Regional Development*. Cham: Springer Nature, 2021. P. 3–16. DOI: 10.1007/978-3-030-44003-9_1
- Sachin, Rumde, Nithin 2023 – *Sachin S., Rumde S., Nithin R.* Mobility as a Service: Good Practices and Challenges. Preprint. July 2023. P. 1–15. DOI: 10.13140/RG.2.2.23247.46242
- Sheller, Urry 2003 – *Sheller M., Urry J.* Mobile Transformations of ‘Public’ and ‘Private’ Life // *Theory, Culture and Society*. 2003. № 20 (3). P. 107–125.
- Sheller, Urry 2006 – *Sheller M., Urry J.* The New Mobilities Paradigm // *Environment and Planning A*. 2006. № 38 (2). P. 207–226. DOI: 10.1068/a37268
- Talent Mobility... web – Talent Mobility: The Next Generation of International Assignments. PWC, 2020 // <https://www.pwc.com/gx/en/managing-tomorrows-people/future-of-work/pdf/talent-mobility-2020.pdf>
- Urry 2000 – *Urry J.* Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London; N. Y.: Routledge, 2000.
- What is MaaS? web [Maas-Alliance] // <https://maas-alliance.eu/homepage/what-is-maas/>

REFERENCES

- Bauman Z., 2004. *Globalization: The Human Consequences*. Moscow, Ves Mir Publ.
- Dmitrienko I., 2020. *Mobility as a Service: What Is Behind the New Concept of Urban Transport (Delovoj zhurnal «Profil». 16.12.2020)*. URL: <https://profile.ru/scitech/mobilnost-kak-uslugachto-skryvaetsya-za-novoj-koncepciej-gorodskogo-transporta-440429/>
- Kamari D.M., 2023. To the Question of Mobility and Immobility of Labour Force in Russia and in the World. *Socialno-trudovye issledovaniya*, no. 4 (53), pp. 171-178. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-171-178
- Korobchenko A., 2021. Mobility as a Service. *Sibirskaya neft*, no. 1 (178), pp. 28-33.
- Mahova K.B., 2023. Digital Tourism in Russia. *Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy*. Saint Petersburg, Scientia Publ., pp. 678-679.
- Mkrtychyan N.V., 2018. Age Profile of Intra-Russian Labour Migration and Other Forms of Spatial Mobility of the Population. *Regionalnye issledovaniya*, no. 1, pp. 72-81.
- Nazarenko A.S., Tihonova O.V., 2022. Travelling-Blogging in Instagram and YouTube: The Impact of the Pandemic. *Medi@lmanah*, no. 1 (108), pp. 68-76. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.6876
- Pevzner M.N., Petryakov P.A., Smertin I.V., 2023. Strategies of Internationalisation of a Regional University in the Context of Challenges of Modernity. *Modeli i strategii razvitiya internacionalizacii regionalnogo vuz a v realnom i virtualnom prostranstve*. Ulyanovsk, Zebra Publ., pp. 79-113.
- Pishchikova O.V., 2021. Analysis of Models for Implementing the Concept of “Mobility as a Service” in Urban Transport Management. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, vol. 11, no. 3, pp. 555-564. DOI: 10.18334/epp.11.3.111742

- UN Human Settlements Programme and the Draft 2024 Budget of the UN Habitat and Human Settlements Foundation. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2024/02/russian.pdf>
- Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (eds.), 2019. *Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects*. Moscow, FNISCRAN.
- Sorokin P.A., 2005. *Social Mobility*. Moscow, Akademiya Publ.
- Urry J. *Mobilities*, 2012. Moscow, Praxis Publ.
- Fedyanin A.A., Grunin A.A., Karasev O.I., Krivcova A.O., Mihajlenko D.A., Petrova T.A., 2020. *Transport Complex Development Index. Analytical Report*. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova.
- Sheller M., 2018. A New Mobility Paradigm for “Mobile” Sociology. *Sociologiya: 4M*, no. 47, pp. 93-143.
- Bauman Z., 2013. *Liquid Modernity*. New York, Wiley.
- Beck U., 2007. Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World. *The British Journal of Sociology*, no. 58 (2), pp. 679-705.
- Blau P., Duncan O., 1967. *The American Occupational Structure*. New York, Wiley.
- Bourdieu P., 1973. *Cultural Reproduction and Social Reproduction*. London, Tavistock.
- Featherman D.L., Hauser R.M., 1978. *Opportunity and Change*. New York, Academic Press.
- From Potential to Practice: Preliminary Findings on the Numbers of Workers Working from Home During the COVID-19 Pandemic*. ILO, 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—ed_protect/—protrav/—travail/documents/briefingnote/wcms_777896.pdf
- Giddens A., 2002. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. New York, Routledge.
- Giddens A., Sutton Ph., 2017. *Essential Concepts in Sociology*. New York, Wiley.
- ILO *Global Estimates on International Migrant Workers*, 2021. GENEVA, ILO. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/—dgreports/—dcomm/—publ/documents/publication/wcms_808935.pdf
- International Migration Outlook*. OECD, 2023. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b0f40584-en/index.html?itemId=/content/publication/b0f40584-en>
- Lipset S.M., Bendix R., 1991. *Social Mobility and Industrial Society*. New York, Transaction Publishers.
- Migrants, Refugees, & Societies. A World Bank Group Flagship Report. World Development Report*, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023>
- Mincke Ch., 2016 From Mobility to Its Ideology. When Mobility Becomes an Imperative. *The Mobilities Paradigm*. London, Routledge, 2016, pp. 11-33. DOI: 10.4324/9781315555515
- Miraftabzadeh S.M., Longo M., Foadelli F., 2024. Mobility and Future Trends. *Emerging Battery Technologies to Boost the Clean Energy Transition Cost, Sustainability, and Performance Analysis*. Cham, Springer-Nature, pp. 3-12. DOI: 10.1007/978-3-031-48359-2_1
- Mubiru I., Westerholt R. A Scoping Review on the Conceptualisation and Impacts of New Mobility Services. *European Transport Research Review*, 2024, no. 16 (1), pp. 1-12. DOI: 10.1186/s12544-024-00633-5
- Pileri P., Moscarelli R., 2021. From Slow Tourism to Slow Travel. *Cycling & Walking for Regional Development*. Cham: Springer Nature, pp. 3-16. DOI: 10.1007/978-3-030-44003-9_1
- Sachin S., Rumde S., Nithin R., 2023. *Mobility as a Service: Good Practices and Challenges*. Preprint, July, pp. 1-15. DOI: 10.13140/RG.2.2.23247.46242
- Sheller M., Urry J., 2003. Mobile Transformations of ‘Public’ and ‘Private’ Life. *Theory, Culture and Society*, no. 20 (3), pp. 107-125.
- Sheller M., Urry J., 2006. The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A*, no. 38 (2), pp. 207-226. DOI: 10.1068/A37268
- Talent Mobility: The Next Generation of International Assignments*. PWC, 2020. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/managing-tomorrows-people/future-of-work/pdf/talent-mobility-2020.pdf>
- Urry J., 2000. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London, New York, Routledge.
- What is MaaS? web (Maas-Alliance)*. URL: <https://maas-alliance.eu/homepage/what-is-maas/>

Information About the Authors

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Natalia N. Semochkina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Ethnography, and Sociometry, Russian State Social University, V. Pika St, 4/1, 129226 Moscow, Russian Federation, odinokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9872-8339>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Юдина, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, к. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Наталья Николаевна Семочкина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, ул. В. Пика, 4/1, 129226 г. Москва, Российская Федерация, odinokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9872-8339>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.14>

UDC 316.342

LBC 60.524-60.56

Submitted: 25.03.2024

Accepted: 15.06.2024

MIGRATION OF THE MODERN RURAL POPULATION (ON THE EXAMPLE OF FOUR CFR OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA)¹

Ludmila V. Namrueva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. The Republic of Kalmykia, a southern Russian region, has an agricultural focus. As a result of fundamental transformations in this economic sphere in the early 1990s, the region has been experiencing complex demographic and socio-economic processes for the third decade. The liquidation of Soviet states and collective farms deprived workers of guaranteed employment, which, in turn, contributed to the active social mobility of the rural population. Its migration behavior led not only to a decrease in the proportion of the rural population but also to a deterioration in the quality of the demographic potential of rural settlements (aging population, a high proportion of men who have never been married, deviant forms of behavior of the remaining single people), and the disappearance of villages. The author examines the mobility of the rural population of Kalmykia, using statistical information for the intercensal periods 2002–2010 and 2010–2021, passports of the four rural municipalities of the Tselinny district under study (Arshan Bulg, Baga-Chonos, Ovata, Yalmta). The number in these small settlements has decreased significantly. Despite the fact that collective enterprises operate in the territory of the studied self-government enterprises, only a small number of rural residents are employed in them, which is equivalent to one small team of former Soviet farms. The unresolved decades of such social problems as the lack of sources of increasing family income and jobs and the migration activity of villagers intensify the negative consequences of the post-Soviet transformations of the village and agrarian sector of the steppe region. It should be noted that the traditional management of personal farmsteads for rural residents of the republic is also undergoing changes. The data of the analyzed passports indicate a decrease in the number of personal subsidiary farms. Thus, the listed socio-economic factors contribute to the strengthening of social movements of rural residents both inside and outside the republic.

Key words: Republic of Kalmykia, rural settlements, rural population, migration, causes of migration, unemployment.

Citation. Namrueva L.V. Migration of the Modern Rural Population (On the Example of Four CFR of the Republic of Kalmykia). *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 133-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.14>

УДК 316.342

ББК 60.524-60.56

Дата поступления статьи: 25.03.2024

Дата принятия статьи: 15.06.2024

МИГРАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕТЫРЕХ СМО РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)¹

Людмила Васильевна Намруева

Уфимский университет науки и технологии, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Республика Калмыкия, южнороссийский регион, имеет сельскохозяйственную направленность. В результате кардинальных преобразований этой экономической сферы в начале 1990-х гг. третье десятилетие регион переживает сложные демографические, социально-экономические процессы. Ликвидация советских совхозов и колхозов лишила гарантированной трудовой занятости тружеников, что, в свою очередь, способствовало активной социальной мобильности сельского населения. Его миграционное поведение привело не только к уменьшению удельного веса сельского населения, но и к ухудшению качества демографического потенциала сельских населенных пунктов (старение населения, высока доля мужчин, никогда не бывавших в браке, девиантные формы поведения оставшихся одиноких людей), исчезновению сел. Автор рассматривает мобильность сельского населения Калмыкии, используя статистическую инфор-

мацию за межпереписные периоды 2002–2010 и 2010–2021 гг., паспорта четырех исследуемых сельских муниципальных образований Целинного района (Аршан Булг, Бага-Чонос, Овата, Ялмта). Численность в указанных малых населенных пунктах значительно снизилась. Несмотря на то что на территории исследуемых СМО действуют коллективные предприятия, однако в них трудоустроено лишь небольшое число сельских жителей, что равносильно одной малой бригаде прежних советских хозяйств. Нерешенность десятилетиями таких социальных проблем, как отсутствие источников повышения доходов семьи, рабочих мест, миграционная активность селян усиливают отрицательные последствия постсоветских преобразований села, аграрной сферы степного региона. Следует отметить, что традиционное для сельских жителей республики ведение личных подворий также претерпевает изменения. Данные проанализированных паспортов СМО указывают на уменьшение количества личных подсобных хозяйств. Таким образом, перечисленные социально-экономические факторы способствуют усилению социальных перемещений сельских жителей как внутри республики, так и за ее пределы.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, сельские населенные пункты, сельское население, миграция, причины миграции, безработица.

Цитирование. Намруева Л. В. Миграция современного сельского населения (на примере четырех СМО Республики Калмыкия) // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 133–141. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.14>

Трансформации, происшедшие на протяжении трех десятилетий в российском аграрном секторе, не только ухудшили положение сельских жителей, увеличив имеющийся разрыв в условиях труда и жизни горожан и сельчан, но и усилили процессы социального исключения большинства сельского населения от благополучной и процветающей жизни. Все это способствовало активизации миграционного поведения сельчан. Такие актуальные социальные проблемы, как безработица, низкие доходы, трудовая миграция селян, а также непродуманность финансово-экономической политики и многое другое усилили негативные последствия кризиса и дифференциацию сельского сообщества по различным критериям, в том числе и по уровню адаптации к условиям нестабильной, постоянно изменяющейся социальной реальности [Kurepina et al. 2019; Kurepina et al. 2020]. Научная новизна данной статьи заключается в том, что исследуемые сельские муниципальные образования Целинного района (Аршан Булг, Бага-Чонос, Овата, Ялмта) относятся к крупному Бага-Чоносовскому роду современных калмыков, а, к сожалению, влияние субэтнической идентичности на современные социально-экономические, миграционные процессы не исследовано в республике. Безусловно, подобные исследования способны стать перспективным направлением в современном калмыковедении [Намруева 2023, 240].

Л.Л. Рыбаковский определяет понятие «миграция сельского населения» как «терри-

ториальное перемещение между сельскими поселениями или сельских жителей в городскую местность» [Рыбаковский (ред.) 2003, 166]. Калмыцкий социолог Н.В. Бадмаева относит «к положительной стороне передвижений сельского социума более полное использование социального и трудового потенциала населения, повышение социального статуса человека, его политическое и духовное развитие, рост эффективности труда, развитие научно-технического прогресса во всех областях народного хозяйства» [Бадмаева 2018, 32]. В сельско-городской миграции в республике можно проследить и отрицательные последствия, которые, прежде всего, связаны с упадком сельских населенных пунктов и в дальнейшем с их исчезновением. Согласно разделяемому нами мнению известного исследователя села З.И. Калугиной, «в перспективе требуется радикальное изменение вектора аграрных преобразований, в фокусе которых должно стать коренное изменение условий жизни и труда сельского населения – хранителя национальных традиций и моральных устоев страны» [Калугина 2015, 205].

Цель данной научной статьи: определить, как миграционная активность населения изменила жизнь современных поселений за период с 1990-х по 2020-е годы. Анализируемые современные сельские муниципальные образования (СМО) Целинного района Багачоносовское, Оватинское, Целинное, Ялмтинское расположены в северной части Целинного района Республики Калмыкия, в 45–50 км от села

Троицкое, являющегося районным центром. При выполнении поставленных задач нами использованы Паспорта вышеуказанных СМО. Анализ статистических данных официальных документов показывает, что «численность населения исследуемых четырех СМО неуклонно снижается» [Намруева 2023, 239] (табл. 1). Арифметические вычисления позволяют свидетельствовать, что за 20 лет нового столетия число жителей Бага-Чоносовского СМО уменьшилось на 218 человек, число оватинцев сократилось на 146 человек, в двух оставшихся СМО на 76 и 46 человек соответственно. Для малых населенных пунктов это существенное снижение численности.

Благодаря продолжительному изучению демографических процессов в регионе, можем констатировать, что «мужчины более привязаны к родной земле, нежели женщины. Первые с большим трудом отрываются от родного очага, чем вторые. Женщины уезжают вслед за детьми, помогая им жить, учиться в крупных российских городах; другие смотрят, воспитывают внуков, чьи родители зарабатывают на жизнь» [Намруева 2023, 240]. Итоги переписей за период 2010–2021 гг., приведенные в таблице 2, также служат доказательством наших выводов. Численность мужчин не уменьшилась, а возросла значительно, чем численность женщин. Исключение составляет Целинное СМО, где наблюдается

уменьшение и мужского, и женского населения (табл. 2).

Молодежь, социализированная в постсоветские годы, изменившись на ментальном уровне, не желает заниматься тяжелым физическим трудом, каковым до сих пор является труд селян. В их жизнь вошли новые ценности: потребительский дух, разнообразный досуг, хорошая комфортная жизнь, которые не встретишь в большинстве сельских поселений республики.

Данные, приведенные в таблице 3, свидетельствуют о том, что контингент молодежи трудоспособного возраста представлен менее чем пятой частью населения исследуемых СМО. Исключение – Оватинское СМО, где молодежь составляет четверть населения (24 %). Одновременно результаты показывают, что в двух СМО население старше трудоспособного возраста составляет четверть местного социума. Когда молодежь, жители трудоспособного возраста вынуждены покидать село, то их дети, внуки остаются на попечении старшего поколения.

Рассматривая естественное движение (разность между рождаемостью и смертностью), заметим, что его сила влияния на убыль населения в анализируемых СМО (см. табл. 4) многократно слабее, чем миграционная активность селян. В Паспорте Оватинского СМО имеются данные лишь за один год, 2022 г., в

Таблица 1

Численность населения СМО Целинного района Республики Калмыкия

СМО	2002	2010	2022
Бага-Чоносовское СМО	833	717	615
Оватинское СМО	826	742	680
Целинное СМО	481	494	405
Ялмтинское СМО	364	313	318

Таблица 2

Численность мужского и женского населения СМО Целинного района Республики Калмыкия

СМО	2010		2022	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Бага-Чоносовское СМО	293	285	336	279
Оватинское СМО	318	295	357	323
Целинное СМО	240	214	221	184
Ялмтинское СМО	117	115	131	187

Примечание. Источник: [Национальный состав... 2013; Паспорт Бага-Чоносовского СМО 2023; Паспорт Оватинского СМО 2023; Паспорт Целинного СМО 2023; Паспорт Ялмтинского СМО 2022].

Паспорте Ялмтинского СМО приведены сведения за два года. Анализируя количество рождений и смертей в Бага-Чоносовском, Целинном СМО, констатируем, что число вторых превышает первых. Возросла смертность в первый ковидный год, 13 умерших в Бага-Чоносовском СМО, 6 умерших – в Целинном СМО.

Рассмотрим еще одну демографическую проблему, свойственную для указанных СМО. Мужчины, оставшись на селе, а некоторые, вернувшись на родную землю после городской жизни, заняты традиционным видом деятельности калмыков – выращивают крупный

и мелкий скот. Следует отметить, что активная миграция женской части населения приводит к определенным негативным последствиям, среди которых такое явление, когда многие мужчины-сельчане остаются неженатыми (см. табл. 5). Часть оставшихся мужчин годами не работают, страдают от алкоголизма, в результате многолетняя зависимость приводит к нежелательным явлениям, чаще всего незаконным. Поскольку указанная ситуация продолжает оставаться вне поля зрения власти, общественных организаций, это «усугубляет не только демографические, но и различные социальные проблемы села,

Таблица 3

Численность населения СМО Целинного района Республики Калмыкия

СМО	2018	2020	2021	2022
Бага-Чоносовское СМО	680	671	603	615
Численность постоянного населения				
Моложе трудоспособного возраста	128	129	115	114
Трудоспособного возраста	404	385	328	342
Старше трудоспособного возраста	148	157	161	159
Оватинское СМО	–	–	–	680
Численность постоянного населения				
Моложе трудоспособного возраста	–	–	–	164
Трудоспособного возраста	–	–	–	408
Старше трудоспособного возраста	–	–	–	108
Целинное СМО	454	427	420	405
Численность постоянного населения				
Моложе трудоспособного возраста	72	64	63	71
Трудоспособного возраста	278	256	251	233
Старше трудоспособного возраста	104	107	106	101
Ялмтинское СМО	327	334	318	–
Численность постоянного населения				
Моложе трудоспособного возраста	77	77	59	–
Трудоспособного возраста	202	209	102	–
Старше трудоспособного возраста	48	48	61	–

Таблица 4

Состояние рождаемости и смертности в 4 СМО Целинного района Республики Калмыкия

СМО	2018	2020	2021	2022
Бага-Чоносовское СМО				
Число родившихся за год	7	4	8	3
Число умерших за год	7	3	13	7
Оватинское СМО	–	–	–	
Число родившихся за год	–	–	–	4
Число умерших за год	–	–	–	5
Целинное СМО				
Число родившихся за год	3	2	1	1
Число умерших за год	2	3	6	4
Ялмтинское СМО				
Число родившихся за год	5	3	0	–
Число умерших за год	0	1	–	–

связанные с девиантным поведением (алкоголизм, преступность)» [Намруева 2015, 190].

Итоги переписи 2010 г. позволяют проанализировать состояние в браке лиц 16 лет и старше. Обратим внимание на ответы, свидетельствующие, что респондент никогда не состоял в браке. Мужчин такого статуса в трех исследуемых СМО почти треть, а в Целинном СМО – почти половина мужчин села. Это не только демографическая проблема, это настоящая социальная трагедия, которая не позволяет населению увеличивать его численность, возмещать естественные потери. Следует конкретизировать, что в двух СМО среди мужчин, никогда не состоявших в браке, преобладают мужчины-калмыки (80 % и более). В оставшихся двух СМО свыше трети (34,4 %) этой группы представлены мужчинами-калмыками. Безусловно, требуется основательное изучение этой социально-демографической проблемы, необходимы реальные действия по ее решению.

Анализ Паспортов муниципальных образований показывает, что население в четырех СМО характеризуется активной мобильностью. Так, за 2022 г. в Бага-Чонос прибыло 43 человека, а убыло 31 [Паспорт Бага-Чоносского СМО 2023]. Это единственный поселок из рассмотренных, где численность увеличивается за счет прибывающих. А в трех остальных наблюдается картина убыли. Так, в Овате переехало 19 человек, а выехало 21 [Паспорт Оватинского СМО 2023]; в Целинное СМО прибыло 16 человек, в то же время убыло 22 [Паспорт Целинного СМО 2023]; в Ялмату никто не переехал, напротив, выехало 16 человек, что для небольшого села весьма существенно [Паспорт Ялматинского СМО 2022]. Как видим, в анализируемых СМО миграционная убыль населения довольно значительна.

Однако и тенденция переезда в указанные населенные пункты четко определяется. Перечислим те факторы, которые влияют на миграцию в эти села. Во-первых, рассматриваемые поселения находятся в доступной близости к столице республики, г. Элисте (80 и менее км), что способствует активной маятниковой миграции. Селяне, отработавшие рабочую неделю в городе, возвращаются на выходные в родные села. Возможны и более частые передвижения, ведь проезд по времени занимает не более часа. Во-вторых, все четыре поселка расположены недалеко или вблизи оживленной федеральной автомобильной магистрали Элиста – Волгоград, тем самым выгодное местоположение способствует усилению мобильности селян. В-третьих, в исследуемых сельских пунктах налажена социальная инфраструктура: они газифицированы, в двух из них действует водопровод. На территории этих СМО находятся множество родников, что позволяет обеспечить поголовье водой, заниматься кормопроизводством, расширяет возможности сельхозпроизводителей развивать свои хозяйства. «Перечисленные факторы являются привлекательными для жителей отдаленных районов республики, которые, не имея финансовых средств для приобретения жилья в Элисте, ее пригородах, с. Троицком, покупают квартиры в селах Овата, Бага-Чонос, Аршан Булг, где стоимость жилья более приемлема» [Намруева 2023, 241]. Однако отсутствие работы, коллективных предприятий заставляет новых жителей также выезжать за пределы указанных сельских поселений, чтобы трудоустроиться и иметь стабильный доход.

Разделяем полностью мнение известного социолога села П.П. Великого, «занятость, каналы поступления средств для жизни, перспектива мобильности, способы проведения

Таблица 5

Численность мужского населения СМО РК, никогда не состоявших в браке

СМО	Общая численность	Не состояли в браке	%	Из них калмыки	%
Бага-Чоносское СМО	293	102	34,8	82	80
Оватинское СМО	318	108	33,9	40	37
Целинное СМО	240	111	46,2	91	82
Ялматинское СМО	117	38	32,5	13	34

Примечание. Источник: [Национальный состав... 2013, 246–253].

свободного времени – все это потеряло опривыченные правила воспроизводства» [Великий 2023, 44]. В начале столетия (2000–2010-е гг.) состояние на сельском рынке труда республики ухудшилось по сравнению с началом 1990-х гг., так как было ликвидировано большое количество крупных сельскохозяйственных предприятий (совхозы и колхозы), отсутствовало или было минимальным инвестирование производства оставшихся коллективных хозяйств, что не позволяло решать вопросы трудовой занятости сельских жителей. Статистические сведения ГУП РК «Западный», которое расположено на территории Целинного СМО, показывают динамику сокращения количества занятых в этом предприятии. В 2018 г. числилось 11 человек, а в 2022 г. – уже 7 человек [Паспорт Целинного СМО 2023]. С объемом работ справляется малая группа работников, равная по численности одной бригаде прежнего совхоза. В Оватинском СМО действует ООО «Агробизнес», занимающийся сельскохозяйственным производством, в котором трудоустроено 21 человек [Паспорт Оватинского СМО 2023].

Селяне, трудоустроенные и не трудоустроенные в крупных хозяйствах, традиционно вели семейное хозяйство, или личное подсобное хозяйство (ЛПХ), по официальному наименованию. Это представляло сельский образ жизни. Однако и эта форма занятости в последние годы претерпела большие изменения. Данные, приведенные в таблице 6, показывают количественное уменьшение ЛПХ в анализируемых СМО. Согласно разделяемому нами мнению известного социолога села О.П. Фадеевой, «утратив поддержку со стороны крупного хозяйства, многие личные подворья сократили свою деятельность до натурально-потребительского “минимума” или перестали функционировать: $\frac{2}{3}$ сельских домохозяйств вообще закрыли животноводческое направление, отказавшись от содержания не только крупного и мелкого скота, свиней,

но и менее затратной домашней птицы. Одним из показателей окончательного разрушения сельского домохозяйства является отказ от посадки картофеля на собственном огороде» [Фадеева 2015, 157–158]. Описанные О.П. Фадеевой явления весьма характерны и для исследуемых сельских поселений Калмыкии.

В отношении фермеров можно заключить, что они по анализируемым нами сведениям вообще не нуждаются в наемных работниках, справляясь силами своих семей, родственников, опираясь на свой опыт, необходимые инструкции, Интернет. Лишь некоторые из фермеров привлекают единицы работников. Паспортные данные сельских муниципальных образований свидетельствуют, что в 2022 г. 19 фермеров Бага-Чоносовского СМО наняли 23 работников [Паспорт Бага-Чоносовского СМО 2023]. А в соседнем к нему Целинном СМО 15 фермеров предложили работу 23 односельчанам [Паспорт Целинного СМО 2023]. И в следующем Ялмтинском СМО 28 человек были наняты 24 фермерами [Паспорт Ялмтинского СМО 2022]. Налицо крайне низкая вовлеченность селян в сферу деятельности крестьянско-фермерских хозяйств. Поэтому большинство современных сельских жителей в поисках источников существования вынуждены покидать родные села, республику, чтобы решить массу жизненных проблем. Совершенно справедливы оценки башкирского социолога М. Туракаева о том, что «мобильная трудовая занятость не способствует существенному развитию глубинки, но в то же время не дает разрушиться и деградировать всей социально-экономической и социокультурной системе сельских районов» [Туракаев 2016, 7674–7675].

Таким образом, реализация жизненных целей сельских жителей полностью зависит от ресурсов семьи, потенциала, мобильности конкретного индивида. Молодые люди, поступающие в вузы, в дальнейшем строят карьеру в городе; селяне старших возрастных групп,

Таблица 6

Численность личных подсобных хозяйств в СМО РК

СМО	2019	2020	2021	2022
Бага-Чоносовское СМО	75	75	43	34
Оватинское СМО	–	–	54	54
Целинное СМО	54	48	48	39
Ялмтинское СМО	57	57	53	53

временно уехав на заработки, также становятся горожанами, приобретя недвижимость вдали от родного села. В каждом селении имеется «большое количество так называемых “мертвых душ”, что способствует завышению статистики сельского населения и является основной причиной несоответствий в списках во время избирательных кампаний различных уровней, когда ценится голос каждого избирателя» [Намруева 2015, 188]. К сожалению, анализируемые села, уменьшаясь и в масштабах, и в количественном и качественном отношении не способны сохранить прежний уклад, установившийся десятилетиями порядок в сельской местности. Трансформируется и субэтническая идентичность (родовая принадлежность) сельских жителей, так как в указанные села переезжают крестьяне других родов, носители другой субэтнической культуры. Эти социальные явления должны стать предметом последующих социологических исследований.

Проведенный нами анализ показал, что интенсивность и масштабы социальных передвижений сельского населения связаны в первую очередь с социально-экономическим положением в республике, с состоянием рынка труда в районе, конкретном селе. Новые ценности, условия жизни также изменяют сельский социум на ментальном уровне, в том числе и требования к трудовой занятости. Несмотря на это, требуется поиск ресурсов (материальных и нематериальных), которые могут возродить село, являющееся хранителем этнических традиций и духовно-нравственных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

The publication was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадмаева 2018 – *Бадмаева Н.В.* К вопросу о внутренней миграции сельского населения Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 1. С. 29–36. DOI: 10.22162/2658-5987-2018-1-29-36
- Великий 2023 – *Великий П.П.* Вопросы методологии изучения жизненного пространства современной деревни // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 43–50.
- Калугина 2015 – *Калугина З.И.* Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Намруева 2015 – *Намруева Л.В.* Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000 и 2020-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 186–192.
- Намруева 2023 – *Намруева Л.В.* Изменения жизни багачоносовцев за полтора столетия: комплексный анализ // Тимофеева Е.Г., Тюрин А.О., Алиев Р.Т. (ред.). Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XVIII Всерос. науч. конф. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та им. В.Н. Татищева, 2023. С. 239–241.
- Национальный состав... 2013 – Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста, 2013.
- Паспорт Бага-Чоносовского СМО 2023 – Паспорт Бага-Чоносовского сельского муниципального образования Республики Калмыкия. п. Бага-Чонос, 2023.
- Паспорт Оватинского СМО 2023 – Паспорт Оватинского сельского муниципального образования Республики Калмыкия. п. Овата, 2023.
- Паспорт Целинного СМО 2023 – Паспорт Целинного сельского муниципального образования Республики Калмыкия. п. Аршан Булг, 2023.
- Паспорт Ялмтинского СМО 2022 – Паспорт Ялмтинского сельского муниципального образования Республики Калмыкия. п. Ялмта, 2022.
- Рыбаковский (ред.) 2003 – *Рыбаковский Л.Л.* Демографический понятийный словарь. М.: ЦСП, 2003.
- Туракаев 2016 – *Туракаев М.С.* Мобильный вахтовый труд как фактор снижения социального неравенства (на примере муниципальных районов Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.): материалы V Всерос. соци-

- ол. конгресса. М.: Рос. о-во социологов, 2016. С. 7670–7675.
- Фадеева 2015 – *Фадеева О.П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
- Kurepina et al. 2019 – *Kurepina N.L., Shovaeva M.V., Berikova N.B., Namrueva L.V.* Economic Security of a Polyethnic Region: Experience and New Challenges // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism.* Grozny: Future Academy, 2019. P. 742–750.
- Kurepina et al. 2020 – *Kurepina N., Namrueva L.V., Pavlova N.Ts., Dordzhieva B.V.* Threats Assessment to Human Developments Economic Security in a Multi-Ethnic Region // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 3rd International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”* dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Complex Research Institute, Grozny: European Publisher, 2020. P. 3711–3718.
- History. Current Problems of Historical Science. Materials of the 18th All-Russian Scientific Conference.* Astrakhan, Izd-vo Astrakh. gos. un-ta im. V.N. Tatischeva, pp. 239-241.
- National Composition and Language Proficiency, Citizenship: Results of the 2010 All-Russian Population Census,* 2013. Elista.
- Passport of the Baga-Chonosovsky Rural Municipality of the Republic of Kalmykia,* 2023. Baga-Chonos settlement.
- Passport of the Ovatinsky Rural Municipality of the Republic of Kalmykia,* 2023. Ovata settlement.
- Passport of the Tselinnoye Rural Municipality of the Republic of Kalmykia,* 2023. Arshan Bulg settlement.
- Passport of the Yalmta Rural Municipality of the Republic of Kalmykia,* 2022. Yalmta settlement.
- Rybakovsky L.L. (ed.), 2003. *Demographic Conceptual Dictionary.* Moscow, TsSP.
- Turakaev M.S., 2016. Mobile Shift Work as a Factor in Reducing Social Inequality (On the Example of Municipal Districts of the Republic of Bashkortostan). *Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice (Yekaterinburg, October 19–21, 2016).* *Proceedings of the 5th All-Russian. Sociol. Congress.* Moscow, Ros. o-vo sociologov, pp. 7670-7675.
- Fadееva O.P., 2015. *Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development.* Novosibirsk, IEOPP SO RAN.
- Kurepina N.L., Shovaeva M.V., Berikova N.B., Namrueva L.V., 2019. Economic Security of a Polyethnic Region: Experience and New Challenges. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism.* Grozny, Future Academy, pp. 742-750.
- Kurepina N., Namrueva L.V., Pavlova N.Ts., Dordzhieva B.V., 2020. Threats Assessment to Human Developments Economic Security in a Multi-Ethnic Region. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 3rd International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”* dedicated to the 80th Anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Complex Research Institute, Grozny. European Publisher, pp. 3711-3718.

REFERENCES

- Badmaeva N.V., 2018. On the Issue of Internal Migration of the Rural Population of Kalmykia. *Byulleten Kalmyczkogo nauchnogo centra RAN*, no. 1, pp. 29-36. DOI: 10.22162/2658-5987-2018-1-29-36
- Velikiy P.P., 2023. Issues of Methodology for Studying the Living Space of a Modern Village. *Regionalnye agrosistemy: ekonomika i sociologiya*, no. 3, pp. 43-50.
- Kalugina Z.I., 2015. *Market Transformation of the Agricultural Sector of Russia: Sociological Discourse.* Novosibirsk, Izd-vo IEOPP SO RAN.
- Namrueva L.V., 2015. Rural Territories of the Republic of Kalmykia: Socio-Demographic Situation in 2000 and 2020s. *Vestnik Kalmyczkogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN*, no. 3, pp. 186-192.
- Namrueva L.V., 2023. Changes in the Life of Bagachonosovites over a Century and a Half: A Comprehensive Analysis. Timofeeva E.G., Tyurin A.O., Aliev R.T. (eds.). *Crossroads of*

Information About the Author

Ludmila V. Namrueva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Scientific Research and Development, Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, lnamrueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7805-8710>

Информация об авторе

Людмила Васильевна Намруева, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник управления научных исследований и разработок, Уфимский университет науки и технологии, ул. Заки Валиди, 32, 50076 г. Уфа, Российская Федерация, lnamrueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7805-8710>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.15>

UDC 316.4
LBC 60.52

Submitted: 09.06.2024
Accepted: 15.06.2024

DEINSTITUTIONALIZATION OF TRADITIONALLY ORGANIZED LABOR: THE NEW NORMALITY OF LABOR RELATIONS

Larisa V. Loginova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article examines the changes taking place under the influence of digitalization in the world of human labor, stimulating increasingly flexible forms of employment and deinstitutionalization of traditionally organized labor. In the digital economy, the precarization of labor relations is becoming a new paradigm of socio-economic development, which, as it spreads, becomes the new norm. Digitalization in the field of work stimulates individual self-employment; the use of gig economy practices erodes the system of social guarantees, which manifests itself in various ways of externalizing social protection, weakening the structure of solidarity and new forms of labor exploitation. Institutions of social guarantees are being normatively undermined by the promotion of ideas about the benefits of autonomy and self-realization through self-employment, as well as about the disappearance of asymmetry of power in the labor market in the sharing economy. As a result, the role of social security institutions is being rethought, and the collective protection of workers' interests is being undermined. The spread of platform work generates new risks in the field of work related to the unreliability of work based on digital platforms and a decrease in the quality of human capital. The instability of employment is becoming a new normality, which is reflected not only in the growth of the number of platform employees but also in the hiring strategies used by employers, the transition to employment practices under civil law contracts, the blurring of the boundaries of working and personal time, the encroachment of capital on workers' rights, and the rejection of mandatory social guarantees. Workers are increasingly accepting deteriorating working conditions and lowering the horizons of their social expectations. The normalization of instability manifests itself as processes of deinstitutionalization and reinstitutionalization, through which working conditions previously considered unreliable are transformed into a new norm. The task of labor law is the legislative consolidation of the status of digital platforms, the definition of the rights and obligations of subjects of platform labor relations, as well as the inclusion in the legal field of regulation of new forms of employment to increase social security.

Key words: deinstitutionalization, precarization, digital economy, digital labor, platform employment, self-employment, labor rights.

Citation. Loginova L.V. Deinstitutionalization of Traditionally Organized Labor: The New Normality of Labor Relations. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 142-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.15>

УДК 316.4
ББК 60.52

Дата поступления статьи: 09.06.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННО ОРГАНИЗОВАННОГО ТРУДА: НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Лариса Викторовна Логинова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются происходящие под влиянием цифровизации изменения в мире труда человека, стимулирующие всё более гибкие формы занятости и деинституционализацию традиционно организованного труда. В цифровой экономике новой парадигмой социально-экономического развития становится прекаризация трудовых отношений, которая по мере распространения становится новой нормой. Цифровизация в сфере труда стимулирует индивидуальную самозанятость, применение практик гиг-экономики, размывает систему социальных гарантий, что проявляется в различных способах экстернализации социальной защиты, ослаблении структуры солидарности и новых формах эксплуатации труда. Институты соци-

альных гарантий нормативно подрываются продвижением идей о выгодах автономии и самореализации через самозанятость, а также об исчезновении асимметрии власти на рынке труда в экономике совместного использования. В результате происходит переосмысление роли институтов социального обеспечения и подрыв коллективной защиты интересов трудящихся. Распространение платформенной работы порождает новые риски в сфере труда, связанные с ненадежностью работы на основе цифровых платформ, снижением качества человеческого капитала. Неустойчивость занятости становится новой нормальностью, что отражается не только в росте численности платформенно занятых, но и в стратегиях найма, применяемых работодателями, переходе к практике трудоустройства по договорам гражданско-правового характера, размывании границ рабочего и личного времени, наступлении капитала на права трудящихся, отказе от обязательных социальных гарантий. Трудящиеся все чаще соглашаются на ухудшающиеся условия труда и снижают горизонты своих социальных ожиданий. Нормализация неустойчивости проявляется как процессы деинституционализации и реинституционализации, посредством которых условия труда, ранее считавшиеся ненадежными, превращаются в новую норму. Задачей трудового права выступает законодательное закрепление статуса цифровых платформ, определение прав и обязанностей субъектов платформенных трудовых отношений, а также включение в правовое поле регулирования новых форм занятости для повышения социальной защищенности.

Ключевые слова: деинституционализация, прекаризация, цифровая экономика, цифровой труд, платформенная занятость, самозанятость, трудовые права.

Цитирование. Логинова Л. В. Деинституционализация традиционно организованного труда: новая нормальность трудовых отношений // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 142–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.15>

Введение

Новые технологии стремительно меняют привычный мир, формируя новую социальную реальность, в том числе в сфере трудовых отношений. На наших глазах четвертая промышленная революция трансформирует не только экономику и рынок труда, но и общество в целом. Подобно тому, как с переходом от аграрного общества к индустриальной экономике сельское хозяйство перестало требовать большого количества рабочих рук (крестьян), так же и общество рабочих (индустриальное общество) превращается в новое цифровое общество («общество труда 4.0», общество цифровых работников). Новое общество требует новых правил организации и регулирования трудовых отношений, что актуализирует вопрос о новых вызовах существующим институтам рынка труда и социальных гарантий, исходящих от цифровой экономической среды, об институциональных изменениях и их последствиях. Критическое отношение к неустойчивости и ее кажущаяся нормализация в новую эпоху возобновляют дискуссии о значении и ценности работы, а также о переопределении связанных с ними понятий, таких как безопасность труда, рабочее время, трудовая солидарность, трудовые гарантии. Цель статьи – исследование деин-

ституционализации традиционно организованного труда как процесса превращения ранее относительно надежных, гарантированных, защищенных трудовых отношений в ненадежные, негарантированные, незащищенные.

Общество цифрового труда как «новая нормальность»

Для обозначения новых условий социальной реальности в научном дискурсе часто используется понятие «новая нормальность», или «новая реальность». В рамках институционального подхода при употреблении этого термина делается акцент на институциональных изменениях и процессе деинституционализации, то есть «сжатии» существующих правил и норм, когда при новых условиях жизни старые правила игры «не работают» и уже не удается добиваться экономического роста за счет прежних способов взаимодействия капитала и труда.

Согласно институциональной теории Д. Норта рождение институтов носит интенциональный характер, то есть общество сознательно стремится «снизить непредсказуемость мира» через развитие стабильных форм взаимодействий, формируя институты, «создавая новые структуры экономических стимулов» [Норт 2010, 8]. Воспринимаемые

как «нормальные» традиционно организованные трудовые отношения разрушаются. Происходит формирование «новой нормальности», когда под влиянием новых технологий меняется природа самого бизнеса и характер работы, а также институты, определяющие их функционирование. Пересмотр представлений о сложившейся реальности, сопровождающийся новыми попытками участников рынка улучшить свои позиции в процессе изменений, приводит к изменению институциональной матрицы [Норт 2010, 15]. Институты, определяющие правила и наказывая за их нарушение, не только контролируют и ограничивают поведение, но и обеспечивают стимулы и ресурсы для определенной деятельности [Бергер, Лукман 1995, 94]. Так, в ходе исторической эволюции социально-трудовых отношений, противостояния интересов труда и капитала возникли сложные институциональные комплексы, содержащие нормы трудового и социального законодательства, закрепляющие стандартную занятость: 1) включенность работника в трудовые процессы непосредственно на предприятиях, в организациях, учреждениях; 2) официальное оформление трудовых отношений; 3) нормативно определенное рабочее время; 4) регулярную оплату труда; 5) наличие социальных гарантий (отсутствие переработок, принудительных снижений часов работы и снижения зарплат, вынужденных неоплачиваемых отпусков) [Темницкий 2022, 89].

Являясь устойчивыми элементами социальной жизни, придающими прочность социальным системам во времени и пространстве, институты со временем могут изменяться или исчезать. Способность приспосабливаться к новым условиям обеспечивает выживание институтов. А если присущие институтам идеи больше не принимаются в обществе, не используются им, то они утрачивают функциональность и легитимность. В таких случаях институты не способны выполнять свое назначение, так как больше не обеспечивают эффективную деятельность или защиту интересов. Оказавшись в новой (кризисной) реальности, участники рынка приспосабливаются к ней, и, строя «новую норму», оставляют позади старую «нормальность». Новые условия труда и занятости в таком обществе становятся «новой нормальностью» по мере ослаб-

ления институтов и деинституционализации «старой нормальности». В конце концов, социальная реальность меняется настолько, что «ненормальное» становится «нормальным». Так, в цифровую эпоху XXI в. основанная на сверхгибкости процессов организация производства стала преобладающей стратегией реструктуризации капитала [Melges et. al. 2022]. В результате формирующееся «общество цифрового труда» по мере расширения нестабильной, ненадежной работы, сокращения социальных гарантий становится «обществом прекаризованного труда», характеристики которого часто противоречат нормам права.

Прекаризация:

переход в «век цифрового человека»

Под прекаризацией мы понимаем характеристики трудовых отношений, связанные с неопределенностью, нестабильностью, небезопасностью, переключением трудовых рисков на рабочую силу. Как историческое явление, прекаризация постепенно встраивалась в структурно-экономические и институционально-политические реформы. В 1990-е гг. в России получила распространение неформальная работа как альтернатива выживанию работников. А начиная с 2000-х гг. в экономике произошли изменения и сами работники были вынуждены предпочитать неформальные и нерегулярные трудовые отношения. С одной стороны, гибкость рабочей силы поддерживалась увеличением числа неформальных работников, неполной занятостью и нерегулируемыми формами труда. С другой стороны, повышение гибкости работы было связано с пересмотром трудовых прав, увеличением масштабов аутсорсинга, субподряда, временной занятости и других форм сезонных работ.

Цифровая трансформация придала дополнительный импульс прекаризации [Acquier, Daudigeos, Pinkse 2017, 1]. Распространение новых форм труда и занятости (платформенная занятость, уберизация, гиг-экономика) сопровождается ростом числа граждан, занятых на временной работе, на условиях неполной занятости, без социальных гарантий. Система организации трудовых отношений через цифровые платформы не предполагает

каких-либо обязательств со стороны платформ в отношении цифровых работников в соответствии с действующими правовыми нормами. В результате цифровизация усиливает деинституционализацию труда, что соответствует долгосрочной тенденции усиления гибкости труда и индивидуализации социальной защиты.

Условия стандартизированной занятости все больше размываются [Темницкий 2022, 95]. На смену включенности в трудовые процессы непосредственно на предприятиях и в организациях пришла удаленная работа, платформенная занятость, самозанятость. Официальное оформление по трудовому договору стало заменяться на неформальные трудовые отношения, а бессрочные трудовые договоры на срочные. Рабочее время стало выходить за границы нормированного, проникать в зону личного времени. Главным стало – выполнение объема работ. «Контракты с нулевым рабочим днем» предполагают оплату работникам только за те часы, которые они отработали, но не гарантируют ничего в условиях низкого спроса. Гибкие практики занятости на условиях неполного рабочего дня, временной работы, аутсорсинга сопровождаются интенсификацией труда. Затраты на рабочую силу (изначально покрываемые компаниями) перекладываются на работника с помощью бизнес-моделей «работа по требованию», самозанятости, контрактов с нулевым рабочим днем. В результате общество наемного труда с преобладающей стандартизированной занятостью, являвшейся нормой в эпоху индустриального общества, трансформировалось в новый тип общества, значительные изменения в котором связаны с расширением нестабильной, ненадежной работы, становящейся новой нормальностью.

Нормализация прекарности на российском рынке труда

Один из методологических подходов к пониманию прекарности как новой нормальности состоит в том, чтобы посмотреть на то, какие критерии и категории ненадежного труда распространяются с течением времени.

По оценкам экспертов, в России в прекарном положении находятся от 40 до 50 %

работников [Тощенко (ред.) 2022, 8]. Среди новых форм занятости к наиболее востребованным относят платформенную занятость и фриланс. На российском рынке труда посредством различных цифровых платформ (Яндекс, Сбер, СберМаркет, Wildberries, Авито, Ozon, AliExpress Россия, ВТБ, Тинькофф, HeadHunter и др.) в настоящее время трудоустраивается около 7 млн человек, а к концу 2025 г. их численность может вырасти до 10 млн [Замахина... web]. По данным опроса, проведенного Центром стратегических разработок ($N = 1\,300$, декабрь 2023 г.), доля платформенных занятых, для которых эта деятельность является единственным источником заработка, увеличилась по сравнению с 2021 г. почти в 2 раза (с 45 до 79 %), а для 90 % респондентов она приносит более 50 % дохода [Социальные гарантии... web]. Эти данные свидетельствуют о перемещении работников с традиционных и формальных рабочих мест на более гибкие и ненадежные.

Неустойчивость, как новая нормальность, отражается и в стратегиях найма, применяемых работодателями. Анализ структуры графиков работы, предлагаемых в онлайн-объявлениях о вакансиях на работу в Саратове [Онлайн-объявления... web], показывает, что вакансии на полный рабочий день составляют всего 7,6 %. На полный рабочий день приглашаются разнорабочие на производство, водители, комплектовщики, сборщики заказов, машинисты мини-погрузчиков, продавцы, операторы call-центра, бетонщики, разнорабочие на стройку. То есть – это труд малоквалифицированный, преимущественно физический, требующий присутствия на рабочем месте. Преобладают вакансии с графиками «удаленная работа» (53,9 %) и «вахтовый метод» (19,2 %). На трудовой график «удаленная работа» (по всей России) приглашаются менеджеры по работе с партнерами, менеджеры по продажам, специалисты по работе с клиентами, специалисты по продаже недвижимости, составители произведений; online-менеджеры, контент-редакторы, контроль-инспекторы, ассистенты в чат онлайн, кураторы онлайн-проекта. Наиболее редко встречаются объявления о работе со «свободным графиком» (11,9 %); «неполным рабочим днем» (1,3 %). В этих объявлениях «свободный график»,

«удобный график»; «работая из дома, зарабатывайте в Интернете» рассчитаны на тех, кто ищет подработку и «быстрый доход».

Снижению стабильной, надежной занятости способствует отказ от бессрочного трудового договора в практике трудовых отношений. Работодатели изыскивают способы перевода своих сотрудников с бессрочного трудового договора на срочный. На сайте Онлайнинспекция.рф можно найти советы специалистов в области трудового права, как это сделать по безопасной схеме для работодателя, так как российское трудовое законодательство не предусматривает перевод постоянного работника на срочный договор без его согласия. А по данным исследования «Прекариат-2020», без заключения трудового договора чаще всего работают на транспорте (27 %), в торговле (26 %) и строительстве (22 %) [Воробьева 2021, 135].

По данным на 2023 г. среди платформенных работников трудоустроены по срочному трудовому договору были лишь 37 % (29 % в 2021 г.). Число оформленных по договорам гражданско-правового характера (ГПХ) 45 %, в том числе в качестве самозанятых 31 % (46 % в 2021 г.), физических лиц и индивидуальных предпринимателей по 7 %. Без оформления трудятся 19 % (9 % в 2021 г.) [Социальные гарантии... web]. Таким образом, наиболее распространенной формой занятости для платформенных работников выступает гражданско-правовой договор, то есть деятельность до достижения определенного результата или на определенный срок. В этом случае между заказчиком и исполнителем нет трудовых отношений, главное – полученный заказчиком результат. Работник на договоре ГПХ не имеет отпуска, все расходы оплачивает самостоятельно, несет все риски в случае утраты, повреждения сделанного. Обе стороны договора ГПХ могут его расторгнуть в любой момент без объяснения причин. В случае нарушений прав у исполнителя имеется возможность добиваться справедливости только через суд, что дольше, сложнее, затратнее, чем обращение с жалобой в трудовую инспекцию. При этом исполнитель не имеет подтверждающей записи в трудовой книжке. Главным преимуществом такой формы трудоустройства выступает возможность рабо-

тать в удобное время. А с 2023 г. больничные исполнителей договора ГПХ стали оплачиваться как для штатных работников [Постановление... web].

Анализ предложений по оплате труда и социальным гарантиям, предлагаемых в онлайн-объявлениях о вакансиях на работу в Саратове, показал, что такие условия труда как: «официальное оформление», «устройство по ТК», «доплаты за переработки», «оплата командировочных», «нормальная зарплата и оплата вовремя», «выплаты зарплаты дважды в месяц», «зарплата без задержек», «повышенное вознаграждение за дополнительные часы работы», – из ряда основных трудовых прав преподносятся как бонусы, или дополнительные преимущества. Хотя эти права работников нормативно закреплены в Трудовом кодексе РФ. Часто указываются только предъявляемые требования к работникам без каких-либо обязательств со стороны компании, разместившей объявление о вакансиях. Такое обращение к юридическим правам подрывает их, превращая в неправомерные притязания на практике.

Сравнения продолжительности труда и заработной платы типичных и прекаризованных работников показывают, что перерабатывают и те и другие. Однако размер выплат прекариям, соответствующий выплатам типичным работникам, достигается за счет более продолжительного рабочего времени (не менее 10 часов в неделю сверх нормативного) [Анисимов 2017, 44].

О прекаризации труда свидетельствует наступление капитала на права трудящихся, о чем свидетельствует статистика их нарушений. Так, по данным опроса, проведенного сервисом SuperJob ($N = 1\ 600$, 27.04.2023), российские трудящиеся чаще отмечают необходимость бороться за трудовые права (+4 п.п. по сравнению с 2021 г.). Подавляющее большинство респондентов (84 %) указали на нарушения их трудовых прав. При этом 43 % опрошенных пытались разрешать трудовой спор самостоятельно, а 11 % обращались для этого в суд или в Государственную инспекцию труда. Еще 15 % столкнувшихся с нарушением трудовых прав ничего не предпринимали [Большинство россиян... web].

Интересы работника защищает Трудовой кодекс РФ, статьи которого предусматривают четко регламентированную процедуру внесения корректировок в трудовой договор, согласно которой работодатель не в праве в одностороннем порядке изменять условия трудового договора. Это возможно лишь в случаях изменения организационных или технологических условий труда (технологии производства или организационных изменений). Несмотря на это, количество судебных дел, связанных с нарушением трудовых прав при внесении изменений в договоры, как и число дел о незаконном увольнении, растет. Согласно данным статистики за 2018–2020 гг., судами рассмотрено 15 299 гражданских дел о восстановлении на работе в связи с увольнением по инициативе работодателя, из которых по 6 436 (42,1 %) делам иски требования работников были удовлетворены. Приговоренные к взысканию с работодателей в пользу работников суммы, включая компенсацию морального вреда, составили 602 308 745 руб. [Обзор практики... web].

Чаще всего нуждаются в защите трудовые права, связанные с незаконным увольнением, нарушениями в оплате труда, оформлением трудовых отношений, поиском работы [Защита трудовых прав 2021, 15]. Российские компании всё чаще прибегают к практике сокращения премий и бонусов. Возникновение подобного тренда подтверждают данные опроса экспертов, проведенного Центром социального проектирования «Платформа» [Прибыловский web], согласно которому работодатели «сокращают жалованье», «убирают прежние бонусы и премии», «отменяют устоявшиеся договоренности по продолжительности рабочего дня», «переходят на теневой формат работы». Прежде всего, речь идет о сокращении неофициальных выплат, поскольку эти суммы невозможно оспорить. Анализ форумов, освещающих вопросы защиты трудовых прав работников, показал преобладание обращений, связанных с формализмом, незаконными увольнениями, нарушениями с выплатой заработной платы, манипуляциями с рабочим временем: «*Наши трудовые договоры просто переписали – история с постоянной премией исчезла, и мы остались на “голом” окладе*»; «*Не хочешь работать на*

новых условиях – катись нафиг»; «*Не могу получить свою трудовую книжку и уволиться*»; «*Выйдет ли доказать свой рабочий труд...*», «*Невыплата зарплаты при неофициальной работе*», «*Увеличение трудовых обязанностей*», «*Кормят обещаниями на работе...*», «*Не могу уйти в отпуск*» [Юридический форум... web]; «*Добровольное увольнение по принуждению*», «*Меня принуждают к увольнению*», «*Работодатель хочет списать серую зарплату*», «*Делать все за одну зарплату я не в состоянии*»; «*В договоре, который заключен, толком ничего нет, одна вода, прописан оклад, а процент, который платился сверху, был просто на словах*», «*Организация увеличила рабочую смену, но платит по-старому*» [Форум по трудовому праву... web].

Многие руководители пытаются сэкономить на социальных налогах с фонда оплаты труда, увеличивая долю «серых заработных плат», подчас не оформляя работников. В итоге рынок «серой» занятости растет. Прогнозируется, что тренд на дальнейшее ущемление прав сотрудников продолжит нарастать. Одна из причин – слабость профсоюзов при защите трудовых прав. Результаты исследования Центра проектной деятельности и коммуникационных технологий РГГУ показали, что роль профсоюзов в защите прав трудящихся неуклонно снижается. Лишь 7 человек из 1 750 опрошенных обращались в профсоюзную организацию для содействия в защите своих прав [Профсоюзы в России... web].

Занятость на основе цифровых платформ для большинства российских граждан носит вынужденный характер из-за отсутствия достойной работы по найму. Так, по мнению 65 % россиян, если не работать в качестве самозанятого, то «профессиональную квалификацию продать достойным образом невозможно» [Самозанятость... web].

Последствия

деинституционализации труда

В обществе цифрового труда происходит деинституционализация традиционно организованного труда по мере того как подрываются институциональные основы устоявшейся экономической модели, основанной на высо-

ком уровне занятости, стабильности занятости, достойно оплачиваемых рабочих местах, обязательных социальных гарантиях. При создании рынков труда на цифровых платформах, обеспечивающих организационную, временную и пространственную гибкость для рабочей силы, которая анонимизируется и индивидуализируется, усиливается прекаризация. В целом прекаризация труда подвергает вызовам идею человеческого развития, как процесса увеличения возможностей людей, их выбора на основе принципов устойчивости, справедливости, расширения прав и полномочий. Рост масштабов нестабильной (негарантированной, неустойчивой) занятости сказывается не только на условиях труда и возможностях карьерного роста, на которые могут рассчитывать работники, но и отражается на макросоциальных вопросах, связанных с характером экономической политики, ролью государства всеобщего благосостояния [Kalleberg, Vallas 2018, 1]. Таким образом, прекаризация в явном виде уже не рассматривается как частная проблема отдельных наиболее уязвимых социальных групп (молодежь, женщины, менее квалифицированные работники), а анализируется как структурная категория, то есть представляется частью общей реконструкции отношений капитала и труда [Логинова 2016, 34].

Стабильность, основанная на трудовых контрактах, заменяется кратковременными участиями в трудовых процессах и свободными краткосрочными отношениями. Несмотря на то что существует свобода работать там, где и когда работники хотят, вознаграждение на платформах цифровых услуг значительно зависит от колебаний спроса. Кроме того, управленческие технологии с применением цифровых алгоритмов позволяют в режиме реального времени отслеживать деятельность больших масс работников, что увеличивает контролирующее давление над трудовыми процессами и значительно снижает гибкость труда.

Законодательством предусмотрена возможность для самозанятых самим обеспечивать свое социальное благополучие. Самозанятый может вносить взносы в систему обязательного социального страхования добровольно, тем самым формируя себе пенсион-

ные права. Однако такие платежи существенно увеличивают издержки. Так, в 2023 г. минимальный фиксированный размер на пенсионное и медицинское страхование составлял 45 842 руб., а в 2024 г. уже 49 500 руб. [Утвержден размер... web], только в этом случае можно рассчитывать на учет страхового стажа для начисления пенсии. Практика показывает, что многие из самозанятых не способны обеспечить свое социальное обеспечение из-за низкого дохода.

Новые формы занятости через цифровые платформы повышают уровень легализации неформального сектора рынка труда. При этом наблюдается формирование институтов снизу, когда цифровыми платформами разрабатываются собственные правила решения проблемных вопросов. В результате социальная защита цифровых работников во многих случаях остается непрозрачной, а институциональное закрепление на микроуровне способствует сегментации социальной защиты с хорошо защищенными работниками в отдельных отраслях и ненадежными сегментами на периферии рынка труда.

Институциональные изменения не обязательно заканчиваются деинституционализацией, а часто сопровождаются появлением новых или дополнительных правил [Beckmann, Hoose 2022]. Так, Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) был создан «Совет цифровых платформ», разработана «Хартия о принципах развития платформенной занятости в России» (25.04.2023), подписав которую отечественные цифровые платформы (Avito, Яндекс, OZON, Wildberries, СберМаркет, HeadHunter, Газпром нефть, YouDo) обязались «информировать занятых о социальных гарантиях, предоставлять равные условия доступа на платформы, создавать благоприятные условия для развития сегмента и вырабатывать дополнительные рекомендации и подходы к регулированию платформенной занятости» [Цифровые компании... web].

Каждое поколение привносит в модель экономического поведения, в том числе и трудового, свои черты и имеет свои особенности. Перегрузка общества в условиях цифровизации будет происходить под влиянием поколения Z («цифровых аборигенов»), рож-

денных в 1997–2012 годах. Именно их представители будут определять успехи социально-трудовой трансформации в ближайшие десятилетия. Новое поколение, выходящее на рынок труда, демонстрирует готовность стажироваться без оплаты, что свидетельствует о важности приобретения опыта для будущей работы. Они не готовы работать по жесткому расписанию, для них «самореализация и интерес важнее стабильности», поэтому «не считают необходимым долго работать на одной должности, им быстро это становится неинтересно». Молодое поколение отличают прагматичность, склонность к предпринимательству, пониженный уровень патернализма, высокий уровень готовности в будущем выстроить собственный бизнес самостоятельно (62 %), две трети из которых связывают его с интернетом [Степанова web]. Таким образом, на рынке труда наступает время людей, которых отличает желание не строить карьеру, а жить яркой полной жизнью уже сегодня.

Заключение

Итак, в течение последних десятилетий то, что обычно считалось нормальным в отношении условий занятости, заметно изменилось. Трудящихся все больше приучают соглашаться на ухудшающиеся условия труда и снижать горизонты своих ожиданий. В данном контексте нормализация неустойчивости проявляется в первую очередь не как количественное увеличение нестандартных отношений занятости, затрагивающее все большее число работников, а, что более важно, как процессы деинституционализации и реинституционализации, посредством которых условия труда, ранее считавшиеся ненадежными, превращаются в новую норму.

За последние десятилетия процесс деинституционализации традиционно организованного труда ускорился под влиянием цифровизации. Активно осваиваемые работодателями новые технологии построения трудовых отношений сопровождаются сокращением регулярной занятости в пользу не стандартизированных, гибких (неполный рабочий день, временная занятость), что предполагает аутсорсинг сотрудников, наем на ограниченный срок или наем вне системы социального обес-

печения. По мере распространения гибкости происходит процесс «нормализации неустойчивости занятости», как тенденция превращения ранее относительно надежных, гарантированных, защищенных трудовых отношений в ненадежные, негарантированные, незащищенные.

Цифровая занятость еще не стала основным источником доходов трудящихся России, но неуклонно увеличивается. Поэтому важно активизировать меры по введению цифровых платформ в правовое поле деятельности. Нуждается в скорейшей адаптации к новым условиям система норм и правил в области организации и охраны труда, регулирования трудовой дисциплины на основе применения новых механизмов контроля за деятельностью работников с помощью технологий искусственного интеллекта. В перспективе, основываясь на реализации принципов опережающего нормотворчества, политика регулирования должна обеспечить нейтрализацию угрозы потери ценности человека как такового. Государству важно применять гибкие подходы к правовому регулированию цифровых трудовых отношений, а не идти по пути ужесточения законодательства, что может привести к расширению нелегального поля занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов 2017 – Анисимов Р.А. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X
- Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Большинство россиян... web – Большинство россиян считает, что права работника в современном мире по-прежнему нуждаются в защите // <https://www.superjob.ru/research/articles/114031/bolshinstvo-rossiyan-schitaet/?yclid=lvgh1c6sfq59612806>
- Воробьева 2021 – Воробьева И.В. Российские ученые в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 131–142. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-131-142
- Замахина web – Замахина Т. Исаев анонсировал внесение в Госдуму законопроекта о платформенной занятости [Российская газета. 18.01.2024] // <https://rg.ru/2024/01/18/isaev->

- anonsiroval-vnesenie-v-gosdumu-zakonoproekta-o-platfornennoj-zaniatosti.html?ysclid=liui18c4d450826155
- Защита трудовых прав 2021 – Защита трудовых прав: тематический Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М.: Студия онлайн, 2021.
- Логинава 2016 – *Логинава Л.В.* Прекаризация в системе социально-трудовых отношений: проблемы и перспективы институционализации // Вестник СПбГУ. Серия 12, Социология. 2016. № 3. С. 34–47. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.303
- Норт 2010 – *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010.
- Обзор практики... web – Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 9 декабря 2020 г.) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74923555/?ysclid=li0czb7o4f640575667>
- Онлайн-объявления... web – Онлайн-объявления о вакансиях в Саратове. Авито.ру // <https://www.avito.ru/saratov/vakansii?ysclid=lhure97us6541174509>
- Постановление... web – Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2022 г. № 2310 «О внесении изменений в Положение об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // <https://base.garant.ru/405956939/?ysclid=lwyw3mgm2n993833124>
- Прибыловский web – *Прибыловский М.* Повод пересмотреть обязательства: что происходит с трудовыми правами в РФ // <https://news.ru/society/povod-peresmotret-obyazatelstva-htoproishodit-s-trudovymi-pravami-v-rf/?ysclid=lvgh4m32i733900227>
- Профсоюзы в России... web – Профсоюзы в России 2023 года: восприятие наемными работниками производственной сферы. Аналитическое исследование. М.: Проектный Центр РГГУ, 2023 // <https://rsuh.digital/trade-unions-russia-2023?ysclid=lvgiadw062945240477>
- Самозанятость... web – Самозанятость: предпринимательство и стабильное партнерство с платформами [Strategy Partners, июль 2022] // <https://strategy.ru/research/research/4?ysclid=lvw7jzo2xl820029681>
- Социальные гарантии... web – Социальные гарантии для платформенных занятых в России – 2024. Результаты социально-экономического мониторинга Фонд «Центр стратегических разработок» // <https://www.csr.ru/ru/research/sotsialnye-garantii-dlya-platfornennykh-zanyatykh-v-rossii-2024/>
- Степанова... web – *Степанова А.* Как поколение Z изменит представление мира о цифровых технологиях // <https://rb.ru/young/gen-z-new-digital/?ysclid=lbj81leevs774323481>
- Темницкий 2022 – *Темницкий А.Л.* Ресурсный потенциал прекарных работников в России // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 86–99.
- Тощенко (ред.) 2022 – *Тощенко Ж.Т. (ред.)*. От прекарной занятости к прекаризации жизни. М.: Весь мир, 2022.
- Утвержден размер... web – Утвержден размер фиксированных страховых взносов на 2024 год // https://www.nalog.gov.ru/rn41/news/activities_fts/14139453/?ysclid=lwyxi7rftp580864152
- Форум по трудовому праву... web – Форум по трудовому праву «ЗонаЗакона.Ру» // <https://www.zonazakona.ru/forum/forum/17-forum-potrudovomu-pravu/?ysclid=lrhnhbwl529224191>
- Цифровые компании... web – Цифровые компании подписали Хартию о принципах развития платформенной занятости в России [Российский союз промышленников и предпринимателей. 25.04.2023] // <https://rspp.ru/events/news/tsifrovye-kompanii-podpisali-khartiyu-oprintsipakh-razvitiya-platfornennoj-zanyatosti-v-rossii-6447d9185ac30/?ysclid=lt8c5bd8zu789123618>
- Юридический форум... web – Юридический форум по вопросам применения трудового права // <https://tkgr.ru/forum/trudovie-spori/>
- Acquier, Daudigeos, Pinkse 2017 – *Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J.* Promises and Paradoxes of the Sharing Economy: An Organizing Framework // Technological Forecasting and Social Change. 2017. № 125. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.07.006
- Beckmann, Hoose 2022 – *Beckmann F., Hoose F.* From Loopholes to Deinstitutionalization: The Platform Economy and the Undermining of Labor and Social Security Institutions // Partecipazione e conflitto. 2022. № 15 (3). P. 800–826. DOI: 10.1285/i20356609v15i3p800
- Kalleberg, Vallas 2018 – *Kalleberg A.L., Vallas S.P.* Probing Precarious Work: Theory, Research and Politics // Precarious Work Research in the Sociology of Work. 2018. Vol. 31. P. 1–30. DOI: 10.1108/S0277-283320170000031017
- Melges et al. 2022 – *Melges F., Calarge T.C., Benini E.G., Pacheco A.P. de Castro.* The New Precarization of

Work: A Conceptual Map // Organizations & Society Journal. 2022. № 29 (103). P. 638–666. DOI: 10.1590/1984-92302022v29n0032EN

REFERENCES

- Anisimov R.A., 2017. Labor in the Uncertainty Epoch. *Sociologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 44–52. DOI: 10.7868/S013216251711006X
- Berger P., Lukman T., 1995. *The Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ.
- Most Russians Believe That the Rights of an Employee in the Modern World Still Need to Be Protected*. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114031/bolshinstvo-rossiyan-schitaet/?ysclid=lvgh1c6sfq59612806>
- Vorobyova I.V., 2021. Russian Scholars Under the Conditions of Precarious Employment. *Management Issues*, no. 1, pp. 131–142. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-131-142
- Zamakhina T., 2024. Isaev Announced the Introduction of a Bill on Platform Employment to the State Duma. *Rossiyskaya gazeta*, Jan. 18. URL: <https://rg.ru/2024/01/18/isaev-anonsiroval-vnesenie-v-gosdumu-zakonoproekta-o-platformennoj-zaniatosti.html?ysclid=lrui18c4d450826155>
- Protection of Labor Rights: Thematic Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation*, 2021. Moscow, Studiya online Publ.
- Loginova L.V., 2016. Precarization of Labor Relations: Problems and Prospects of Institutionalization. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sociologiya*, no. 3, pp. 34–47. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.303
- North D., 2010. *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow, Izd. dom. VShE.
- Review of the Practice of Court Consideration of Cases on Disputes Related to Termination of an Employment Contract at the Initiative of the Employer (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 9, 2020)*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74923555/?ysclid=li0czb7o4f640575667>
- Online Job Ads in Saratov. Avito.ru*. URL: <https://www.avito.ru/saratov/vakansii?ysclid=lhure97us6541174509>
- Decree of the Government of the Russian Federation Dated December 15, 2022 No. 2310 “On Amendments to the Regulation on the Specifics of the Procedure for Calculating Benefits for Temporary Disability, Pregnancy and Childbirth, Monthly Child Care Benefits to Citizens Subject to Compulsory Social Insurance in Case of Temporary Disability and in Connection with Motherhood”*. URL: <https://base.garant.ru/405956939/?ysclid=lwyw3mgm2n993833124>
- Pribylovsky M. *A Reason to Reconsider Obligations: What Is Happening with Labor Rights in the Russian Federation*. URL: <https://news.ru/society/povod-peresmotret-obyazatelstva-chto-proishodit-s-trudovymi-pravami-v-rf/?ysclid=lvgh4m32i733900227>
- Trade Unions in Russia in 2023: The Perception of Employees in the Production Sector. Analytical Research*, 2023. Moscow, Proektny Tsentr RGGU. URL: <https://rsuh.digital/trade-unions-russia-2023?ysclid=lvgiadw062945240477>
- Self-Employment: Entrepreneurship and Stable Partnership with Platforms. (Strategy Partners), July 2022*. URL: <https://strategy.ru/research/research/4?ysclid=lvw7jzo2xl820029681>
- Social Guarantees for Platform Employees in Russia – 2024. The Results of Socio-Economic Monitoring of the Center for Strategic Research Foundation (CSR)*. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/sotsialnye-garantii-dlya-platformennykh-zanyatykh-v-rossii-2024/>
- Stepanova A. *How Generation Z Will Change the World's View of Digital Technology*. URL: <https://rb.ru/young/gen-z-new-digital/?ysclid=lbj81leevs774323481>
- Temnitskiy A.L., 2022. Resource Potential of Precarious Employees in Russia. *Sociologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 86–99.
- Toshchenko J.T. (ed.), 2022. *From Precarious Employment to Precarization of Life*. Moscow, Ves mir Publ.
- Amount of Fixed Insurance Premiums for 2024 Has Been Approved*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn41/news/activities_fts/14139453/?ysclid=lwyxi7rftp580864152
- Labor Law Forum “ZonaZakona.Ru”*. URL: <https://www.zonazakona.ru/forum/forum/17-forum-potrudovomu-pravu/?ysclid=lrhohbwlvc529224191>
- Digital Companies Have Signed a Charter on Principles for the Development of Platform Employment in Russia. *The Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs*, Apr. 25, 2023. URL: <https://rspp.ru/events/news/tsifrovye-kompanii-podpisali-khartiyu-o-printsipakh-razvitiya-platformennoy-zanyatosti-v-rossii-6447d9185ac30/?ysclid=lt8c5bd8zu789123618>
- Legal Forum on the Application of Labor Law*. URL: <https://tkgr.ru/forum/trudovie-spori/>
- Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J., 2017. Promises and Paradoxes of the Sharing Economy: An Organizing Framework. *Technological Forecasting and Social Change*, no. 125, pp. 1–10. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.07.006

Beckmann F., Hoose F. 2022. From Loopholes to Deinstitutionalization: The Platform Economy and the Undermining of Labor and Social Security Institutions. *Partecipazione e conflitto*, no. 15 (3), pp. 800-826. DOI: 10.1285/i20356609v15i3p800

Kalleberg A.L., Vallas S.P., 2018. Probing Precarious Work: Theory, Research and Politics.

Precarious Work Research in the Sociology of Work, vol. 31, pp. 1-30. DOI: 10.1108/S0277-283320170000031017

Melges F., Calarge T.C., Benini E.G., Pacheco A.P. de Castro, 2022. The New Precarization of Work: A Conceptual Map. *Organizations & Society Journal*, no. 29 (103), pp. 638-666. DOI: 10.1590/1984-92302022v29n0032EN

Information About the Author

Larisa V. Loginova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Chernyshevskogo N.G. St, 104, Bld. 3, 410056 Saratov, Russian Federation, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

Информация об авторе

Лариса Викторовна Логинова, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия, ул. им. Н.Г. Чернышевского, 104, стр. 3, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, lvloginova66@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2675-2801>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.16>

UDC 316.4
LBC 60.524

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 15.06.2024

GRANT ACTIVITY OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE VOLGOGRAD REGION¹

Olga E. Andryushchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elena O. Danilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the Russian Federation, the development of socially oriented non-profit organizations, the expansion of the non-governmental segment of social services and the introduction of innovations in the provision of social services are supported at the state level. The third sector continues to develop actively in the Volgograd region; organizations cooperate quite successfully with government agencies, businesses, and each other; this improves the quality of life of socially vulnerable categories of citizens and leads to a decrease in social tension in the city and the region. The heads of non-profit organizations are interested in the practices of their colleagues' grant activity and strive to increase the level of literacy in this direction. Experienced specialists understand that in addition to the benefits, there may be risks and barriers to grant support. The authors of the article consider the practices of participation of socially oriented non-profit organizations in competitions for grant support. In 2023, a study was conducted on the basis of the student center for the development of socially oriented non-profit organizations of Volgograd State University, the purpose of which was to determine the most successful strategies for the activities of SO NPOs, allowing them to receive the support of grantors. The empirical basis of the study was 73 projects of SO NPOs (Volgograd region) applying for grant support in 2020–2023. Projects that have received development funding from the main and unique grant operator, the Presidential Grants Fund, have been highlighted. The paper presents the main characteristics of the content of the projects that have received funding. The projects that have received the maximum and minimum funding in three years are analyzed. The conducted research allowed the authors to determine the basic requirements for obtaining grant support. The authors conclude that the involvement of socially oriented non-profit organizations in the provision of social services allows expanding the boundaries and improving the quality of social services.

Key words: grant activity, grantors, support, socially oriented non-profit organizations, Presidential Grants Fund, Volgograd region.

Citation. Andryushchenko O.E., Danilova E.O. Grant Activity of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Volgograd Region. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 153-164. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.16>

УДК 316.4
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 01.06.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

ГРАНТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ольга Евгеньевна Андрющенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Олеговна Данилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В Российской Федерации поддерживается на государственном уровне развитие социально ориентированных некоммерческих организаций, расширение негосударственного сегмента социального обслуживания и внедрение инноваций по предоставлению социальных услуг. В Волгоградской области продолжает активно развиваться третий сектор, организации достаточно успешно сотрудничают с государственными учреждениями, бизнесом и друг с другом – это повышает качество жизни социально незащищенных категорий граждан и приводит к снижению социальной напряженности в городе и области. Руководители некоммерческих организаций интересуются практиками грантовой деятельности своих коллег и стремятся повысить уровень грамотности в этом направлении. Опытные специалисты понимают, что помимо преимуществ могут возникнуть риски и барьеры грантовой поддержки. Авторы статьи рассматривают практики участия социально ориентированных некоммерческих организаций в конкурсах на получение грантовой поддержки. В 2023 г. на базе студенческого центра развития социально ориентированных некоммерческих организаций Волгоградского государственного университета было проведено исследование, целью которого явилось определение наиболее успешных стратегий деятельности СО НКО, позволяющих получить поддержку грантодателей. Эмпирическую базу исследования составили 73 проекта СО НКО (Волгоградская область), претендующих на грантовую поддержку в 2020–2023 годах. Выделены проекты, получившие финансирование на развитие от основного и уникального грант-оператора – Фонда президентских грантов. В работе представлены основные характеристики содержания проектов, получивших финансирование. Анализируются проекты, получившие максимальное и минимальное финансирование за три года. Проведенное исследование позволило авторам определить основные требования для получения грантовой поддержки. Авторы делают вывод, что привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг позволяет расширить границы и повысить качество социального обслуживания.

Ключевые слова: грантовая деятельность, грантодатели, поддержка, социально ориентированные некоммерческие организации, Фонд президентских грантов, Волгоградская область.

Цитирование. Андрющенко О. Е., Данилова Е. О. Грантовая деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций в Волгоградской области // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 153–164. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.16>

Введение

Характеристикой современного государства является рост доли социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО) в экономическом секторе, и Россия не является исключением. Как показывает зарубежная и отечественная практика СО НКО обладают высокой динамичностью и гибкостью, возрастающей компетенцией сотрудников, возможностью реализации новаторских решений и методов работы, что обуславливает высокую эффективность данных организаций для государства и общества. Современные СО НКО в России реализуют свои цели в рамках широкого спектра функций, а базовой функцией выступает оказание социальных услуг различным категориям граждан (в том числе несовершеннолетним), повышение качества их жизни за счет роста уровня интеграции и доступности объектов социальной сферы.

В то время как доля некоммерческого сектора в ВВП России растет существенными темпами, общий вклад НКО в экономику в 2021 г. составил всего лишь 1,5 % [Доля не-

коммерческого сектора... web]. СО НКО выступают выгодным участником рынка социальных услуг, их сильные стороны по сравнению с государственными учреждениями: экономическая результативность; возможность привлекать внебюджетные источники; более широкий спектр услуг и нестандартный график работы; предоставление помощи в праздники и выходные; инновационное решение социальных проблем [Кравченко, Суховева 2020].

При этом малоизученность региональных практик системы организации, взаимодействия и поддержки НКО со стороны государства и коммерческого сектора продолжает сохраняться и требует особого осмысления данной проблематики. Исследования необходимо структурировать в соответствии с законодательно закрепленными организационно-правовыми формами НКО во II главе Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [Федеральный закон от 12.01.1996... web].

Важно отметить, что вклад НКО в общественное развитие является результатом

активизации вовлеченности граждан в деятельность институтов гражданского общества, что является одним из приоритетов политики российского государства. Для понимания значимости НКО следует особое внимание уделить ведущему фактору функционирования – гражданской инициативе. Государство как социальный актор отличается инертностью в решении социальных проблем по сравнению с некоммерческими организациями, именно благодаря их реакции на общественные запросы становится возможным создавать новые социальные услуги, охватывать ими различные социальные категории, тем самым влиять на качество жизни социально уязвимых и незащищенных граждан и повышать эффективность социальной политики государства в целом. СО НКО становятся популярными и востребованными организаторами социальных услуг с инновационным характером и активно включаются в систему контроля качества.

Как было отмечено выше, в российском законодательстве закреплено разнообразие форм НКО, что позволяет выделять различные критерии для их классификации. Так, в работе Е.А. Ефимовой в зависимости от характера и роли некоммерческой организации в инновационном цикле выделяются организации полного инновационного цикла; организации донорского типа (без учета типа и вида ресурсов); инфраструктурные некоммерческие организации [Ефимова 2023].

Несомненно, все из указанных типов организаций данной классификации нуждаются в той или иной поддержке, что позволит обеспечить их динамичное функционирование. В данном случае следует говорить о социальном партнерстве между государством и НКО, позволяющем наладить стабильную связь между всеми участниками. Обладая доступом к необходимым ресурсам, СО НКО как эффективный актор инновационной деятельности в социальной сфере сможет быстрее и гибче реагировать на актуальные и меняющиеся потребности общества.

Процесс взаимодействия СО НКО с государством может быть прямым и косвенным и основывается на: налоговых льготах и государственных закупках; имущественной, информационной, консультационной видах поддержки; финансовом субсидировании. Одним

из вариантов финансирования деятельности СО НКО являются гранты – безвозмездная субсидия в денежной форме на осуществление социальных проектов, проведение научных исследований, на обучение и другие цели с условием последующего отчета об их использовании. На территории Российской Федерации с середины 90-х гг. и по настоящее время в грантовой деятельности происходили серьезные трансформации [Климонтов 2022].

Разнообразие грантодателей для СО НКО позволяет выделить как их положительные, так и негативные стороны. Государственные грантодатели используют средства бюджетов федерального или регионального, они четко ставят задачи, излагают свои требования к заявке и отчетности. Однако процедура прохождения заявки нередко занимает длительное время.

Частные грантодатели представлены частными некоммерческими организациями, использующие для выплат грантов денежные средства от коммерческой деятельности или пожертвований. Такие грантодатели выдвигают менее жесткие критерии к оформлению заявок и достаточно оперативно их изучают. Основной отличительной особенностью частного грантодателя является его демократичность, в том числе и в отношении отчетности.

Корпоративные грантодатели функционируют от лица конкретной компании и финансируют проекты под определенные цели и задачи. Предъявляемые требования к заявкам и отчетности могут варьироваться от очень жестких до достаточно демократичных.

Кроме того, следует выделить так называемых посреднических грантодателей, которые распределяют средства государственных или частных фондов по НКО, подавшим заявки на различные грантовые конкурсы.

На наш взгляд, деятельность СО НКО, ориентированная только на гранты, снижает ее устойчивость и стабильность деятельности. Отмечаются случаи, когда руководители и участники НКО не стремятся изучать нормативную базу, что приостанавливает развитие грантовой деятельности организации [Андрюченко 2017].

Для получения статуса грантополучателя необходимо доказать легитимность орга-

низации, интегрированность [Бородкина, Старшинова 2022]. К рискам и барьерам грантовой поддержки относятся, например: низкие тарифы на услуги, сложная отчетность, конкуренция, трудности в реализации индивидуальной программы получателей социальных услуг [Бородкина, Старшинова 2020]. Чтобы исключить некоторые риски важно провести границу между НКО и социальным предприятием, которые взаимодействуют и конкурируют друг с другом, имеют схожие методы работы и одинаковую структуру получателей [Григорьева, Парфенова 2021]. Успешные СО НКО вырабатывают практики открытости, распространяют информацию о своей деятельности, раскрывают информацию о доходах и привлекаемых ресурсах, публикуют информацию о расходах. Так, в 2017 г. при оценке проектов «президентских грантов» учитывался именно показатель открытости деятельности организации [Кобыльников 2019].

Грантодатели вносят изменения в структуру функционирования НКО и оказывают влияние на содержание их работы [Ивашиненко, Пятакова, Янкелевич 2022]. При этом присутствуют некоторые организационные барьеры, которые можно минимизировать, учитывая особенности развития системы грантов: повышение доверия к исследователям, совершенствование законодательства, улучшение работы экспертных комиссий [Гришук 2021].

Главными критериями оценки проектов выступают: системный подход к анализу реализации проекта (цели, задачи, планы и др.); целевая аудитория, направленность и содержание проекта (какие группы населения охватывает, какие социальные проблемы решает и др.); заявленное финансирование (сумма проекта не должны превышать установленной конкурсом суммы и иметь разумные пределы); адекватность, достижимость и реалистичность результатов [Коротина, Абрамкина, Алдошенко 2019].

Таким образом, некоммерческий сектор является полноправным участником отношений в триаде государство-бизнес-общество. В Волгоградской области некоммерческие организации развиваются в различных направлениях, и подобное развитие невозможно без поддержки со стороны государства и муниципальных властей. Согласно гибридной мо-

дели стандартизации качества, которая сочетает государственное регулирование и рыночную конкуренцию, государство устанавливает стандарты качества, организации принимают данные стандарты и выполняют их, запускаются механизмы партнерства государства и НКО [Гимазова 2022]. Становится понятным, что чем больше различных СО НКО в городах России получают поддержку, тем лучше развивается инновационный рынок социальных услуг – становится разнообразнее, что повышает качество жизни граждан, способствует снижению социальной напряженности и может способствовать повышению уровня уверенности в стабильном будущем.

Материалы и методы

В 2019 г. проводилось всероссийское обследование НКО и по данным исследования НИУ ВШЭ, где $n = 1\ 000$, были выявлены проблемы функционирования данных организаций. Стоит отметить высокий процент ответов по проблеме недостатка финансовых и материальных средств – 43 % [Кравченко, Суховеева 2020].

Грантовая деятельность НКО относится к инновационной деятельности, рассчитана, прежде всего, на развитие организации и совершенствование ее функционирования. Для того чтобы получить грантовую поддержку руководителям НКО необходимо ознакомиться с грантодателями, определить специфику их работы – государственные, частные, посреднические или корпоративные.

В 2023 г. на базе студенческого центра развития СО НКО Волгоградского государственного университета было проведено исследование, систематизированы качественные и количественные социологические данные, характеризующие грантовую деятельность СО НКО в Волгоградской области.

В ходе исследования рассматривались следующие грантодатели: Фонд президентских грантов [Проекты Фонда... web], Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Федеральная государственная информационная система... web], Фонд Владимира Потанина [Фонд Потанина web], Международный науч-

ный фонд экономических исследований академика Н.П. Федоренко [Международный... web], Международный фонд научный фонд им. Н.Д. Кондратьева [Международный фонд Н.Д. Кондратьева web], Международный фонд технологий и инвестиций [Международный фонд... web], Национальный фонд «Молодые лидеры» [Национальный фонд... web], Российская благотворительная организация ИНО-Центр [Российская благотворительная... web], Российский Фонд Фундаментальных Исследований [Российский фонд... web], Фонд поддержки образования и науки (Алферовский фонд) [Фонд поддержки... web], Фонд Содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере [Фонд содействия... web].

Выявлено, что с 2020 г. наиболее активную грантовую поддержку для СО НКО Волгоградской области предоставляет «Фонд президентских грантов» [Проекты Фонда... web]. Сайт фонда имеет удобный формат, информация о способах подачи заявок доступна и при анализе грантовых практик можно легко сформировать информацию по регионам. Поэтому для анализа был выбран именно данный фонд.

Согласно данным Министерства экономического развития Российской Федерации по состоянию на 25.08.2023 в Волгоградской области насчитывается 929 СО НКО [Реестр... web]. При этом некоторые организации заре-

гистрированы несколько раз за счет открытия филиалов и разного финансирования. Например, общественная организация «Всероссийское общество инвалидов» имеет несколько отдельно зарегистрированных в реестре филиалов [Реестр... web]. В частности:

– Котовская районная организация волгоградской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (поддержку оказывает «Фонд президентских грантов»);

– Ленинская районная организация волгоградской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (поддержку оказывает «Фонд президентских грантов»);

– Михайловская районная организация волгоградской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (поддержку оказывает «Фонд президентских грантов»);

– Урюпинская городская организация волгоградской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (поддержку оказывает «Фонд президентских грантов») и др.

Возникает вопрос: для чего одна организация указана в реестре несколько раз? Номер ИНН и ОГРН один, а организация отмечается несколько раз в списке, что затрудняет подсчет общего количества СО НКО (рис. 1).

Социально ориентированные некоммерческие организации

Список организаций, Волгоградская область ▾

По состоянию на 25.08.2023 г.

929

ИНН	Наименование организации	Адрес	ОГРН
3410061644	КАМЫШИНСКАЯ РАЙОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНВАЛИДОВ"	Волгоградская область, КАМЫШИНСКИЙ Р-Н, Г. ПЕТРОВ ВАЛ, УЛ. 30 ЛЕТ ПОБЕДЫ, Д.7	10234001
3410061644	КАМЫШИНСКАЯ РАЙОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНВАЛИДОВ"	Волгоградская область, КАМЫШИНСКИЙ Р-Н, Г. ПЕТРОВ ВАЛ, УЛ. 30 ЛЕТ ПОБЕДЫ, Д.7	10234001
3410061644	КАМЫШИНСКАЯ РАЙОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНВАЛИДОВ"	Волгоградская область, КАМЫШИНСКИЙ Р-Н, Г. ПЕТРОВ ВАЛ, УЛ. 30 ЛЕТ ПОБЕДЫ, Д.7	10234001
3410061644	КАМЫШИНСКАЯ РАЙОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ "ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНВАЛИДОВ"	Волгоградская область, КАМЫШИНСКИЙ Р-Н, Г. ПЕТРОВ ВАЛ, УЛ. 30 ЛЕТ ПОБЕДЫ, Д.7	10234001

Рис. 1. СО НКО по Волгоградской области – повторы в реестре

Фонд Президентских грантов регулярно поддерживает СО НКО. Это стало одним из основных факторов исследования грантовых практик НКО по Волгоградской области [Проекты Фонда... web]. Критерии выборки:

- грантовое направление («социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан»);
- сроки реализации (с 20.03.2020 по 15.03.2023 г.);
- победители конкурса.

В выборку вошли 73 заявки (табл. 1). Таким образом, за три года Фондом Президентских грантов было поддержано 30 проектов в 2020 г.; всего 12 проектов в 2021 г.; 24 проекта в 2022 г. и до марта 2023 г. поддержано лишь 7 проектов (по Волгоградской области). Методом контент-анализ выделим наиболее часто встречающиеся в названиях поддержанных проектов дефиниции (см. табл. 2), что позволит определить востребованные грантодателями направления деятельности СО НКО.

Таблица 1

Название проектов-победителей НКО в Волгоградской области

№ п/п	Название проекта	Сумма финансирования, руб.
2023 г.		
1.	Незримая красота	769 434,10
2.	Волшебное творчество	242 639,80
3.	Арт-проект социокультурной реабилитации «Театр “Мы”»-2	1 907 961,00
4.	Центр чуткого ухода	950 556,00
5.	IT Пространство СОВРЕМЕННЫЕ ВОЛЖАНЕ	433 326,00
6.	Стиль жизни. Вектор направления – бездомные	1 810 702,80
7.	Званый обед	719 300,00
2022 г.		
8.	Дорогами памяти и Сталинградской славы. Продолжение	470 690,00
9.	Создавая мир вокруг себя	499 440,00
10.	Мастерская здоровья	663 268,00
11.	Приют епархиального гуманитарно-просветительского центра «Семья» для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации	1 946 050,00
12.	Пусть с нами рядом будет всем теплее	500 218,00
13.	Модельное агентство ПОДиУМ-2.0 Проект Особенных Детей и Уникальной Молодежи. Волгоградская область	1 837 391,00
14.	Ты не один	1 736 820,00
15.	Курс на восстановление	422 930,00
16.	Внедрение эффективных технологий для обучения детей с расстройствами аутистического спектра в коррекционных классах	896 550,00
17.	Детское время: организация центров досуга и общего развития детей на базе пунктов временного размещения	1 484 860,00
18.	Программа креативной социальной адаптации детей и подростков из Донбасса «Своих не бросаем»	972 140,00
19.	Я живу на земле волгоградской	2 041 050,00
20.	Социальная служба «Домашний мастер» при Центре гуманитарной помощи «Доброе сердце»	1 592 244,00
21.	Помогаем НАШИМ и Словом, и Делом	1 112 186,00
22.	Рука помощи	801 500,00
23.	Центр гуманитарной помощи «Лепта» (развитие социальной практики оказания срочной социальной помощи семьям с детьми и беременным женщинам)	2 972 970,20
24.	Women Space	499 178,50
25.	Мир открытых возможностей	2 086 019,00
26.	Спешим на помощь к землякам	490 370,00
27.	Ты не один	1 520 915,00
28.	Своих не бросаем	481 840,00
29.	Волшебный мир творчества	198 549,80
30.	Центр гуманитарной помощи святого праведного Иоанна Кронштадтского	499 600,00
31.	У добра нет выходных-2	499 955,00

Окончание таблицы 1

№ п/п	Название проекта	Сумма финансирования, руб.
2021 г.		
32.	«Мир чувств»	1 535 856,00
33.	Русская усадьба – создание креативного пространства для организации трудовой занятости молодых людей с тяжелыми формами заболевания, находящихся на сопровождаемом проживании	2 990 200,00
34.	Центр гуманитарной помощи и поддержки «Доброе сердце» – бесплатный магазин, учебная швейная мастерская, транспортная служба и полезный досуг	994 878,00
35.	Живая деревня-2	258 365,00
36.	Двигательная реабилитация детей на инвалидности с сенсорными нарушениями и СДВГ «Непоседа»	2 627 956,00
37.	Служба дневного пребывания «Энергия долголетия»	1 771 211,00
38.	Движение – путь к здоровью и долголетию	396 650,00
39.	Интересно жить!	2 104 206,00
40.	Арт-проект социокультурной реабилитации «Театр “Мы”»	2 874 084,16
41.	«СТАРТУМИГРЫ» (СТАРТУЮТ УМНЫЕ ИГРЫ)	493 245,00
42.	Живая деревня	165 050,00
43.	У добра нет выходов	499 740,00
2020 г.		
44.	От возраста дожития – к возрасту счастья!	2 956 577,00
45.	Добрая ложка. II этап	499 909,00
46.	Путевка в жизнь. Садовая трудотерапия. Второй этап.	2 079 774,00
47.	В ногу со временем идем мы уверенно	438 886,00
48.	Социальный маршрут: Волгоград для всех – новый старт	602 433,00
49.	Жест помощи	497 683,20
50.	Успешная семья	1 385 484,00
51.	Красочный мир детей	490 258,00
52.	«Точка опоры» – организация семейно ориентированной кризисной службы	2 470 216,00
53.	Своевременная помощь	2 964 872,00
54.	Добрая станция	1 507 614,00
55.	Социально-психологическая дистанционная помощь семьям с инвалидами в период пандемии	816 186,00
56.	ШКОЛА ТОСОВСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ВТОРОЙ ЭТАП)	2 712 060,00
57.	Во благо	363 125,00
58.	Своих не бросаем!	495 170,00
59.	В зоне риска	410 899,00
60.	Социальная транспортная служба доставки и перевозки при Центре гуманитарной помощи «Доброе сердце»	991 755,00
61.	Волшебный мир мультипликации	145 361,00
62.	Дорогами памяти и Сталинградской славы	476 037,00
63.	Вперед, к новым возможностям	292 255,00
64.	Здоровый дух – ни дня без песни	617 023,81
65.	Добрая ложка	365 818,00
66.	Интересно жить!	2 999 025,12
67.	Помогая другим – мы учимся любить	374 250,00
68.	Долговременный уход: помощь рядом	368 199,00
69.	Школа социального долголетия «Энергия жизни»	1 705 983,00
70.	Спортзал на улице – это здорово	375 936,00
71.	«Содружество поколений» по формированию и развитию волонтерского движения для социализации ветеранов и пенсионеров	490 188,00
72.	Шаг к здоровью и долголетию	492 619,00
73.	Учебная швейная мастерская при Центре гуманитарной помощи «Доброе сердце»	598 688,00

Таблица 2

Наиболее часто встречающиеся в названиях поддержанных проектов дефиниции

Слово	Количество упоминаний
Помощи	7
Детей	7
Гуманитарной	6
Доброе	4
Мир	4

В таблице представлены дефиниции, которые характеризуют содержание проектов. Наиболее часто встречаемые дефиниции в названиях проекта указывают на поддержку незащищенных категорий населения и формирование благоприятной социальной среды. Проанализировав проекты, по сумме финансирования, можем выделить те, которые получили минимальное и максимальное финансирование:

– В 2020 г. минимальное финансирование получила Урюпинская городская организация волгоградской областной организации общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (название проекта – Волшебный мир мультипликации, сумма – 145 361,00 руб.). Максимальное финансирование получила Автономная некоммерческая организация центр педагогической поддержки семьи «Крылатые качели» (название проекта – Интересно жить! сумма – 2 999 025,12 руб.).

– В 2021 г. минимальное финансирование получило Территориальное общественное самоуправление «Поповский 2011» (название проекта – Живая деревня, сумма – 165 050,00 руб.). Максимальное финансирование получил Волгоградский областной общественный благотворительный фонд «Дети в беде» (название проекта – Русская усадьба – создание креативного пространства для организации трудовой занятости молодых людей с тяжелыми формами заболевания, находящихся на сопровождаемом проживании; сумма – 2 990 200,00 руб.).

– В 2022 г. минимальное финансирование получило Территориальное общественное самоуправление «Водный» (название проекта – Волшебный мир творчества, сумма – 198 549,80 руб.). Максимальное финансирование получила Волгоградская региональная общественная организация возрождения и духовно-нравственного развития семейных отношений «Православный семейный центр «Лествица» (название проекта – Центр гуманитарной помощи «Лепта» (развитие социальной практики оказания срочной социальной помощи семьям с детьми и беременным женщинам); сумма – 2 972 970,20 руб.).

– В 2023 г. минимальное финансирование получила Автономная некоммерческая организация «Ефим-единый фонд инициатив

молодежи» (название проекта – «Волшебное творчество», сумма – 242 639,80 руб.). Максимальное финансирование получил Детский благотворительный фонд «Ангелы надежды» (название проекта – Арт-проект социокультурной реабилитации «Театр «Мы»-2, сумма – 1 907 961,00 руб.).

Для получения финансовой помощи НКО необходимо придерживаться требований грантодателей, оценивать свои реальные возможности и быть готовыми к предоставлению всей документации, особенно отчетной по используемым выплаченным средствам.

Результаты и обсуждение

Как показало исследование, СО НКО в Волгоградской области активно участвуют в конкурсах, грантовых программах. Однако финансовая поддержка проектов возможна только при соблюдении определенных требований, которые могут меняться в зависимости от грантодателя. Основные условия для грантозаявителя заключаются в: определении вида деятельности, наличие опыта реализации значимых проектов у СО НКО (в период существования организации с момента открытия), отсутствии долгов.

В Волгоградской области СО НКО взаимодействуют с государством, бизнесом, друг с другом, что позволяет оптимизировать рынок социальных услуг, способствует достижению основных целей социальной политики и оказывает позитивное влияние на различные незащищенные группы населения (семьи в зоне риска; пожилые граждане; инвалиды; дети, оставшиеся без попечения родителей; беженцы и вынужденные переселенцы и др.). В процессе исследования было выявлены следующие успешные стратегии грантовой деятельности СО НКО. Во-первых, ежегодная подача заявок, позволяющая совершенствовать саму заявку, а также механизмы реализации проектов, что в результате приводит к получению новой финансовой поддержки. Например, «У добра нет выходных» или «Арт-проект социокультурной реабилитации «Театр «Мы». Во-вторых, предоставление уникальных услуг, которые востребованы конкретной категорией населения, значимой, но не охваченной услугами СО НКО.

На фоне активного процесса распределения финансирования, грантовой поддержки СО НКО происходит расширение и обновление реестров поставщиков социальных услуг. Важно то, что, с одной стороны, СО НКО выходят на новый уровень при предоставлении социальных услуг. С другой стороны, появляются СО НКО, заинтересованные более в финансировании, чем в решении социально значимых проблем. На основе тенденции увеличения объемов поддержки СО НКО, со стороны государства, актуальность исследований третьего сектора и его развития в современном обществе возрастает. Однако следует учитывать, что участие в конкурсах и финансовая поддержка не становится гарантом развития и успеха организации, поэтому одной из главных задач выступает создание платформы и проверка финансовой устойчивости. Привлечение СО НКО к оказанию социальных услуг позволит расширить границы и повысить качество социального обслуживания. Для этого необходимо повышать уровень информированности населения о деятельности СО НКО; регулировать потенциал организаций для решения проблем региона; поддерживать деятельность опытных организаций и руководителей, которые готовы делиться своими знаниями, практиками; продумать разный механизм работы с «фиктивными» и реальными организациями; поддерживать гражданскую активность и создавать условия для развития инфраструктуры СО НКО; внедрять современные цифровые технологии и расширять коммуникативные площадки для взаимодействия СО НКО; привлекать квалифицированных сотрудников, равнодушных граждан.

Несомненно, что уровень развитости, содержание проектов и численность СО НКО отличается в каждом регионе Российской Федерации. Для мониторинга и фиксации изменений необходимы новые исследования третьего сектора. Но независимо от региона участие СО НКО в грантовом конкурсе позволяет расширить спектр представления социальных услуг населению.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант

№ 24-28-01304 «Волонтерские и благотворительные практики российского общества в экстремальных условиях жизнедеятельности (первая четверть XX и XXI веков): сравнительный анализ».

The work was prepared with financial support from the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01304, “Volunteer and charitable practices of Russian society in extreme living conditions (the first quarter of the twentieth and twenty-first centuries): comparative analysis”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андриенко 2017 – *Андриенко А.И.* Правовые вопросы участия некоммерческих организаций в конкурсах на получение грантов // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 3 (17). С. 4–9.
- Бородкина, Старшинова 2020 – *Бородкина О.И., Старшинова А.В.* Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 3. С. 411–428.
- Бородкина, Старшинова 2022 – *Бородкина О.И., Старшинова А.В.* Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные тенденции: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 221–236.
- Гимазова 2022 – *Гимазова Ю.В.* Финансирование социальных проектов по результатам конкурсов: развитие методологии и методики оценки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 11–20.
- Григорьева, Парфенова 2021 – *Григорьева И.А., Парфенова О.А.* Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 7–22.
- Грищук 2021 – *Грищук А.А.* Проблемы развития грантовой системы в России и пути их преодоления // Молодой ученый. 2021. № 44 (386). С. 210–212.
- Доля некоммерческого сектора... web – Доля некоммерческого сектора в экономике страны удвоилась с 2018 года // https://www.economy.gov.ru/material/news/dolya_nekommercheskogo_sektora_v_ekonomike_strany_udvoilas_s_2018_goda.html#:~:text=Доля%20некоммерческого%20сектора%20в%20экономике,Министерство%20экономического%20развития%20

- Российской Федерации в экономике России. , году составил 201% 2С5%
- Ефимова 2023 – *Ефимова Л.А.* Новый порядок финансирования субъектов РФ при реализации программ развития гражданского общества // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 3. С. 192–196.
- Ивашиненко, Пятакова, Янкелевич 2022 – *Ивашиненко Н.Н., Пятакова Е.Н., Янкелевич К.А.* Грантовые программы как инструменты развития третьего сектора // *Социологическая наука и социальная практика*. 2022. Т. 10, № 2. С. 105–119.
- Климонтов 2022 – *Климонтов С.В.* Проблемные аспекты гранта как особой формы бюджетной субсидии // *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 12 (216). С. 191–193.
- Кобыльников 2019 – *Кобыльников В.П.* Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // *Проблемы развития территории*. 2019. № 1 (99). С. 107–120.
- Коротина, Абрамкина, Алдошенко 2019 – *Коротина Н.Ю., Абрамкина С.Р., Алдошенко Е.В.* Особенности финансовой поддержки социально ориентированных проектов в муниципальном образовании // *Социум и власть*. 2019. № 2 (76). С. 46–55.
- Кравченко, Суховеева 2020 – *Кравченко Е.В., Суховеева А.А.* Социально ориентированные некоммерческие организации как поставщики социальных услуг: проблемы, векторы развития // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. 2020. Т. 1, № 3. С. 121–134.
- Международный... web – Международный научный фонд экономических исследований академика Н.П. Федоренко (МНФЭИ) объявляет конкурсы 2022 года // <http://www.cemi-ras/fondf/2022/>
- Международный фонд Н.Д. Кондратьева web – Международный научный фонд им. Н.Д. Кондратьева // <https://funds.riep.ru/funds/442000/>
- Международный фонд... web – Международный фонд технологий и инвестиций // <http://ifti.ru/>
- Национальный фонд... web – Национальный фонд «Молодые лидеры» // http://innovbusiness.ru/content/document_r_D741941C-F48E-44E1-9077-E5A5609053DE.html
- Проекты Фонда... web – Проекты Фонда президентских грантов // <https://президентскиегранты.рф/public/application/table?CompetitionId=&RegionId=da051ec8-da2e-4a66-b542-473b8d221ab4&ContestDirectionTenantId=3dc66154-7487-483d-bf4f-30c8d3538ae9&SearchString=&IsNormalTermProjects=true&IsLongTermProjects=true&OnlyWinners=False&IsNormalTermProjects=false&IsLongTermProjects=false>
- Реестр... web – Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 // <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/77>
- Российская благотворительная... web – Российская благотворительная организация ИНО-Центр // http://innovbusiness.ru/content/document_r_3A6BAA95-B469-49DA-9658-96D0D1D7953D.html
- Российский фонд... web – Российский фонд фундаментальных исследований // <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/>
- Федеральная государственная информационная система... web – Федеральная государственная информационная система координации информатизации // <https://portal.eskigov.ru/fgis/215>
- Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // *Консультант плюс* // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
- Фонд поддержки... web – Фонд поддержки образования и науки (Алферовский фонд) // <https://alferov-fond.com/fond>
- Фонд Потанина web – Фонд Потанина // <https://fondpotanin.ru/>
- Фонд содействия... web – Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере // <https://система-фонд.рф/>

REFERENCES

- Andrienko A.I., 2017. Legal Issues of Participation of Non-Profit Organizations in Competitions for Grants. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (17), pp. 4-9.
- Borodkina O.I., Starshinova A.V., 2020. Activities of NPOs in the Field of Social Services: Public Expectations and Regional Practices. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki*, vol. 18, no. 3, pp. 411-428.
- Borodkina O.I., Starshinova A.V., 2022. Strategies for the Sustainability of Socially Oriented NPOs: Grant Support Mechanism. *Ekonomicheskie i socialnye tendencii: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 15, no. 5, pp. 221-236.
- Gimazova Yu.V., 2022. Financing of Social Projects Based on the Results of Competitions: Development of Methodology and Methods of Assessment. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski*, no. 2, pp. 11-20.

- Grigorieva I.A., Parfenova O.A., 2021. Socially Oriented NPOs and Social Enterprises as Drivers of Nationalization of Social Services: Barriers and Opportunities. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki*, vol. 19, no. 1, pp. 7-22.
- Grischuk A.A., 2021. Problems of the Development of the Grant System in Russia and Ways to Overcome Them. *Molodoj uchenyj*, no. 44 (386), pp. 210-212.
- The Share of the Non-Profit Sector in the Country's Economy Has Doubled Since 2018*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dolya_nekommercheskogo_sektora_v_ekonomike_strany_udvoilas_s_2018_goda.html#:~:text=Dolya%20nekommercheskogo%20sektora%20v%20ekonomike,Ministerstvo%20ekonomicheskogo%20razvitiya%20Rossyskoy%20Federatsii&text=v%20ekonomike%20Rossii.,godu%20sostavil%201%20S%25
- Efimova L.A., 2023. New Procedure for Financing the Constituent Entities of the Russian Federation in the Implementation of Civil Society Development Programs. *Innovacii i investicii*, no. 3, pp. 192-196.
- Ivashinenko N.N., Pyatakova E.N., Yankelevich K.A., 2022. Grant Programs as Tools for the Development of the Third Sector. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, vol. 10, no. 2, pp. 105-119.
- Klimontov S.V., 2022. Problematic Aspects of the Grant as a Special Form of Budget Subsidy. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 12 (216), pp. 191-193.
- Kobylnikov V.P., 2019. Actual Problems of Financial Support for the Non-Profit Sector of the Region (Using the Example of Providing "Presidential Grants"). *Problemy razvitiya territorii*, no. 1 (99), pp. 107-120.
- Korotina N.Yu., Abramkina S.R., Aldoshenko E.V., 2019. Features of Financial Support for Socially Oriented Projects in the Municipality. *Socium i vlast*, no. 2 (76), pp. 46-55.
- Kravchenko E.V., Sukhoveeva A.A., 2020. Socially Oriented Non-Profit Organizations as Social Service Providers: Problems, Development Vectors. *Socialnoe predprinimatelstvo i korporativnaya socialnaya otvetstvennost*, vol. 1, no. 3, pp. 121-134.
- International Scientific Fund for Economic Research Academician N.P. Fedorenko*. URL: <http://www.cemi-ras.ru/fondf/2022/>
- International Foundation Scientific Foundation Named After N.D. Kondratyev*. URL: <https://funds.riep.ru/funds/442000/>
- International Technology and Investment Fund*. URL: <http://ifti.ru/>
- National Young Leaders Foundation*. URL: http://innovbusiness.ru/content/document_r_D741941C-F48E-44E1-9077-E5A5609053DE.html
- Presidential Grants Fund Projects*. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/table?CompetitionId=&RegionId=da051ec8-da2e-4a66-b542-473b8d221ab4&ContestDirectionTenantId=3dc66154-7487-483d-bf4f-30c8d3538ae9&SearchString=&IsNormalTermProjects=true&IsLongTermProjects=true&OnlyWinners=False&IsNormalTermProjects=false&IsLongTermProjects=false>
- Register of Socially Oriented Non-Profit Organizations, Formed in Accordance with Decree of the Government of the Russian Federation of July 30, 2021, No. 1290*. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/77>
- Russian Charity INO-Center*. URL: http://innovbusiness.ru/content/document_r_3A6BAA95-B469-49DA-9658-96D0D1D7953D.html
- Russian Foundation for Basic Research*. URL: <https://www.rfbr.ru/rffi/ru/>
- Portal of a Unified Automated Information System for Supporting Socially Oriented Non-Profit Organizations*. URL: <https://portal.eskigov.ru/fgis/215>
- Federal Law "On Non-Commercial Organizations" Dated January 12, 1996, No. 7-FZ. *Consultant plus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
- Education and Science Support Fund (Alferov Foundation)*. URL: <https://alferov-fond.com/fond>
- Potanin Foundation*. URL: <https://fondpotanin.ru/>
- Foundation for Assistance to the Development of Small Forms of Enterprises in the Scientific and Technical Field*. URL: <https://система-фонд.рф/>

Information About the Authors

Olga E. Andryushchenko, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andryuschenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4619-160X>

Elena O. Danilova, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, danilovaelena@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2859-2226>

Информация об авторах

Ольга Евгеньевна Андриющенко, кандидат социологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andryuschenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4619-160X>

Елена Олеговна Данилова, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, danilovaelena@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2859-2226>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

UDC 316.472
LBC 60.54

Submitted: 18.04.2024
Accepted: 15.06.2024

**EXTRACTIVISM IN PERSONS:
REPRODUCTION OF SOCIAL FORCES AND RELATIONSHIPS
IN THE COURSE OF THE NATURAL RESOURCE DEVELOPMENT**

Alexandra E. Piskunova

The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Natural resources permeate social existence, providing our way of life and being invariably present in our thinking about development and well-being. The last decades of unprecedented intensity and scale of extractive industries show that today natural resources are a force that revitalizes sociality. This article is devoted to the social reproduction of extractivism, a system of meanings and practices that organizes the extraction of substances from the environment for profit. In addition to the impact on landscapes and the environmental condition, the natural resource development simultaneously organizes social structures, political mechanisms, and social relations. On the basis of current scientific papers, an attempt is made to systematically characterize the main social forces of extractivism, with special emphasis on common forms of interaction and specific norms. Governance structures promote natural resource extraction as the basis for social development. In the pursuit of quick profits, accompanied by predatory natural resource exploitation, mining companies clearly neglect many negative consequences. Supported by mechanisms of juridical processes, practices of extractive project expertise, and the ideological work of the media, coalitions of government agencies and businesses legitimize many social, political, and environmental costs of extractivism. The local communities in resource extraction areas, as well as the industry workers, directly feel the contradictions of the extractive industries, which are responsible for both prosperity and disadvantage. In recent decades, social movements and activists who strive to challenge the existing social order have become influential social forces. An empirically rich analysis of extractivism as a configuration of relationships between social forces occupying different positions and having competing interests and opportunities seems promising.

Key words: extractivism, natural resources, extractive industries, social relations, mining companies, governance.

Citation. Piskunova A.E. Extractivism in Persons: Reproduction of Social Forces and Relationships in the Course of the Natural Resource Development. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 165-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

УДК 316.472
ББК 60.54

Дата поступления статьи: 18.04.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

**ЭКСТРАКТИВИЗМ В ЛИЦАХ: ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНЫХ СИЛ
И ОТНОШЕНИЙ В ХОДЕ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ**

Александра Евгеньевна Пискунова

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Природные ресурсы пронизывают общественное существование, обеспечивая наш образ жизни и неизменно присутствуя в нашем мышлении о развитии и благополучии. Последние десятилетия небывалой интенсивности и масштабов добывающих индустрий показывают, что сегодня природные ресурсы

оказываются силой, оживляющей социальность. Настоящая статья посвящена социальному воспроизводству экстрактивизма, системы смыслов и практик, организующей извлечение веществ из природной среды для получения прибыли. Помимо влияния на ландшафты и состояние окружающей среды, освоение природных ресурсов одновременно организует социальные структуры, политические механизмы и общественные отношения. На основе актуальных научных работ делается попытка системно охарактеризовать основные социальные силы экстрактивизма с особым акцентом на распространенные формы взаимодействия и специфические нормы. Структуры государственного управления продвигают добычу природных ресурсов как основу общественного развития. Добывающие компании в погоне за быстрой прибылью и при хищническом характере эксплуатации природных ресурсов явно пренебрегают многими негативными последствиями. Коалиции государственных структур и бизнеса, подкрепленные механизмами юридических процессов, практиками экспертизы добывающих проектов и идеологической работой СМИ, узаконивают многие социальные, политические и экологические издержки экстрактивизма. Население в районах добычи ресурсов, как и рабочие отрасли непосредственно ощущают противоречия добывающих индустрий, которые ответственны как за процветание, так и за неблагополучие. В последние десятилетия влиятельными социальными силами стали социальные движения и активисты, которые стремятся оспорить существующий социальный порядок. Перспективным представляется эмпирически насыщенный анализ экстрактивизма как конфигурации взаимоотношений социальных сил, занимающих разные позиции, имеющих конкурирующие интересы и возможности.

Ключевые слова: экстрактивизм, природные ресурсы, добывающие отрасли, социальные отношения, добывающие компании, государственное управление.

Цитирование. Пискунова А. Е. Экстрактивизм в лицах: воспроизводство социальных сил и отношений в ходе освоения природных ресурсов // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 165–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.17>

Введение

Наш век характеризует небывалое по масштабу и интенсивности использование природных ресурсов и расширение добывающих отраслей. Понятие «экстракция» в наиболее общем смысле определяет извлечение веществ и материалов из окружающей среды. Она может относиться как к массовой промышленной добыче полезных ископаемых (угля, нефти, золота), так и освоению других природных ресурсов (вода, лес, рыба). Важный акцент – добывается то, что считается ценным, для преобразования в широкий спектр средств производства или товаров.

Однако современная общественная жизнь наполняет такое буквальное определение распространенными и кажущимися привычными реалиями вроде неравенства, насилия, конфликтов, загрязнения окружающей среды. Для осмысления особых способов взаимодействия людей с природными ресурсами, а также лежащей в их основе логики используют термин «экстрактивизм». Он фигурирует как в общественных дискуссиях, так и в академическом поле для обозначения добывающей деятельности, политики и идеологий, способов мышления, которые основаны

на присвоении природы с целью максимизации выгоды [Durante, Kröger, LaFleur 2019]. Экстрактивизм фундаментально встроено в динамику капиталистической системы в условиях глобального рынка, особенно в контексте неолиберальных политик [Gudynas 2018]. Термин подчеркивает насильственную логику изъятия, действующую без взаимности, через истощение и разрушение.

Несмотря на своеобразие добывающих проектов и множество локальных контекстов, в разных частях мира обнаруживаются схожие логики и явления. В настоящей работе утверждается, что такое единообразие возникает через воспроизводство социальных сил и отношений в ходе освоения природных ресурсов. Цель статьи – на основе обобщения научной литературы продемонстрировать, кем и как воплощается социальная «архитектура» экстрактивизма. Прежде всего, критически проанализированы устойчивые представления о социальном поле экстрактивизма. В основной части приводится аналитическая экспозиция основных позиций, в рамках которых возникают взаимоотношения по поводу освоения природных ресурсов. В заключение предлагаются заметки к методологии дальнейших исследований.

Социальные структуры экстрактивизма: критические замечания

Практики освоения природных ресурсов не только возникают в определенном социальном пространстве, но и формируют общественные структуры и отношения. Вопрос в том, как продуктивно осмыслить все сложности такого социального структурирования. Как предмету социального дискурса и фокусу анализа, экстрактивизму зачастую не удается избежать упрощений и упущений.

Во-первых, считается, что процессы добычи определяются геологическими факторами, технологическими составляющими и экономическими императивами производительности и прибыли. Такая «реалистическая» картина оставляет без внимания или даже затемняет многие социально-политические условия и широкий круг вовлеченных участников.

Во-вторых, обсуждения добычи и использования природных ресурсов нередко представляют несколько безагентную картину. Уругвайский журналист и аналитик Р. Зибечи запечатлел эту тенденцию в провокационной формулировке, что «экстрактивизм создает общество без субъектов» [Benito web]. Многие социальные агенты постепенно теряют политическую автономию, утрачивают свою субъектность, включаются в социальное поле как объекты. В политической экономике и добывающих индустриях доминирует деперсонализация и близорукий взгляд, который отделяет экстрактивистские практики и ресурсные экономики от социальной политики и властных стратегий, которые ими управляют [Gilberthorpe, Rajak 2016].

В-третьих, при рассмотрении заинтересованных сторон формируется устойчивая триадная модель «государство, корпорация, местные сообщества» [Stammler, Wilson 2006]. Ее применение к отдельным отраслям или конкретным районам не позволяет не только включить другие значимые общественные силы (например, неправительственные организации или средства массовой информации), но также осознать внутренние сложности конкретных участников. Кроме того, эта триада оказывается ценностно и политически не нейтральной. В обзорах присутствуют распространенные карикатурные искажения – монолит-

ная и угрожающая фигура добывающей компании, готовой на все, чтобы извлечь максимальную выгоду, «слабое» государство, местные жители, предстающие как жертвы добывающей индустрии. Еще одно серьезное ограничение такой аналитики – зачастую нерелексивно применяется бинарный подход к оценке эффектов и воздействий добывающей отрасли, который скрывает взаимосвязанность многих результатов, их комплексную природу. Две доминирующие категории, в которые помещается добыча ресурсов – «благополучие» и «проклятие».

В-четвертых, исследователи экстрактивизма, как метко указывает Дж. Вольф, по большому счету, разделяют две нормативные предпосылки [Wolff 2017]. Первая заключается в том, что экстрактивизм, вообще говоря, является «плохой» вещью, поскольку разрушает окружающую среду, а также отрицательно влияет на благополучие местного населения. Вторая подразумевает, что пострадавшие должны иметь право на решения, касающиеся того, что происходит на их территориях. Критически настроенные ученые склонны рассматривать местные попытки оспаривания как благо или даже отождествлять себя с участниками, предъявляя претензии на выражение и продвижение их интересов.

В поисках лучшего понимания социального устройства экстрактивизма далее предложим характеристику основных вовлеченных субъектов с особым акцентом на институционализированные нормы деятельности, реальные паттерны поведения и мышления, а также основные формы и содержание их взаимодействий. Для точности представления сгруппируем акторов в соответствии с различными горизонтами власти. Как в любом другом социальном поле, в контексте экстрактивизма одни имеют больше возможностей и средств, чтобы определять его контуры – устанавливать доминирующие смыслы, задавать структуры и практики, заставляя их функционировать в свою пользу, чем другие.

«Сильные» позиции

Субъекты способны сохранять и трансформировать объективные условия, навязывать свои интересы.

Важнейшими являются социальные институты и структуры, распределенно осуществляющие государственную власть: к ним можно отнести национальные правительства и местные администрации; органы, осуществляющие государственное управление в сфере недропользования; законодательные органы; контролирующие и надзорные структуры. Ключевая роль государства в экстрактивизме обеспечивается фиксированной монополией, позволяющей распоряжаться национальными ресурсными богатствами от лица граждан и получать прибыль (ресурсную ренту) от их реализации [Bridge 2014].

Распространено мнение, что государственная политика во многих богатых природными ресурсами странах благоприятствует крупномасштабным экстрактивистским проектам. М. Арсель, Б. Хогенбум и Л. Пеллегрини связывают телеологический приоритет добывающей деятельности в государственном управлении с укреплением «императива добычи» (the extractive imperative) [Arsel, Hogenboom, Pellegrini 2016]. В его основе – три идеологических положения: интенсификация добычи – необходимый и неизбежный шаг в процессе структурных преобразований на пути к более высокому уровню развития; такой переход должен быть организован и в значительной степени осуществлен государством; и сокращение бедности и неравенства имеет первостепенное значение.

Реализация ориентированной на освоение природных ресурсов политики зависит от позиции государства в процессах управления. Сокращение роли государства и дерегулирование рынков капитала и товаров соответствуют неолиберальному курсу, особенно распространенному в середине 1980-х гг. на волне реформ в странах Латинской Америки [Veltmeyer 2013]. «Неоэкстрактивизм» как модель развития, напротив, определяет возросшее присутствие государства в добывающих секторах и предусматривает национализацию сырьевых секторов и корпораций, пересмотр концессий и контрактов на эксплуатацию ресурсов, реинвестирование доходов в реализацию социальных программ [Acosta 2013].

Государство может определять контуры экстрактивизма:

– через создание, модификацию и внедрение правовых рамок и юридических механизмов в вопросах использования земли и ресурсов. Зачастую изменение законов, связанное с «гибкостью» или «упрощением» экологических норм и стратегий территориального планирования, а также позиция регулирующих органов явно благоприятствуют расширению добывающих отраслей;

– экономическую политику и налогообложение, которые связаны с получением доходов от добывающей деятельности и их распределением.

Эффективное государственное управление ресурсным богатством должно приводить к национальному развитию и благополучию. Однако зачастую оно может «искажать» институты и негативно влиять на качество принимаемой политики. Противоречивые следствия ресурсного изобилия объединяются понятием «ресурсное проклятье», по-прежнему остающимся дискуссионным. Страны превращаются в государства-рантье, которые живут за счет ренты, а не трудовых доходов. Происходит усиление авторитарных тенденций, нечестная конкуренция, увеличение коррупции, ограничение развития и использования человеческого капитала [Ross 2019]. Широко распространены кумовство и патронаж, поощряющие «погоню за рентой».

Поскольку мобилизация общественности может приводить к приостановке экстрактивистских проектов, к свержению администраций и другим формам волеизъявления, успех и «выживание» правительств зависит от реализации определенных политических риторик и дискурсивных стратегий. К ним можно отнести «ресурсный национализм», представление о том, что государство и его население должны управлять и распределять прибыль, получаемую от природных ресурсов [Koch, Perreault 2019], и «экстрактивный популизм», убеждение, что добыча и экспорт ресурсов составляют ядро национальной экономики и обеспечивают широкий спектр выгод для всех жителей страны [Kojola 2018].

Однако если общественность становится слишком эффективной в ограничении проектов или развития, для продвижения экстрактивистского курса государство нередко готово пренебречь своими обязательствами в об-

ласти прав человека и охраны окружающей среды. Формами структурного и символического насилия, позволяющими поддерживать социальный порядок, являются неравный доступ к ресурсам и отсутствие правовой защиты; ограничение гражданского участия в обсуждениях, прав на публичные судебные разбирательства; политика непризнания и криминализация, которые представляют протесты, связанные с добычей ресурсов, как преступные и непатриотичные [Raftopoulos 2022].

Доминирующей силой, стимулирующей экстрактивистские проекты, являются компании, занимающиеся добычей природных ресурсов. Мировая добывающая отрасль характеризуется сложной сетью компаний разного размера: крупные и средние компании часто полагаются в своих разработках на юниоров и берут на себя проекты или приобретают целые компании.

Независимо от характеристик, добывающим компаниям присуще особое видение и корпоративная идеология, представляющие структурное и экономическое стремление отдавать приоритет краткосрочному накоплению богатства независимо от социальных и экологических эффектов [Shever 2022]. Формируется особая этика отстраненности, которая позволяет им ограничивать свою ответственность за последствия экстрактивизма. Ясно, что деятельность компаний разворачивается в определенной институциональной среде. Формально государственное управление задает регламенты и ограничения, в которых действует бизнес, однако в реальной практике отмечаются партнерства, лоббирование частных интересов и злоупотребление полномочиями.

Наблюдаются многообразные эффекты присутствия компаний в районах добычи природных ресурсов. Со времен перехода к масштабному использованию энергии ископаемого топлива в XIX в. и до сих пор добывающие компании участвуют в развитии инфраструктуры, образования, здравоохранения. Однако в последние десятилетия усиливается противоположная тенденция, когда деятельность компаний оказывается все более оторванной от местных реалий. Формируются анклавные, относительно изолированные, но высокопроизводительные части политико-экономических

систем, в которых доминируют иностранные корпорации [Саблин 2022]. Анклавирирование практически не приносит выгод для мест, в которых происходит добыча.

В деятельности добывающих компаний отношения с общественностью занимают центральное место. Значение имеют не только решения и политика, проводимая топ-менеджерами компаний, но также деятельность отделов устойчивого развития и по связям с общественностью. Основные усилия направлены на формирование лояльности, положительного имиджа и бренда компании.

Добывающие компании взаимодействуют:

1) через механизмы убеждения. В первую очередь, используются формы «мягкой силы»: предоставление рабочих мест, компенсационные выплаты, инфраструктурные проекты и программы обучения или переселения. Однако переговоры редко ведутся на равных, и имеется множество свидетельств того, что местные сообщества заключают невыгодные сделки, особенно когда фирмы сами организуют и направляют переговоры.

Усилия по внедрению более социальных, этических и устойчивых способов ведения бизнеса реализуются компаниями посредством корпоративных проектов. Особенное распространение получили:

– программы корпоративной социальной ответственности (КСО). Они являются добровольными, регулируются разными, зачастую неформальными кодексами и могут охватывать целый ряд различных видов деятельности, которые направлены на увязку успеха компании и процветания сообщества [Поддубиков, Кофанова 2022];

– концепции «социальной лицензии на деятельность» (social license to operate – SLO). Добывающим предприятиям требуется не только официальная лицензия, но и неформальные и основанные на сообществе (то есть «социальные») формы оформления и принятия [Рябова, Дидык 2015];

– механизмы участия и консультаций, которые направлены на информирование, выяснение мнений представителей общественности и активное вовлечение в процесс принятия решений [Le Billon, Middeldorp 2021].

Однако критически настроенные ученые и активисты подвергли сомнению предпосыл-

ки и практики этих инициатив, результаты которых оказываются неоднозначными. Как желательные модели взаимодействия, они неизбежно терпят неудачу, потому что исходят из бизнес-императива добывающей компании, то есть императива добывающей активности, и не могут критически подходить к общественно важным вопросам типа «для чего мы должны добывать?», «кто / что страдает больше всего?», «стоит ли заниматься добычей, если другим так много есть, что терять?». На практике задокументировано множество случаев, как эти программы реализуются для ограничения потенциала сообществ, манипулирования дебатами, связанными с добычей ресурсов, превращаясь в средство усиления экспансии экстрактивизма, метод «узаконивания хищений» [Murrey, Jackson, Volonterio 2023];

2) различные формы манипулирования (нечестность, ложные и неудовлетворенные обещания, нарушения соглашений). Чем более экономически и политически уязвимо население, тем легче компании манипулируют им. По крайней мере, компании часто преуменьшают (или полностью игнорируют) издержки для сообществ, связанные с их деятельностью, в то же время преувеличивая (неявно или явно) выгоды, которые проекты, вероятно, принесут [Kemp et al. 2011];

3) различные формы насилия, используемые для присвоения земли и ресурсов, а также навязывания своей политики [Frederiksen, Himley 2020]. Репрессивные практики включают не только прямые угрозы или применение физического насилия, но и оказание постоянного давления через ограничение свободы высказываний и свободы собраний, обыски и незаконные приводы местных жителей.

Добывающие компании также выступают субъектами трудовых отношений. В прошлом разработка месторождений требовала притока рабочей силы, что оказывало значимое структурное воздействие на урбанизацию и социальную плотность [Magrin, Pertier-Bruslé web]. Сегодня наблюдается отраслевая тенденция к сокращению рабочих мест, снижению заработной платы низкоквалифицированных работников. Хотя исторически экстрактивизм включал в себя некоторые из наихудших форм трудовой эксплуатации, в то

же время аргументы в пользу обеспечения занятости и обещания экономических выгод до сих пор позволяют добывающим компаниям и местным властям оправдывать расширение экстрактивизма. Важный пункт в отношениях между компаниями и рабочими – обеспечение условий труда. Большое количество положений и норм делает многие операции нерентабельными, поэтому зачастую предписания не соблюдаются, что приводит к трудовым конфликтам и несчастным случаям.

«Слабые» позиции

Субъекты имеют ограниченные возможности для «определения ситуации», хотя в определенных условиях включаются в процессы оспаривания существующего порядка.

В контексте добывающих отраслей субъектность обретает профессиональное сообщество (майнеры, шахтеры, рабочие). Различные структурные факторы (неравенство, человеческий и социальный капитал, социальная принадлежность и прочее) вынуждают людей переезжать в районы, вблизи которых ведется добыча ресурсов, и выполнять опасную работу, чтобы получать стабильный заработок и обеспечить достойную жизнь семье [Smith Rolston 2013].

Специфику социальных групп работников добывающей отрасли определяют условия работы. Непривлекательность для проживания территорий, около которых ведется добыча ресурсов, создает моноотраслевые, однородные социальные группы, которые закреплены в пространстве и зачастую изолированы от другого населения [Araya et al. 2019]. Кроме того, высокая интенсивность физического труда и постоянный риск для здоровья и жизни формируют у них особую солидарность, которая становится основой выстраивания сильной идентичности, связанной с профессией [Herrero, Lemkow 2015]. Добыча ресурсов имеет мощное социально-политическое измерение, связанное с деятельностью профсоюзов, протестами, забастовками шахтеров.

Современные добывающие проекты, вписанные в динамику «бумов и спадов», связаны с трудовой миграцией, работой вахтой, избытком трудовых ресурсов на местах добычи (в

связи с механизацией и технизацией). Происходит фрагментация местных сообществ и ослабление коллективных связей, а также изменение социального статуса и уровня престижа шахтеров в обществе. Они представляются как маргинализованная группа: бедные, малообразованные, живущие в «отсталых» городах.

Один из ключевых субъектов экстрактивизма – местное население, проживающее вблизи добывающих проектов и непосредственно испытывающее их воздействие. По-прежнему динамика экстрактивизма связана с активным занятием территорий с низкой плотностью населения, районов компактного проживания сообществ, преимущественно ведущих натуральное хозяйство и практикующих традиционные промыслы. Особого внимания требует ситуация с коренными народами и этническими сообществами, культурная самобытность и мировоззрение которых тесно связаны с ландшафтом [Поддубиков, Осипов 2014]. Несмотря на то что защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни закреплена в правовом и юридическом поле, остается много противоречий и «темных» зон, использующихся в пользу про-экстрактивных коалиций.

Хотя экстрактивистская политика ясно указывает на то, что природные ресурсы должны приносить пользу жителям, тем не менее в районах добычи люди бедны, а условия жизни неудовлетворительны. Есть множество свидетельств того, что люди имеют повышенные проблемы со здоровьем и риски, включая врожденные дефекты, сердечно-сосудистые заболевания и рак. Кроме того, непрерывную озабоченность затронутых сообществ вызывают негативные воздействия на окружающую среду [Gomezulu, Sumary 2013].

При этом местное население зачастую характеризует пассивность и высокая степень лояльности к существующему общественному порядку. Она складывается из экономической зависимости от добывающих отраслей (как источника семейного дохода или основы местной монопрофильной экономики), а также неспособности сообществ с низким политическим и экономическим капиталом к коллективному действию. Укоренившиеся стратегии властных элит маскируют неравенства и скрывают насилие, представляя текущее положение

дел неизбежным и отрицая возможность альтернатив. Среди местных жителей культивируется «культура молчания» и вера в то, что ничего нельзя сделать.

Однако в последние годы все более заметными становятся случаи социальной мобилизации и активизма в регионах добычи. Несогласие с положением дел мотивирует разнообразные формы оспаривания экстрактивизма (*contestation over extractivism*) [Dietz, Engels 2017]. Местные сообщества могут полностью отвергать добычу природных ресурсов на «своей» территории. Либо предметом спора оказываются отдельные нормы и политические реформы – от борьбы за минимизацию негативных последствий для местных источников средств к существованию и/или распределения выгод от добычи ресурсов до выступлений, которые отвергают «только» присвоение ресурсов иностранными и/или частными компаниями. На переднем крае дискуссий, касающихся добывающих проектов, по-прежнему остаются экологические проблемы и земельные отношения. Усиление борьбы фиксируется во взрыве социально-экологических конфликтов [Svampa web], активной мобилизации защитников земли (*land defenders*), низовых аграрных организаций и движений, отстаивающих сохранение возможностей для собирательства, рыболовства и продовольственного суверенитета [Graddy-Lovelace 2021].

Некоторые мероприятия активистов носят мирный характер и основаны на сотрудничестве; другие представляют более яркие проявления несогласия. К формам коллективного действия относятся марши и демонстрации, блокирование дорог и подъездов, пресс-конференции, сбор подписей, судебные иски, критика новых законов о добыче [Renfrew, Santos 2017].

«Поддерживающие» позиции

Субъекты значимо включены в существующие отношения и порядки, при определенных условиях усиливая, ослабляя или трансформируя возможности субъектов «слабых» и «сильных» позиций.

Осуществление добывающих проектов тесно сопряжено с работой различных экспер-

тов и консультантов в области геологии, химии, физики, инженерии, экономики и других. Фактически каждый этап добывающего проекта – от планирования и разведки до завершения – не обходится без специализированных данных и технологий. Отраслевое спонсорство, различные формы влияния, подкуп зачастую приводят к поразительной нехватке независимых специалистов, особенно в сфере лицензирования, оценки воздействия и контроля за деятельностью [Carrington 2013]. Таким образом происходит легитимация деятельности компаний, зачастую скрывающая нарушения и негативные последствия.

Возможность действия в публичной сфере, а также значимость общественного мнения делают широкие слои населения регионов и стран включенными в социальное поле экстрактивизма. Общественность формирует представления относительно того, как должна вести себя отрасль и к каким результатам приводить. Как «граждане страны», люди рассматривают экстрактивистские проекты как требующие компромиссов. Добыча природных ресурсов воспринимается как необходимая, но экономические выгоды должны быть сбалансированы с экологическими и социальными интересами. От добывающих компаний ожидают минимизации воздействия на окружающую среду, поддержки местных сообществ и заботы о них, поддержания «сильной» экономики, обеспечения занятости и заботы о работниках, поддержки международного авторитета [Mason et al. 2014]. Широко распространено мнение, что добыча ресурсов является благом для местной экономики, несмотря на массу доказательств обратного. Люди, непосредственно не затронутые добывающими проектами, склонны переоценивать экономические эффекты отрасли, упуская из виду многие риски [Blaacker, Woods, Oliver 2012].

Неоспорима роль средств массовой информации и социальных медиа. Они не только служат важным связующим звеном между публичной сферой и лицами, принимающими решения, но и оказывают влияние на содержание общественного сознания и формирование повестки по вопросам ресурсопользования, обеспечивают легитимность определенным субъектам и их интересам [Pinto, Prado, Tirado-Alcaraz 2017]. В первую очередь,

складываются альянсы СМИ с политическими и экономическими элитами, способствующие продвижению экономических интересов [Gilding et al. 2013]. Освещение событий в СМИ районах добычи ресурсов и странах с добывающими экономиками строго привязано к официальным источникам, рамкам и перспективам (высказываниям государственных деятелей и представителей корпораций). Мнение населения, возражающего против добывающей деятельности, либо замалчивается, либо маргинализируется. Действия «пострадавших» часто изображаются как вторжение, протест, нарушение общественного порядка. И наоборот, государственные деятели воспринимаются положительно как выполняющие ожидаемые от них обязанности социально конструктивными способами. СМИ значимо влияют на восприятие окружающей среды. Освоение природных ресурсов не характеризуется как экологическая проблема, а ухудшение экологии и вред здоровью в местах добычи оказываются в значительной степени невидимыми [Lehotský et al. 2019].

Поскольку экстрактивизм относится к глобальным явлениям и процессам, его реализация связана с континентальными и глобальными структурами и силами. Добывающие отрасли функционируют в контексте динамики мировой экономики и деятельности транснациональных корпораций, ситуации на глобальном рынке сырья, а также изменений международных отношений. Значительную роль имеют международные институты, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), и международные объединения, такие как Организация стран – экспортёров нефти (ОПЕК), БРИКС, Латиноамериканская ассоциация интеграции. Экстрактивизм связан с международными нормами, регулируемыми не только добычу, но и условия труда работников, механизмы торговли, управление производством (например, комплекс международных стандартов ISO 9000). Динамика добычи природных ресурсов в глобальном масштабе складывается из макроэкономических решений, например, принятие «Вашингтонского консенсуса» (ряда мер, направленных на усиление роли рыночных сил и снижение роли государственного сектора),

Парижского соглашения по климату (2015) и соглашений о необходимости глобального поэтапного отказа от ископаемого топлива для снижения выбросов парниковых газов.

Заключение

В настоящей статье изложено общее представление о социальном устройстве экстрактивизма. Оно может способствовать дальнейшему изучению региональных и национальных контекстов и описанию отдельных кейсов. Как представляется, облики экстрактивизма возникают из различных социальных конфигураций действующих лиц и их взаимоотношений. Методология эмпирически насыщенного анализа предполагает:

1) акцент на *множественности*, которая касается как разнообразия действующих лиц – корпоративных, коллективных и индивидуальных, которые вовлекаются в структуры и практики экстрактивизма, так и конкурирующих систем ценностей и значений;

2) признание *неоднородности* участников разных масштабах. «Корпорация», «государство» или «местное сообщество» не представляют монолитные, внутренне согласованные социальные единицы; это конкретные люди с различными подходами и интересами, которые благодаря определенным практикам и паттернам могут представлять и действовать от имени корпоративных структур;

3) внимание к *реляционности* и *динамизму* социальных связей и отношений. Даже такие «устойчивые структуры», как государство или корпорация, не существуют сами по себе, а требуют постоянных усилий широкого круга людей, которые их создают, поддерживают и по необходимости пересматривают;

4) отслеживание *переговоров* и *процессов согласования*, в которых возникают и стабилизируются структуры и практики ресурсопользования. Экстрактивизм – это не продукт одного актора, а коллективное достижение, порожденное противоречивыми требованиями, конкуренцией, напряжениями и диспропорциями.

Экстрактивизм формирует уникальные опыты общественной организации, детальный анализ которых оказывается востребованной задачей в рамках социальной теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Поддубиков, Кофанова 2022 – Поддубиков В.В., Кофанова Е.А. Между выгодой и этикой: социальная ответственность корпораций глазами антропологов // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 214–246.
- Поддубиков, Осипов 2014 – Поддубиков В.В., Осипов К.И. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3, № 3. С. 122–127.
- Росс 2019 – Росс М. Политические аспекты «ресурсного проклятия» // Неприкосновенный запас. 2019. № 4 (126). С. 35–65.
- Рябова, Дидык 2015 – Рябова Л.А., Дидык В.В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 61–82.
- Саблин 2022 – Саблин К.С. Анклавы богатства и политические связи крупного бизнеса в странах с развивающимися рынками // Journal of Economic Regulation. 2022. № 13 (4). С. 55–64.
- Acosta 2013 – Acosta A. Extractivism and Neoextractivism: Two Sides of the Same Curse // Beyond Development: Alternative Visions from Latin America. Amsterdam: Transnational Institute, Rosa Luxemburg Foundation, 2013. P. 61–86.
- Araya et al. 2019 – Araya J., Azócar C., Azócar C., Mayol A. Exploring the Daily Life of Mining Communities: The Case of Antofagasta, Chile // Rural Society. 2019. Vol. 28, № 33. P. 226–239.
- Arsel, Hogenboom, Pellegrini 2016 – Arsel M., Hogenboom B., Pellegrini L. The Extractive Imperative in Latin America // The Extractive Industries and Society. 2016. Vol. 3, № 4. P. 880–887.
- Benito web – Benito V. “Extractivism Creates a Society Without Subjects”: Raúl Zibechi on Latin American Social Movements [Upside Down World, 2015] // <https://upside-downworld.org/archives/international/extractivism-creates-a-society-without-subjects-raul-zibechi-on-latin-american-social-movements/>
- Blaacker, Woods, Oliver 2012 – Blaacker D., Woods J., Oliver C. How Big Is Big Coal? Public Perceptions of the Coal Industry’s Economic Impact in West Virginia // Organization & Environment. 2012. Vol. 25, № 4. P. 385–401.
- Bridge 2014 – Bridge G. Resource Geographies II: The Resource-State Nexus // Progress in Human Geography. 2014. Vol. 38, № 1. P. 118–130.
- Carrington 2013 – Carrington K. Corporate Risk, Mining Camps and Knowledge/Power // Ball M.,

- Tauri J., O'Brien E., Carrington K. (eds.). *Crime, Justice and Social Semocracy: International Perspectives*. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 295–314.
- Dietz, Engels 2017 – *Dietz K., Engels B.* Contested Extractivism, Society and the State: An Introduction // Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–19.
- Durante, Kröger, LaFleur 2019 – *Durante F., Kröger M., LaFleur W.* Extraction and Extractivisms. Definitions and Concepts // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 19–30.
- Frederiksen, Himley 2020 – *Frederiksen T., Himley M.* Tactics of Dispossession: Access, Power, and Subjectivity at the Extractive Frontier // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2020. Vol. 45, № 1. P. 50–64.
- Gilberthorpe, Rajak 2016 – *Gilberthorpe E., Rajak D.* The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse // *The Journal of Development Studies*. 2016. Vol. 53, № 2. P. 186–204.
- Gilding et al. 2013 – *Gilding M., Merlot E., Leitch S., Bunton V., Glezos L.* Media Framing of the Resources Super Profits Tax // *Australian Journal of Communication*. 2013. Vol. 39, № 3. P. 23–40.
- Gomezulu, Sumary 2013 – *Gomezulu E.S., Sumary D.P.* Community Perceptions on the Impacts of Mining to the Surrounding Communities and on the Natural Resource Management: A Case Study Around Buzwagi Mining Project // *Tanzania Journal of Natural and Applied Sciences*. 2013. Vol. 4, № 1. P. 582–586.
- Graddy-Lovelace 2021 – *Graddy-Lovelace G.* Leveraging Law and Life: Criminalization of Agrarian Movements and the Escazú Agreement // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 94–113.
- Gudynas 2018 – *Gudynas E.* Extractivisms: Tendencies and Consequences // Munck R., Wise R.D. (eds.). *Reframing Latin American Development*. London: Routledge, 2018. P. 61–76.
- Herrero, Lemkow 2015 – *Herrero A., Lemkow L.* Environmentally Blind Discourses on Coal Extraction and the Idealization of the Miner in Spain // *Capitalism Nature Socialism*. 2015. Vol. 26, № 4. P. 215–235.
- Kemp et al. 2011 – *Kemp D., Owen J.R., Gotzmann N., Bond C.J.* Just Relations and Company-Community Conflict in Mining // *Journal of Business Ethics*. 2011. Vol. 101. P. 93–109.
- Koch, Perreault 2019 – *Koch N., Perreault T.* Resource Nationalism // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43, № 4. P. 611–631.
- Kojola 2018 – *Kojola E.* Bringing Back the Mines and a Way of Life: Populism and the Politics of Extraction // *Annals of the American Association of Geographers*. 2018. Vol. 109, № 2. P. 371–381.
- Le Billon, Middeldorp 2021 – *Le Billon P., Middeldorp N.* Empowerment or Imposition? Extractive Violence, Indigenous Peoples, and the Paradox of Prior Consultation // Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London: Routledge, 2021. P. 71–93.
- Lehotský et al. 2019 – *Lehotský L., Černoč F., Osička J., Ocelík P.* When Climate Change is Missing: Media Discourse on Coal Mining in the Czech Republic // *Energy Policy*. 2019. Vol. 129. P. 774–786.
- Magrin, Perrier-Bruslé web – *Magrin G., Perrier-Bruslé L.* New Geographies of Resource Extraction. Introduction [EchoGéo. 2011. № 17] // <http://journals.openedition.org/echogeo/13093>
- Mason et al. 2014 – *Mason C.M., Paxton G., Parsons R., Parr J.M., Moffat K.* “For the Benet of Australians”: Exploring National Expectations of the Mining Industry // *Resources Policy*. 2014. Vol. 41. P. 1–8.
- Murrey, Jackson, Volonterio 2023 – *Murrey A., Jackson N.A., Volonterio M.* Social Licence to Operate: The Role of an Idea in the Colonial Logics of Extractivism // *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. 2023. Vol. 15, № 1. P. 1–18.
- Pinto, Prado, Tirado-Alcaraz 2017 – *Pinto J., Prado P., Tirado-Alcaraz J.A.* Mediated Neo-Extractivism and National Development // *Environmental News in South America*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 143–163.
- Raftopoulos 2022 – *Raftopoulos M.* Extractivism, Territorialization, and Displacement in Latin America // Jensen S.B., Schröder R., Soriano O.A. (eds.). *Situating Displacement Explorations of Global (Im)Mobility*. Berlin: Peter Lang, 2022. P. 109–124.
- Renfrew, Santos 2017 – *Renfrew D., Santos C.* Mega-Mining Sovereignty: Landscapes of Power and Protest in Uruguay’s New Extractivist Frontier // Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.). *EXTRACTiON: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. N.Y.: Routledge, 2017. P. 31–45.
- Shever 2022 – *Shever E.* Corporations // D’Angelo L., Pijpers R.J. (eds.). *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge, 2022. P. 21–38.

- Smith Rolston 2013 – *Smith Rolston J.* Specters of Syndromes and the Everyday Lives of Wyoming Energy Workers // Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.). *Cultures of Energy: Power, Practices, Technologies*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2013. P. 213–226.
- Stammler, Wilson 2006 – *Stammler F., Wilson E.* Dialogue for Development: An Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica: The Journal of Siberian Studies*. 2006. Vol. 5, № 2. P. 1–42.
- Svampa web – *Svampa M.* Neo-Extractivism in Latin America. Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives. Cambridge University Press, 2019 // <https://maristellasvampa.net/wp-content/uploads/2019/11/libro-Neo-extractivism-in-Latin-America-in-Cambridge.pdf>
- Veltmeyer 2013 – *Veltmeyer H.* The Political Economy of Natural Resource Extraction: A New Model or Extractive Imperialism? // *Canadian Journal of Development Studies*. 2013. Vol. 34, № 1. P. 79–95.
- Wolff 2017 – *Wolff J.* Contesting Extractivism: Conceptual, Theoretical and Normative Reflections // Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles over Mining and Land*. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 243–255.
- Alternative Visions from Latin America*. Amsterdam, Transnational Institute, Rosa Luxemburg Foundation, pp. 61–86.
- Araya J., Azócar C., Azócar C., Mayol A., 2019. Exploring the Daily Life of Mining Communities: The Case of Antofagasta, Chile. *Rural Society*, vol. 28, no. 33, pp. 226–239.
- Arsel M., Hogenboom B., Pellegrini L., 2016. The Extractive Imperative in Latin America. *The Extractive Industries and Society*, vol. 3, no. 4, pp. 880–887.
- Benito V., 2015. “Extractivism Creates a Society Without Subjects”: Raúl Zibechi on Latin American Social Movements. *Upside Down World*. URL: <https://upside-down-world.org/archives/international/extractivism-creates-a-society-without-subjects-raul-zibechi-on-latin-american-social-movements/>
- Blaacker D., Woods J., Oliver C., 2012. How Big Is Big Coal? Public Perceptions of the Coal Industry’s Economic Impact in West Virginia. *Organization & Environment*, vol. 25, no. 4, pp. 385–401.
- Bridge G., 2014. Resource Geographies II: The Resource-State Nexus. *Progress in Human Geography*, vol. 38, no. 1, pp. 118–130.
- Carrington K., 2013. Corporate Risk, Mining Camps and Knowledge/Power. Ball M., Tauri J., O’Brien E., Carrington K. (eds.). *Crime, Justice and Social Democracy: International Perspectives*. London, Palgrave Macmillan, pp. 295–314.
- Dietz K., Engels B., 2017. Contested Extractivism, Society and the State: An Introduction. Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles Over Mining and Land*. London, Palgrave Macmillan, pp. 1–19.
- Durante F., Kröger M., LaFleur W., 2019. Extraction and Extractivisms. Definitions and Concepts. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 19–30.
- Frederiksen T., Himley M., 2020. Tactics of Dispossession: Access, Power, and Subjectivity at the Extractive Frontier. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 45, no. 1, pp. 50–64.
- Gilberthorpe E., Rajak D., 2016. The Anthropology of Extraction: Critical Perspectives on the Resource Curse. *The Journal of Development Studies*, vol. 53, no. 2, pp. 186–204.
- Gilding M., Merlot E., Leitch S., Bunton V., Glezos L., 2013. Media Framing of the Resources Super Profits Tax. *Australian Journal of Communication*, vol. 39, no. 3, pp. 23–40.
- Gomezulu E.S., Sumary D.P., 2013. Community Perceptions on the Impacts of Mining to the Surrounding Communities and on the Natural

REFERENCES

- Poddubikov V.V., Kofanova E.A., 2022. Between the Benefits and Ethics: Anthropologists Viewing the Corporate Social Responsibility. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 214–246.
- Poddubikov V.V., Osipov K.I., 2014. Land-Use Conflicts in the Areas of the Shor People’s Traditional Economic Activities: Types, Factors and Origin Patterns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 3 (59), pp. 122–127.
- Ross M., 2019. Political Aspects of the “Resource Curse”. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 4 (126), pp. 35–65.
- Riabova L.A., Didyk V.V., 2015. Social License to Operate for the Resource Extraction Companies as a New Instrument of Municipal Development. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, no. 3, pp. 61–82.
- Sablin K.S., 2022. Enclave Economies and Political Connections of Big Business in Emerging Market Countries. *Journal of Economic Regulation*, no. 13 (4), pp. 55–64.
- Acosta A., 2013. Extractivism and Neoextractivism: Two Sides of the Same Curse. *Beyond Development:*

- Resource Management: A Case Study Around Buzwagi Mining Project. *Tanzania Journal of Natural and Applied Sciences*, vol. 4, no. 1, pp. 582-586.
- Graddy-Lovelace G., 2021. Leveraging Law and Life: Criminalization of Agrarian Movements and the Escazú Agreement. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 94-113.
- Gudynas E., 2018. Extractivisms: Tendencies and Consequences. Munck R., Wise R.D. (eds.). *Reframing Latin American Development*. London, Routledge, pp. 61-76.
- Herrero A., Lemkow L., 2015. Environmentally Blind Discourses on Coal Extraction and the Idealization of the Miner in Spain. *Capitalism Nature Socialism*, vol. 26, no. 4, pp. 215-235.
- Kemp D., Owen J.R., Gotzmann N., Bond C.J., 2011. Just Relations and Company-Community Conflict in Mining. *Journal of Business Ethics*, vol. 101, pp. 93-109.
- Koch N., Perreault T., 2019. Resource Nationalism. *Progress in Human Geography*, vol. 43, no. 4, pp. 611-631.
- Kojola E., 2018. Bringing Back the Mines and a Way of Life: Populism and the Politics of Extraction. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 109, no. 2, pp. 371-381.
- Le Billon P., Middeldorp N., 2021. Empowerment or Imposition? Extractive Violence, Indigenous Peoples, and the Paradox of Prior Consultation. Shapiro J., McNeish J.-A. (eds.). *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. London, Routledge, pp. 71-93.
- Lehotský L., Černoč F., Osička J., Ocelík P., 2019. When Climate Change Is Missing: Media Discourse on Coal Mining in the Czech Republic. *Energy Policy*, vol. 129, pp. 774-786.
- Magrin G., Perrier-Bruslé L., 2011. New Geographies of Resource Extraction. Introduction. *EchoGéo*, no. 17. URL: <http://journals.openedition.org/echogeo/13093>
- Mason C.M., Paxton G., Parsons R., Parr J.M., Moffat K., 2014. "For the Benet of Australians": Exploring National Expectations of the Mining Industry. *Resources Policy*, vol. 41, pp. 1-8.
- Murrey A., Jackson N.A., Volonterio M., 2023. Social Licence to Operate: The Role of an Idea in the Colonial Logics of Extractivism. *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 1-18.
- Pinto J., Prado P., Tirado-Alcaraz J.A., 2017. Mediated Neo-Extractivism and National Development. *Environmental News in South America*. London, Palgrave Macmillan, pp. 143-163.
- Raftopoulos M., 2022. Extractivism, Territorialization, and Displacement in Latin America. Jensen S.B., Schröder R., Soriano O.A. (eds.). *Situating Displacement Explorations of Global (Im)Mobility*. Berlin, Peter Lang, pp. 109-124.
- Renfrew D., Santos C., 2017. Mega-Mining Sovereignty: Landscapes of Power and Protest in Uruguay's New Extractivist Frontier. Jalbert K., Willow A., Casagrande D., Paladino S. (eds.). *EXTRACTiON: Impacts, Engagements, and Alternative Futures*. New York, Routledge, pp. 31-45.
- Shever E., 2022. Corporations. D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.). *The Anthropology of Resource Extraction*. London, Routledge, pp. 21-38.
- Smith Rolston J., 2013. Specters of Syndromes and the Everyday Lives of Wyoming Energy Workers. Strauss S., Rupp S., Love T. (eds.). *Cultures of Energy: Power, Practices, Technologies*. Walnut Creek, CA, Left Coast Press, pp. 213-226.
- Stammler F., Wilson E., 2006. Dialogue for Development: An Exploration of Relations Between Oil and Gas Companies, Communities and the State. *Sibirica: The Journal of Siberian Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 1-42.
- Svampa M., 2019. *Neo-Extractivism in Latin America. Socio-Environmental Conflicts, the Territorial Turn, and New Political Narratives*. Cambridge University Press. URL: <https://maristellasvampa.net/wp-content/uploads/2019/11/libro-Neo-extractivism-in-Latin-America-in-Cambridge.pdf>
- Veltmeyer H., 2013. The Political Economy of Natural Resource Extraction: A New Model or Extractive Imperialism? *Canadian Journal of Development Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 79-95.
- Wolff J., 2017. Contesting Extractivism: Conceptual, Theoretical and Normative Reflections. Engels B., Dietz K. (eds.). *Contested Extractivism, Society and the State: Struggles over Mining and Land*. London, Palgrave Macmillan, pp. 243-255.

Information About the Author

Alexandra E. Piskunova, Junior Researcher, Sector of Urban Studies, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 7-ya Красноармейская St, 25/14, 190005 Saint Petersburg, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, Smolny St, 1/3, Entrance 9, 191124 Saint Petersburg, Russian Federation, alexpiskunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>

Информация об авторе

Александра Евгеньевна Пискунова, младший научный сотрудник сектора социоурбанистики, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, 25/14, 190005 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; аспирант кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, 1/3, подъезд 9, 191124 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alexpiskunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1928-0722>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.18>

UDC 316.422
LBC 60.56

Submitted: 01.06.2024
Accepted: 15.06.2024

SOCIAL PROBLEMS OF HEALTHCARE IN THE MIRROR OF SOCIOLOGY (EXPERT ASSESSMENT)

Olga I. Sgibneva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Artem A. Boboshko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
OOO Clinic of Rehabilitation Dentistry (LLC), Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted in Crimea and Sevastopol in 2023. The purpose of the study was to identify expert opinions on the process of transformation of healthcare in the Republic of Crimea and Sevastopol after joining the Russian Federation and its assessment by medical personnel in terms of providing high-quality medical care to the population and improving the working conditions of doctors. The semi-structured interview method was used. The study involved 15 experts corresponding to the target sample: medical workers with higher education (doctors) of state budgetary institutions of Crimea and Sevastopol with work experience from 10 to 30 years, with experience in the Ukrainian period up to 2014. Experts noted positive changes in healthcare after 2014 related to the introduction of insurance medicine and the expansion of the range of medical institutions, but the accumulated problems cannot be solved quickly. Administrative reforms and strengthening of the material and technical base still do not solve the semantic problems of healthcare related to mutual understanding between a doctor and a patient, joint participation in the fight against diseases. Key figures in the development of healthcare are doctors; their qualifications, their professionalism, and therefore their working conditions are important, including economic, psychological, organizational, and their confidence in the future. None of the experts pointed to an increase in living standards or noted clear prospects for professional development in the interview. The understanding of medical care as a “service” reduces the status of a doctor and deprives the profession of the inner meaning of serving people. The study made it possible to identify those pain points of modern Russian healthcare that affect the decrease in the effectiveness of doctors and inhibit the development of doctor-patient partnerships in the treatment process.

Key words: healthcare, health, expert interview method, interpersonal communication, social status, quality of life, social risks.

Citation. Sgibneva O.I., Boboshko A.A. Social Problems of Healthcare in the Mirror of Sociology (Expert Assessment). *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 178-187. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.18>

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ (ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА)

Ольга Ивановна Сгибнева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Артем Андреевич Бобошко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
ООО «Клиника реабилитационной стоматологии», г. Севастополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в Крыму и Севастополе в 2023 году. Целью исследования было выявление экспертного мнения о процессе трансформации здравоохранения Республики Крым и г. Севастополя после вхождения в состав Российской Федерации, его оценки врачебным персоналом с точки зрения обеспечения качественной медицинской помощи населению и улучшении условий работы врачей. Использован метод полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие 15 экспертов, соответствующих целевой выборке: медицинские работники с высшим образованием (врачи) государственных бюджетных учреждений Крыма и Севастополя со стажем от 10 до 30 лет, имеющие опыт работы в украинский период до 2014 года. Эксперты отметили положительные изменения в здравоохранении после 2014 г., связанные с внедрением страховой медицины, расширением спектра лечебных учреждений, однако накопившиеся проблемы невозможно решить быстро. Административные реформы, укрепление материально-технической базы еще не снимают смысловых проблем здравоохранения, связанных с взаимопониманием врача и пациента, их совместным участием в борьбе с болезнями. Ключевой фигурой в процессе развития здравоохранения является врач, его квалификация, профессионализм, потому важны условия его труда, в том числе экономические, психологические, организационные, его уверенность в завтрашнем дне. В интервью ни один из экспертов не указал на повышение уровня жизни, не отметил четкие перспективы профессионального роста. Осмысление медицинской помощи как «услуги» снижает статус врача, лишает профессию внутреннего смысла служения людям. Исследование позволило выявить те болевые точки современного российского здравоохранения, которые влияют на снижение эффективности работы врачей, тормозят развитие партнерских отношений врача и пациента в процессе лечения.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье, метод экспертного интервью, межличностные коммуникации, социальный статус, качество жизни, социальные риски.

Цитирование. Сгибнева О. И., Бобошко А. А. Социальные проблемы здравоохранения в зеркале социологии (экспертная оценка) // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 178–187. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.18>

В современном обществе здравоохранение рассматривается как важнейший социальный институт, обеспечивающий охрану здоровья населения. Эффективная система здравоохранения содействует воспроизводству населения, вносит большой вклад в экономическое и социальное развитие социума, обеспечивает качество жизни через преодоление различного рода болезней.

Особую актуальность приобретает данная тема для Крыма и Севастополя, которые после присоединения к России столкнулись с новыми вызовами и перспективами. Положение в здравоохранении Крыма и Севастополя

в период длительного пребывания полуострова в составе Украины значительно ухудшилось, что определяется отставанием материально-технической базы лечебных учреждений от современных требований (здания больниц не соответствуют лицензионным параметрам, нуждаются в ремонте и реконструкциях, медицинское оборудование в них на уровне 80-х гг. прошлого века), неэффективным управлением, слабостью системы подготовки кадров.

В процессе трансформации здравоохранения Крыма и Севастополя по российскому образцу начался переход к внедрению стра-

хой медицины, изменились организационные и управленческие подходы к решению накопившихся проблем. За несколько лет в регионе увеличилось количество доступных медицинских учреждений, выросло число специалистов врачебного состава, что сказалось на расширении доступа населения к медицинской помощи. Заметно улучшается качество медицинских услуг, в том числе благодаря внедрению новых технологий. Тем не менее остается много нерешенных вопросов. В модернизации здравоохранения Крыма и Севастополя сделаны лишь первые шаги, ситуация требует постоянного мониторинга и корректировки принимаемых мер, особенно это касается лечебных учреждений в отдаленных районах полуострова; требует постоянного внимания проблема доступности медицинских услуг для низкодоходных групп населения, медленно решаются вопросы улучшения организации труда медицинского персонала.

Анализ данных Федеральной службы государственной статистики [Итоги федерального... web] говорит о средней заработной плате врачей 90 255 руб. в месяц по г. Севастополю и 72 275 руб. в месяц по Республике Крым. Эти данные реалистичны, если учитывать коэффициент совмещения 1,5–1,6 и данные по укомплектованности врачей по состоянию на начало 2023 г. в Севастополе – 76,12 %, и по Республике Крым – 81,5 % [Постановление Совета Министров... web].

О расхождении в цифрах официальной статистики и результатах социологических исследований предоставило информацию профессиональное сообщество «Врачи РФ». Согласно данным опроса, проведенного 11–18 марта 2024 г., $n = 2\,030$, «32,7 % врачей работают на ставку в 20–40 тыс. руб., еще 33,6 % – на ставку 40–60 тыс. руб., и только 22,6 % российских врачей, работающих в государственных клиниках, получают от 60 до 80 тыс. руб. в месяц с учетом всех подработок, дежурств и дополнительных ставок», а 78,9 % врачей должны работать более чем на одну ставку, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни [Струкова web]. Эта ситуация прослеживается и в Крыму, и Севастополе, о чем свидетельствуют данные, полученные от Департамента здравоохранения города Севастополя ¹: штатная численность

врачей по городу в 2020 г. составляла 2 697, а физических лиц – 1 653 человека. Таким образом, коэффициент совмещения определяется как – 1,6.

Проведенное авторами в 2023 г. социологическое исследование по самостоятельно разработанной методике позволило конкретизировать ряд проблем в здравоохранении Крыма и Севастополя после перехода на российскую модель. В данном случае исследователей интересовало мнение опытных врачей, работавших в здравоохранении как до, так и после 2014 года. Использован метод полуструктурированного интервью; объем выборки – 15 респондентов – определен на основании методики К. Стейнара [Steinar 2012, 44].

Проблема исследования заключается в том, что медицинское обслуживание населения по системе обязательного медицинского страхования в регионе имеет тенденцию к понижению доступности и качества оказания медицинских услуг. Подтверждением этому служит «Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты города Севастополя за 2020 год», в котором указано, что «коэффициент стабильности кадров, характеризующий степень сохранения квалифицированного персонала, в 2020 г. в сравнении с 2019 г. снизился на 1,4 % (в том числе по врачам на 2,3 %), что может свидетельствовать о проблемах в системе мотивации и кадровой политики Департамента по сохранению квалифицированных кадров» [Отчет о деятельности... web], а также «Отчет о результатах внешней проверки отчета об исполнении бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования города Севастополя за 2021 год», в котором «по состоянию на 01.01.2022 общая сумма кредиторской задолженности всех подведомственных Департаменту здравоохранения города Севастополя медицинских организаций, источником финансирования которой являются средства ТФОМС, увеличилась на 80 % или на 310 999,2 тыс. рублей, составив 699 670,9 тыс. рублей (в 2020 г. – 388 671,7 тыс. рублей)» [Информация о результатах... web].

Гипотезы исследования:

1. Модернизационный переход на систему обязательного медицинского страхования в Республике Крым и городе Севастополе ска-

зался на снижении социального статуса медицинских работников с высшим образованием.

2. В регионе не удалось пока обеспечить эффективную коммуникацию врача и пациента на основе партнерства и взаимопонимания, что не способствует вовлеченности пациента в сотрудничество по восстановлению утраченного здоровья.

Объект исследования – современные социальные проблемы здравоохранения республики Крым и г. Севастополя. **Предмет исследования** – мнение врачей как основных участников модернизационного процесса в сфере здравоохранения о качестве и проблемах медицинской помощи населению.

Цель исследования: выявить оценку трансформации здравоохранения Республики Крым и города Севастополя врачами разных специальностей через призму динамики их профессиональной деятельности.

В ходе исследования решались следующие **задачи:**

1. Определить оценку врачами условий их труда в медицинских учреждениях (перспективы развития, состояние медицинского оборудования, санитарно-гигиенические условия, состояние техники безопасности, уровень зарплаты, перспективы профессионального роста, объем социального пакета).

2. Выявить соотношение предполагаемой престижности при выборе профессии вра-

ча и оценки статуса врача в современных условиях.

3. Установить, как сами врачи оценивают качество медицинских услуг.

4. Выяснить мнение врачей о характере их отношений с пациентами.

5. Конкретизировать основные проблемы здравоохранения Республики Крым, требующие первостепенного внимания.

В исследовании участвовали врачи пяти городов Республики Крым (рис. 1).

Процедура формирования целевой выборки проводилась с использованием метода «восьмиконной модели выборки» [Штейнберг 2014].

Дефицит врачебного персонала в Крыму и Севастополе не является локальной проблемой региона, она характерна для России в целом. Речь в данном случае идет о государственном секторе здравоохранения.

Соотношение государственных и частных медицинских организаций по России и в Крыму находится на одном уровне: 90 на 10 % [Соотношение частных... web]. Безусловно, было бы интересно определить соотношение врачей, но такие данные будут не корректными, так как большинство врачей совмещают работу в медицинских организациях разных форм собственности. Забегая вперед, отметим, что выводы, сделанные по итогам исследования, предполагают наличие «замкнутого круга». Дефицит врачей имплицитно вызывает возник-

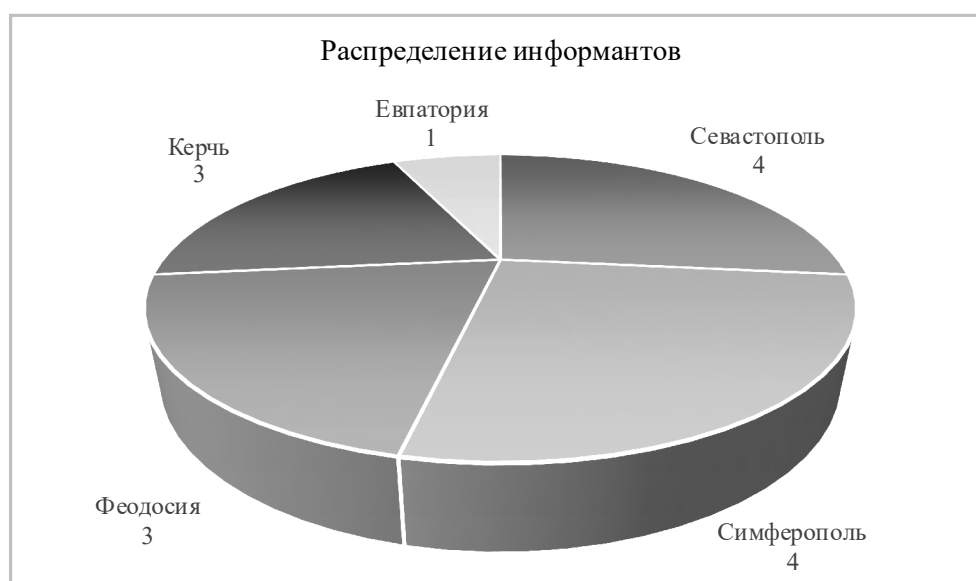

Рис. 1. Региональное распределение информантов

новение свойств, описанных нами в гипотезах исследования, которые, в свою очередь, провоцируют социальную мобильность врачей [Петрова 2014]. Коммерческий сектор медицинского обслуживания не испытывает нехватки кадров, как правило, наоборот – переизбыток предложений. Одним из выходов из сложившейся ситуации является разрыв петли обратной связи, ослабление интеракции. Данный тезис явился основной причиной обоснования теоретической модели выборки. Учитывая, что мы имеем точные представления об изучаемой практике и ее носителях, первый этап формирования выборки был направлен на идентификацию типичного респондента – актора системы здравоохранения. В результате «длинного стола» выработалось «дополное» представление об изучаемом объекте: из всех акторов социального института здравоохранения выделен врач, обладающий экспертностью и типичностью, который

может дать ответ на «ключевой исследовательский вопрос».

На следующем этапе «создания окон» нами сразу были исключены специфические (носители свойств, но не носители практики) и маргинальные (носители практики, но не носители свойств) информанты (рис. 2).

Дальнейший отбор информантов происходил в процессе интервью. Следует отметить, что интервьюер знает «матчасть», то есть знаком с проблематикой в изучаемой области в силу своей профессиональной деятельности. Формулировки и содержание вопросов показывали информанту, что интервьюер понимает предмет, таким образом, экспертное интервью проходило в области определенных типов знания, которыми обладают оба собеседника [Чернова 2023, 85]. Это обстоятельство помогло выделить ключевого эксперта. Эксперт, в свою очередь, различался нами как «типичный эксперт» (знает – не думает), «ключевой эксперт»

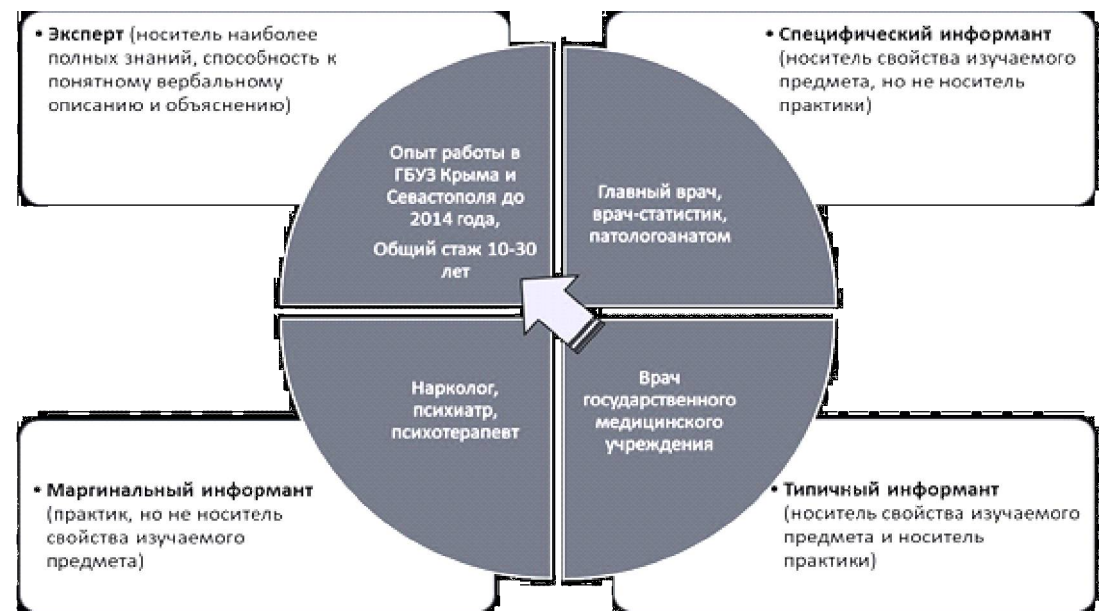

Рис. 2. Идентификация эксперта

Рис. 3. Выделение ключевого эксперта

(знает – думает), «теоретический эксперт» (не знает – думает), «ложный эксперт» (не знает – не думает) – рисунок 3.

Ключевой эксперт, таким образом, должен иметь опыт работы в государственном медицинском учреждении в должности врача от 10 до 30 лет как в украинский период, так и в настоящее время.

Бланк экспертного интервью содержит следующую информацию:

1. Представление интервьюера, ознакомление с целью и методами исследования, дальнейшим использованием полученной информации.

2. Основные сведения об информанте (возраст, образование, специальность по диплому, специальность в медицинском учреждении, должность, стаж работы в настоящей должности, общий стаж работы в системе здравоохранения).

3. Оценка информантом медицинского учреждения, в котором он работает (состояние медицинского и другого оборудования, санитарно-гигиенические условия, уровень техники безопасности; обеспеченность медицинскими инструментами и медикаментами, оснащение кабинетов врачей и зон размещения пациентов, другое).

4. Какие изменения произошли в Вашей работе после вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации (организационные, профессиональные, материально-экономические, социальные)?

5. Ваши возможности профессионального роста, повышения квалификации.

6. Проблемы взаимодействия врача и пациента в современных лечебных практиках.

7. Какова Ваша общая оценка состояния здравоохранения, какие проблемы требуют первостепенного решения?

Ответы на указанные вопросы позволяют определить спектр отношений опытных врачей к тем проблемам, которые возникли в период модернизации здравоохранения и его перехода на страховую организацию медицинского обслуживания.

На вопрос: «Как изменился лично Ваш уровень жизни после вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации?» мы получили такие варианты ответов:

– «после вхождения в состав России в 2014 году улучшился, однако за последние

семь лет стал резко падать, сейчас для содержания семьи приходится трудиться на две ставки» (Евгений, 49 лет, Севастополь);

– «денег всегда не хватает, я понимаю, что запросы у всех разные, но проработав тридцать лет, я надеялась стать заведующей отделением и получить прибавку к зарплате, а новый главный врач поставил “своего человека” из Тюмени, совсем неопытную девочку» (Светлана, 49 лет, Керчь).

А вот на вопрос: «Считаете ли Вы, что врачи, другой медперсонал получают заработную плату, соответствующую затрачиваемому труду?» мы получили единодушные ответы: «нет», «разумеется, нет», «в частной еще можно зарабатывать, здесь нет».

Комментируя соответствующие пожелания участников исследования, подчеркнем, что повышение заработной платы по принципу «уравниловки» не решит проблемы, поскольку хорошие врачи будут получать наравне с теми, кто работает хуже, а заботливый и внимательный медперсонал – наравне с теми, кто относится к своим обязанностям недостаточно добросовестно. Повышать зарплату необходимо, но только в зависимости от обоснованных критериев (профессиональные компетенции, повышение квалификации, использование передовых методов в лечебных практиках, уровень оценки врачебной практики пациентами, востребованность врача в социуме, высокие нравственные качества медицинского работника и др.).

Ответы экспертов показывают, что в 2014–2015 гг. социальный статус врача повысился, а затем стал снижаться, влияя тем самым на социально-психологическое состояние [Каширина 2004] социальной группы. В то же время многие информанты подчеркивают выросшие возможности повышения квалификации в современных условиях.

Сложная картина складывается во взаимоотношениях врача и пациента в современных условиях, о чем свидетельствуют ответы на вопрос: «Расскажите о взаимоотношениях пациента и врача, что Вы думаете о деонтологических проблемах современных медицинских практик?» Вот некоторые из них:

– «сложный вопрос, пациент не всегда приходит в поликлинику за лечением. Иногда он приходит задать несколько вопросов, с возрастом – все больше поговорить, получить одобрение или совет. По-человечески это понятно, но отнимает много времени. При разборе жалоб виноват почти всегда врач» (Евгений, 49 лет, Севастополь);

– «нас загнали в такие рамки, что уму непостижимо..., пятнадцать минут на прием пациента, а в коридоре еще и без талонов сидят, и их тоже необходимо принять, чаще всего в нерабочее время, но это еще не все..., дальше нужно заполнить кучу бумаг; при всем желании у врача не остается времени, чтобы сделать пациента своим союзником в лечении» (Светлана, 49 лет, Керчь);

– «все больше понимаю, что на приеме я пытаюсь побыстрее выпроводить пациента, назначив ему препараты по клиническим рекомендациям, но реально разобратся в ситуации и помочь я могу только в частной клинике, где прием занимает столько времени, сколько понадобится» (Игорь, 39 лет, Симферополь).

Таким образом, можно сделать вывод, что для поддержания определенного уровня жизни врачам приходится трудиться больше, чем на одну ставку, но при этом нагрузка возрастает в геометрической прогрессии, так как повышается не только экстенсивность (количественное увеличение врачебных часов), но и интенсивность трудовой деятельности: врачам не достаточно времени, чтобы провести полноценный прием за 15 минут, очередь пациентов сдвигается, кроме того есть пациенты без талонов, которые «не уйдут, пока их не примут», есть сложности с работой Единой медицинской информационной системы, это все заставляет отступать от графика, оформление документов фактически осуществляется врачом в нерабочее время. Ответы информантов позволяют сделать вывод, что при таких условиях организации приема у врача мало возможностей воздействия на отношение пациента к своему здоровью, на поиски диалога в лечебном процессе.

На вопрос «А какова Ваша общая оценка состояния здравоохранения, какие проблемы требуют первостепенного реше-

ния?» нами получены достаточно однотипные ответы:

– «оценка 2 из 10, необходимо убрать ненужные бумажные отчеты, избавиться от избыточного административного персонала в виде заместителей главного врача, много “командиров”, а людей лечить некому» (Кирилл, 51 год, Симферополь);

– «оценка низкая, нас учили другому – помогать людям, лечить людей, а не болезни, “услугу” мы оказываем, верное название – нас в услужение отправили, трудиться за еду» (Василий, 53 года, Керчь);

– «слишком много контролеров развелось, все хотят нас проверить и найти ошибки в работе, теперь еще и страховые компании проверяют, извините, а что они вообще страхуют? Здоровье? Я понимаю, когда страховка от несчастного случая, а так – не понятно. Основное, на что я бы обратил внимание – это то, что на одного врача приходится 2–3 начальника, куча проверяющих, бумажки, отчеты, теперь компьютер поставили, но он почти все время зависает или программа не работает. С этим разбирайтесь. Здоровья людям не прибавит, а нас заставляет искать способы от этого всего избавляться» (Владимир, 48 лет, Керчь).

Анализ показывает, что экспертные оценки состояния здравоохранения достаточно близки, хотя и отражают личностные особенности участников исследования и их статусно-ролевые отличия. Нами получена специфическая информация из врачебной социальной среды, подтверждающая гипотезы эмпирического исследования, причем «насыщение» началось достаточно быстро, уже на втором – четвертом интервью.

Спрос на медицинские услуги превышает предложения в государственном секторе, по законам рыночной экономики ниша занимает альтернативными предложениями коммерческих медицинских учреждений, но с более высоким уровнем сервиса, наличием нового оборудования, вероятностным более высоким качеством оказания медицинской помощи. С одной стороны, это снижает нагрузку на государственный (бюджетно-страховой) сектор здравоохранения, а с дру-

гой стороны, создает неравенство доступа к медицинским услугам различных социальных слоев населения.

Кроме того, тезис страховой медицины «деньги идут за пациентом» сказывается на урбанистическом распределении медицинской помощи: в городах переизбыток, а в малых населенных пунктах нередко полное отсутствие. Способствует такому положению и миграционные процессы в современной России. На наш взгляд, возможно изменение ситуации при помощи административно-реформирующих методов: изменение модели здравоохранения со страховой на бюджетную применительно к селу и отдаленным поселениям, создание мобильных передвижных пунктов оказания медицинской помощи, в том числе и врачами-специалистами, льготы для работающих врачей-пенсионеров, использование телемедицины.

В процессе исследования нами выявлена тенденция, касающаяся возникновения социальных рисков при потреблении медицинских услуг и проявляющаяся в потере: денег, здоровья, душевного равновесия [Василенко, Ткаченко 2016]. Врачи в своих ответах дают основания полагать, что медицинские услуги в частных медицинских организациях более способствуют сохранению и поддержанию здоровья. О противоречивости понятий «медицинская услуга и медицинская помощь» идут дискуссии и в медицинском сообществе, и в управленческой системе на всех уровнях [В федеральном законодательстве... web], однако проблема остается. Как и в системе образования, как в культурной сфере – в здравоохранении понятие «услуга» извращает смысл самого содержания профессиональной деятельности врача. Не случайно медицину называют «лечебным искусством», «искусством исцеления» – медицинская помощь не может быть услугой, по своей сути это социальное служение, результаты которого зависят от профессиональной компетенции и нравственной позиции врача. А институт здравоохранения призван создать условия для успешной деятельности тех, кто посвятил себя служению людям.

Пока же в ходе нашего исследования подтвердилась гипотеза о снижении статуса врача в современном российском здравоохранении,

о социальных противоречиях, связанных с квалификацией, профессионализмом врача и экономической оценкой его лечебной деятельности. Исследование также подтвердило, что условия работы врача в государственном медицинском учреждении не способствуют установлению доверительных отношений между врачом и пациентом, не позволяют им стать союзниками в борьбе с болезнями, не помогают пациентам осознать и почувствовать собственную ответственность за свое здоровье.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ответ Департамента здравоохранения г. Севастополя на запрос Общественной палаты г. Севастополя № 622/01-04-12.03-31/02/21 от 11.03.2021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василенко, Ткаченко 2016 – *Василенко И.В., Ткаченко О.В.* Влияние культурных факторов на социальные риски потребительского поведения // *Инновационные технологии в науке и образовании.* 2016. № 3 (7). С. 146–154.
- В федеральном законодательстве... web – В федеральном законодательстве разграничат понятия «медицинская услуга» и «медицинская помощь»: мнения. Законодательное Собрание Кировской области // <https://zsko.ru/press-center/news/v-federalnom-zakonodatelstve-razgranichat-ponyatiya-meditsinskaya-usluga-i-meditsinskaya-pomoshch-mn.html>
- Информация о результатах... web – Информация о результатах внешней проверки отчета об исполнении бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования города Севастополя за 2021 год. Контрольно-счетная палата города Севастополя // <http://ksp-sev.ru/информация-о-результатах-внешней-про-11>
- Итоги федерального... web – Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь – декабрь 2023 года // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_04-2023.htm
- Каширина 2004 – *Каширина Л.В.* Статусно-ролевые аспекты социально-психологических состояний социальных групп // *Социология власти.* 2004. № 5. С. 124–134.
- Отчет о деятельности... web – Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты города Севастополя

- поля за 2020 год. Законодательное Собрание города Севастополя // https://sevzakon.ru/assets/files/otchety/podkontr_org/otchet_ksp_n765_ot_25_05_2021_1.pdf
- Петрова 2014 – *Петрова Л.Е.* Профессиональная мобильность педагогов и врачей: возможности и ограничения сравнительного анализа // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 127–130.
- Постановление Совета Министров... web – Постановление Совета Министров Республики Крым от 15.12.2020 № 791 «Об утверждении Региональной программы модернизации первичного звена здравоохранения Республики Крым на 2021–2025 годы» // <https://mzdrav.rk.gov.ru/documents/8cf44494-0768-4804-a040-09ce6526f324>
- Соотношение частных... web – Соотношение частных и государственных клиник, Россия // <https://statprivat.ru/okfs?r=2>
- Струкова web – *Струкова Т.* Более 50 % врачей жалуются на то, что зарплата не покрывает базовые потребности // <https://rtvi.com/news/bolee-50-vrachej-zhaluyutsya-na-to-chto-zarplata-ne-pokryvaet-bazovye-potrebnosti/>
- Чернова 2023 – *Чернова Ж.В.* Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 74–90.
- Штейнберг 2014 – *Штейнберг И.Е.* Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71.
- Steinar 2012 – *Steinar K.* *Doing Interviews.* Newbury Park: SAGE Publications Ltd, 2012. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781849208963>
- Information on the Results of an External Audit of the Budget Execution Report of the Territorial Compulsory Medical Insurance Fund of the City Sevastopol in 2021. The Control and Accounting Chamber of the City of Sevastopol.* URL: // <http://ksp-sev.ru/information-about-the-results-of-external-pro-11>
- Results of the Federal Statistical Observation in the Field of Remuneration of Certain Categories of Workers in the Social Sphere and Science for January–December 2023.* URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_04-2023.htm
- Kashirina L.V., 2004. Status-Role Aspects of Socio-Psychological States of Social Pears. *Sociologiya vlasti*, no. 5, pp. 124-134.
- Report on the Activities of the Control and Accounting Chamber of the City Sevastopol for 2020. Legislative Assembly of the City Sevastopol.* URL: https://sevzakon.ru/assets/files/otchety/podkontr_org/otchet_ksp_n765_ot_25_05_2021_1.pdf
- Petrova L.E., 2014. Professional Mobility of Teachers and Doctors: Opportunities and Limitations of Comparative Analysis. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 1, pp. 127-130.
- Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea Dated December 15, 2020 No. 791 “On Approval of the Regional Program for the Modernization of Primary Health Care of the Republic of Crimea for 2021–2025”.* URL: <https://mzdrav.rk.gov.ru/documents/8cf44494-0768-4804-a040-09ce6526f324>
- The Ratio of Private and Public Clinics, Russia.* URL: <https://statprivat.ru/okfs?r=2>
- Strukova T. *More than 50 % of Doctors Complain That the Salary Does Not Cover Basic Needs.* URL: <https://rtvi.com/news/bolee-50-vrachej-zhaluyutsya-na-to-chto-zarplata-ne-pokryvaet-bazovye-potrebnosti/>
- Chernova Zh.V., 2023. Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities and Limitations. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, no. 5 (177), pp. 74-90.
- Steinberg I.E., 2014. Logical Schemes of Sample Justification for Qualitative Interviews: “Eight-Window” Model. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no. 38, pp. 38-71.
- Steinar K., 2012. *Doing Interviews.* Newbury Park: SAGE Publications Ltd. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781849208963>

REFERENCES

- Vasilenko I.V., Tkachenko O.V., 2016. Influence of Cultural Factors on Social Risks of Consumer Behavior. *Innovacionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii*, no. 3 (7), pp. 146-154.
- In Federal Legislation, the Concepts of “Medical Service” and “Medical Care” are Distinguished: Opinions. The Legislative Assembly of the Kirov Region.* URL: <https://zsko.ru/press-center/news/v-federalnom-zakonodatelstve-razgranichat-ponyatiya-meditsinskaya-usluga-i-meditsinskaya-pomoshch-mn.html>

Information About the Authors

Olga I. Sgibneva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olga.sgibneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

Artem A. Boboshko, Postgraduate Student, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Chief Physician, ООО Clinic of Rehabilitation Dentistry (LLC), Letchikov St, 6, 299011 Sevastopol, Russian Federation, artembobo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-7282>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Сгибнева, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olga.sgibneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

Артем Андреевич Бобошко, соискатель кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; главный врач, ООО «Клиника реабилитационной стоматологии», ул. Летчиков, 6, 299057 г. Севастополь, Российская Федерация, artembobo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6990-7282>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004